

№

1841

5.

ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Часть первая.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринять съ тою цѣлю, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время вполнѣ знакомящее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себя слѣдующаго рода статьи:

I. *Отдѣльные піесы въ стихахъ и прозѣ, извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей:* трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только *лучшіе* водевилы. Въ составъ этого отдѣленія входятъ піесы, *игранныя на сценѣ и неигранныя*, замѣчательныя по своему созданію и изложенію.

II. *Исторія театра:* взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. *Панорама вѣсѣхъ современныхъ театровъ:* отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. *Біографическіе и характеристическіе очерки* знаменитѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. *Отдѣльныя сцены*—историческія и взятія изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. *Повѣсти и рассказы*, могущія подать мысль для драмы, комедіи или водевиля.

VII. *Забавныя куплеты и стихотворенія.*

VIII. *Библиографическіе обзоры сочиненій*, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и во всѣхъ другихъ родахъ.

IX. *Смѣсь:* анекдоты; замѣчанія на декорации, костюмы и музыку значительныхъ піесъ; острые слова; каламбуры и театральныя слухи.

X. Кроме того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться нумеръ *Текущаго Репертуара Русской Сцены*, состоящій изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переводныхъ, имѣвшихъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ піесахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя непрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть изданъ вдругъ и потому выходитъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: *изъ портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театралныхъ, маскарадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декораций, гравированныхъ на стали, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ, за границею или въ Россіи, и изъ музыки, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и танцевъ, аранжированныхъ для форте-піано.*

Редаціею *Пантеона* завѣдуетъ Федоръ Александровичъ Копп.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1844 году: **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, съ *пересылкою* во весь города Россійской Имперіи и съ *доставленіемъ* на домъ въ С. Петербургъ.

Подписка принимается въ магазинѣ издателя, *книгопродавца Полякова*, на Невскомъ проспектѣ, вблизи Михайловской улицы, въ домъ графини Строгановой; въ его же книжной лавкѣ въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 17. Иногородныя особы благоволятъ адресоваться въ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта.

Издатель, С. Петербургскій книгопродавецъ Василій Поляковъ.

ШЕЛЬМЕНКО-ДЕНЬЩИКЪ,

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Грицка Основьякенка.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кирилъ Петровичъ Шпакъ, помѣщикъ.

Февва Степановна, жена его.

Присвиька, дочь ихъ.

Тимофей Кондратьевичъ Лопуцьковскій, женихъ ея.

Осипъ Прокоповичъ Опецьковскій, пріѣзжій помѣщикъ.

Аграфена Семеновна, жена его.

Эйжени, дочь ихъ.

Иванъ Семеновичъ Скворцовъ, капитанъ, квартирующій съ командою въ деревнѣ Шпака.

Шельменко, деньщикъ его.

Мотря, горничная.

Ключница.

Лакей.

Кучеръ.

Гости, малолѣтніа дѣти съ няньками, грудныя съ кормилицами, горничныя и другіе слуги и служанки.

Дѣйствіе въ Малороссіи, въ деревнѣ Шпака.

Представлена въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ театрѣ, 2 мая, 1841 года.

ШЕЛЬМЕНКО - ДЕНЬЩИКЪ,

КОМЕДІА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІАХЪ.

СОЧ. ГРИГОРА ОСНОВЪНИННА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляеть во веѣхъ пяти дѣйствіяхъ—простой, безъ всякихъ украшеній сцѣ; кое-гдѣ большія, вѣтвистыя деревья; подъ ними деревянныя, некрашенныя скамейки. Изъ-за деревьевъ видѣтъ господскій домъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Скворцовъ, (сидитъ подъ деревомъ и читаетъ книгу). Посланный мой неидеть!... какое нетерпѣніе!... (*Читаетъ.*) Видно по всему, что доступъ труденъ, когда уже и Шельменко не можетъ пробраться. (*Читаетъ и потомъ, бросивъ книгу, встаетъ.*) Какъ бы огорчился мой дядя, если бъ узналъ, что генеральскому племяннику отказали, и гдѣ же? въ Малороссіи!... Онь вѣрить не хочетъ, чтобы могли здѣсь быть пориочные люди... Однако жъ отказали!.. Увести—и конецъ дѣлу! Посердятся, да и простятъ, а я съ состояніемъ. Присивька, право, оччень мила; имѣеть странности... но я ее, съ монми кузинами, скоро перевоспитаю; она добра, любитъ меня, капризовъ не имѣеть... пойдеть дѣло на лаать.

ЯВЛЕНІЕ II.

Скворцовъ и Шельменко.

Шельменко, (выбѣгаетъ изъ-за кулисы, торопливо оглядываясь). Тю!... тю!... на вашего батька!... (*Увидя Сквор-*

цова, становится въ позитуру съ неловкостію.)

Скворцовъ. Что, есть ли какой успѣхъ?

Шельменко. Лепортуя вашему благородыю, тее-то, усе обстоить благополучно... будучи... вѣту-тѣ никакого успиху.

Скворцовъ. Какъ это, отчего ты не исполнилъ моего препорученія?

Шельменко. Я усе справывъ—тее-то, ваше благородые, справно...

Скворцовъ. И барышню видѣлъ?

Шельменко. Никакъ вѣтъ, ваше благородые.

Скворцовъ. Стало, и письма не отдалъ?

Шельменко. Никакъ вѣтъ, ваше благородые.

Скворцовъ. За чѣмъ же ты не отдалъ?

Шельменко. Не могу знать, ваше благородые.

Скворцовъ. Какъ не можешь знать? Вѣдъ ты въ домъ былъ?

Шельменко. Никакъ вѣту-тѣ, ваше благородые.

Скворцовъ. Почему же вѣтъ, когда я тебя приказалъ?

Шельменко. Эге, пожалуй! Ваше благородные приказалы, такъ шо жъ?... Собака, ваше благородные, тее-то, дуже за хатю загавкала, такъ я, будучи, и навтикача!...

Скворцовъ. Ахъ ты трусь!

Шельменко. Выдыма смерть страшна, ваше благородные!

Скворцовъ. Я тебя еще не такъ напугаю. Прикажу отпустить, обѣщанныхъ тебѣ за неисправность, сто палокъ...

Шельменко. Рады стараться, ваше благородные!... Не положить, стало быть, гниву. Дозвольте мыни, тее-то, безъ артыкулу, а такъ, будучи, словесно побожытысь передъ вашимъ благородиемъ, шо колы, тее-то, будучи, мы не видштурмуемо панвочки, такъ щобъ, стало быть, я, Шельменко, та передъ вашимъ благородиемъ, отъ тутъ, прахомъ павъ. Отъ шо!

Скворцовъ. Съ твоей ли головой это сдѣлать!

Шельменко. О-охъ, ваше благородные!— Та вы ще, будучи, не знаете сией головы! Робылы мы производствомъ и не таковыи, тее-то, дила, якъ бували, будучи, зъ покойнымъ секретаремъ Грошолупомъ на слидствіяхъ.

Скворцовъ. Ты еще и хвалишься, а самъ и начала не сдѣлалъ.

Шельменко. Та де то вже, будучи, не здилавъ. Я, ваше благородные, безъ сорома казка, одну чорвобрывку, тее-то, пидмовивъ, щобъ отъ-се выбигла до мене пидъ сю разкаряковату грушу, такъ мы тутъ, будучи, усе до ладу зробымо. Старыхъ панивъ обдуримо, панвочку вамъ, тее-то, поставымо и усе, будучи, буде гараздъ. Бо знаете, ваше благородные: якъ Шельменко, та зъ хытровою дивкою, тее-то, такъ, будучи, и самага чорта зануздають. Идыть же, ваше благородные, на кватырю, тягнить люльку, а тутъ усе буде гараздъ.

Скворцовъ. Смотри, Шельменко, не проведи меня. Ахъ, какое я мученіе тер-

плю!... Бывалъ ли ты, Шельменко, влюбленъ?

Шельменко. Щобъ то... будучи... якъ, ваше благородные?

Скворцовъ. Ну, любилъ ли ты когда нибудь?

Шельменко. Охъ, ваше благородные! Будучи, нигдѣ гриха диты. Любивъ... и, тее-то... ще й теперь крипко люблю.

Скворцовъ. Вотъ это для меня новость. Кого жъ это?

Шельменко. Гроши, ваше благородные! Любивъ, люблю и любитему пока, тее-то, здохну! И батька, и матирь, и жинку, и дитей, и увесь риаъ свій, будучи, за нихъ видѣавъ. Шо то я ихъ люблю! И ничъ, и дель, будучи, убываюся, шо якъ бы то ихъ, стало быть, больше нагарбаты, бо нема и у свити ничего луччого, якъ, будучи, сказать, — гроши.

Скворцовъ. Скотъ ты—и больше ничего.

Шельменко. Такъ-такы, ваше благородные! Ей истынну сказалы: скотъ, ваше благородные! правда, правда. Идыть же соби, будучи, видсиль; та будьте близенько, щобъ, тее-то якъ гукну, такъ щобъ вы, будучи, тутъ и вродылысь. Може и панвочка на шпѣдирь, будучи, выйде, и вы тутъ, стало быть, и ё.

Скворцовъ. Смотри, Шельменко! Работай проворно; я тебя награжу; а не то, палки по обѣщанію. (Уходитъ.)

Шельменко, (одинъ, въ размышленіи.) Палки!... палки!... Чы думавъ ты, панъ Шельменко, тее-то, объ палкахъ тогда, якъ бувъ, будучи, при волосты нысаремъ?... Гай, гай! Не теперь спомыны! Тогда не тилки уся волость, тее-то, трепетомъ мене трепетала, та не тилки самъ, будучи, голова прыйдите поклопимся, та, стало быть, и засидатели земскаго суда, у вичи дывылыся отъ-сеу Шельменку, якъ бы его, будучи, уконгентоваты! А теперь Шельменку не можно, стало быть, ни пары зъ усть: заразъ палки! — Ой Мыкыто, Мыкыто! А пуще стара его маты; зайлы вы мою

голову! Чымъ-бы досе, будучы, бувъ. Занапрасно стражду, и хто-то, тее-то, моею худобою, шо було добре, будучы, нагарбавъ, хто-то ею орудуетъ... (Задумывается.)

АВЛЕНІЕ III.

Шельменко и Мотрл.

Мотрл. Чего вы меня, служивый, звали?

Шельменко. Отъ же... будучы... спасыби шо вы выйшли. Осъ ходите жъ, тее-то, сюлы, пидъ сюю грушу, я вамъ щось, тее-то, будучы, скажу, та таке гарце...

Мотрл. Говорите же скорѣе; мнѣ некогда.

Шельменко. Знаете шо? яки вы побовыди... та чорняви... и васъ, тее-то, крипко... будучы... полюбывъ...

Мотрл. Такъ какое мнѣ до этого дѣло?

Шельменко. Якъ яке дило? Я васъ такъ крипко, стало быть, полюбывъ, шо у день, будучы, не сплю, а у ночи, тее-то, не имъ, такъ на стину и дерусь, та усе васъ, тее-то, бажаю...

Мотрл. Деритесь вы себѣ какъ хотите, а мнѣ нужды мало.

Шельменко. Якъ нужды мало? Полюбить, будучы, и вы мене.

Мотрл. Полюбить неолого, да какой изъ того толкъ будетъ?

Шельменко. Такой толкъ... шо мы соби, тее-то, поберемось.

Мотрл. Боже меня сохрани, чтобъ я за солдата вышла.

Шельменко. Отъ-такъ! який я, будучы, солдаты? Бувъ колысь солдатомъ, такъ, знаете, якъ я, будучы, пишовъ охотно у службу, такъ, тее-то, такой храбрый, будучы, бувъ, шо тильки де забачу турка, то такъ его, тее-то, и зрубую; такъ за се мене и пожаловалы, бу-

дучы, чиномъ и вже, стало быть, Въ протыхъ выйшовъ. Авже я, тее-то, копытаньскій дельщикъ; отъ-шо!

Мотрл. Такъ вы уже и благородные.

Шельменко. Эге!

Мотрл. Ну когда такъ, взвольте, выйду за васъ, да буду-ли я благородная?

Шельменко. Та такы точнисиенько така, якъ, будучы, и я. Та отъ-се не забаремъ, не забаремъ буду, тее-то, ще у вышчому чыни, буду маіорскій дельщикъ, та дослужимосл, тее-то, и до генеральскаго.

Мотрл, (обрадовавшись.) До генеральскаго? Такъ присылайте же сегодня старость меня сватать я уже васъ крѣпко полюбила.

Шельменко. Отъ-такъ бы, будучы, давно. Знаете шо! Часомъ паны ваши за мене васъ, тее-то, не виддалутъ, такъ мы такъ зробимъ, шобъ мій копытанъ та на вашій паночки, тее-то, оженився.

Мотрл. Мои господа не отдають ее за него, и уже барышнѣ приказано, чтобъ она объ немъ и не думала.

Шельменко. Такъ мы зробимъ такъ, шобъ, будучы, вони побрались; колы жъ побачыте, шо, тее-то, вамъ не перелывкы, такъ вы утечить зъ нами. Натѣ, лышень, осъ де, будучы, нысьмечко до барышни, тутъ, тее-то, усе напысано, у яку пору вамъ и кулы выйты; тильки вы намъ, тее-то, подайте звистку. Натѣжъ, натѣ, та виддайте бережененько.

Мотрл. Этого никогда не будетъ. Что за находка итти за вашего капитана? На рубль амбицин, а на грошь аммуницін: только что золотые подсолнечники на плечахъ. А вотъ сегодня къ обѣду будетъ женихъ, панъ Лопуцьковскій, такъ богатый, да пребогатый. Онъ за тѣмъ и пріѣдетъ, чтобъ барышню сватать, и челоувѣкъ его рассказывалъ, что при сватанъ всѣмъ дворовымъ людемъ будетъ розовые шелковые платки дарить. Такъ вотъ что! А вашъ капитанъ что? Тоу!

Шельменко. Та осъ послушайте, душ-

ко, що я вамъ, будучи, скажу. Ось по-слушайте. (*Говоритъ ей тихо.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тя же и Шпакъ. (*Онъ въ халатъ, колпакъ и туфляхъ. Несетъ большую кучу московскихъ газетъ.*)

Шпакъ. Ужъ мнѣ эти приборы! И въ кабинетъ не дали покоя. Недавно мыли полы, а тутъ, для пріема жениха, опять поднялась возня!—Выйди, да выйди!—А только было принялся читать описаніе сраженія, какъ карликовъ поколотили; такъ не дали, да и не дали!—А воть ли-бо здѣсь не помѣшаютъ. (*Садится подъ деревомъ и перебираетъ листки.*) Гдѣжъ я остановился?... Да точно; такъ, такъ, это 36 годъ. (*Читаетъ.*)

Мотря. Бѣда моя! Что теперь баринъ подумаетъ. Какъ уйти?

Шельменко. Попався жучку, панови у ручку. Отъ халепа буде.

Шпакъ. Кто тамъ? (*Подходитъ, и увидевъ ихъ*) Чего вы тутъ забрались? Что это значить? И капитанъ, и деньщикъ принялся за любовныя куры... а?

Шельменко. Та такъ такъ, такъ; знаете, будучи, курочка отъ тамечки, будучи, е; такъ я пытавъ чы не можно, тее-то...

Шпакъ. Я тебѣ дамъ курочку, живаго тебя не выпущу. Это капитанскія штучки. Зачѣмъ ты, Мотря, здѣсь?

Шельменко. Та вона... тее-то... ваше благородыя...

Шпакъ. Я не тебя спрашиваю; съ тобою раздѣляюсь послѣ. Говори ты, Мотря; скажешь правду, половина вины прощена.

Мотря. За мою, сударь, и никакой вины вѣтъ, хоть сейчасъ умирать. Онъ вызвалъ меня, да уговаривалъ, чтобъ и помогала барышнѣ выгнати за капитана за мужъ, и отдавалъ мнѣ письмецо, чтобъ отдала барышнѣ.

Шпакъ. Хорошо же. Ступай же къ сво-

ему дѣлу. (*Мотря уходитъ.*) А! бездѣльникъ!—Что теперь скажешь?

Шельменко. Хто? я, ваше благородыя? Та я вамъ, будучи, усю правду скажу.

Шпакъ. Не смѣй меня величать вашимъ благородіемъ; знаешь ли ты, что я сынъ бунчуковаго товарища, а этотъ чинъ равняется съ коллежскимъ ассесоромъ, а тотъ съ майоромъ. Такъ вилишь ли, какъ я далекъ отъ твоего капитана и всѣхъ благородныхъ.

Шельменко. Я тилки се, будучи, думавъ, а теперь же вже, тее-то, и бачу: ваше высокоблагородыя!

Шпакъ. То-то-же. Сейчасъ открой мнѣ усю правду, —зачѣмъ ты здѣсь, —и подай сюда письмо.

Шельменко. Заразъ, ваше благор... тее-то... высокоблагородыя, усе вамъ, тее-то, до чыста разскажу. Мій капитанъ та задумавъ вашу дочку, тее-то, узяты...

Шпакъ. Далекъ куливу до Петрова дня.

Шельменко. Такъ-таки, ваше высокоблагородыя, я ему и казавъ, будучи; отъ такъ точнисиныко: чы выжъ имъ, тее-то, кажу, ривня? То панъ Шпакъ, а вы хто? Панъ Шпакъ богатый на усю губу; а въ васъ шо? Мушерь та рейтузы. Такъ-таки затявся, та й затявся. Отъ же, будучи, и полизъ свататъци, та, спасыби, вы ему, тее-то, и пиднеслы печеного гарбуза. Пысаные глаголетъ: котузи по заслуди.

Шпакъ. Такъ, такъ; правда твоя. Ты видно человекъ не безъ разсудка.

Шельменко. Куды намъ, ваше высокоблагородыя, тее-то, до васъ ривнятысь.

Шпакъ. Зачѣмъ же ты сюда пришель и съ Мотрею говорилъ?

Шельменко. Та-то мы, тее-то, соби... такъ... знаете, ваше высокоблагородыя... чы не буде видъ васъ гниву?

Шпакъ. Не бойси, не бойся, только разскажи мнѣ все по самой чистой правдѣ.

Шельменко. Та мол, будучи, правда, така буде чиста, якъ, тее-то, сонце, шо на него и не глянешь. Отъ бачите, ваше

благор... вы то такъ, ваше высокоблагородные; отъ якъ давъ мыни попытанъ письмо до панночки, а тутъ написано, тее-то, колы и якъ утекты, такъ, я, будучы, ажъ... заплакавъ соби ныщенкомъ... отъ ей, правда! бодай я николаде плакавъ, колы, стало быть, не правда моя! Жалко стало, що мы васъ, пана Шпака, та обдурюемо, а вы намъ у во всемъ тее-то, вирите...

Шпакъ. Благодарю тебя, мой другъ, за усердіе ко мнѣ! Что же далѣе? Ты взялъ письмо...

Шельменко. Охъ! узавъ, та, будучы, думавъ вамъ передаты, та, тее-то, не посмивъ: дывлюсь, дивчына тутъ кыслычкы збира, я до ней,—та, тее-то, знаете, щобъ вона добриша була, такъ я, будучы, тее-то... звисно наше молодецъби дило...

Шпакъ. Понимаю, понимаю; я и самъ былъ молодъ.

Шельменко. Отъ-се... отъ-се, и добре, колы ваше высокоблагородные догадальсы. Ось якъ бачу, що вона до васъ, будучы, усерна, отъ я и нажу: выддай душко писмечко панночки. Бо знавъ, що вона не панночки, будучы, видасть, а певно вамъ, то отъ, будучы, я и вамъ бы услувывъ и передъ копытаномъ не бувъ бы, тее-то, выновать. Тилько що се кажу, а вы тутъ и вышлы, нехай здорови будете.

Шпакъ. Ахъ, да ты мастерски схитрилъ! Я замѣчаю въ тебѣ много ума и честности.

Шельменко. Э! де чога по троху ваше высокоблагородные. Ще мене якъ, будучы, розкоштуите тогда ще, тее-то, и пете скажете.—А щобъ вы мыни зовсимъ по-вирылы, то нате вамъ и писмечко, та и прочитайте соби. Писанные глаголетъ: письмо очи коде.

Шпакъ, (прочитавъ письмо.) Ахъ, онъ бездѣльникъ!... ахъ, мошенникъ!... Я это письмо представлю въ судъ и буду на немъ безчестія искать.

Шельменко. Та ви, ваше высокоблагородные!

Що вамъ безчестія? По пысанью: якъ объ стину горохомъ. А пидете по судамъ, то хйба не знаете: якъ почнуть, будучы, справкы та сообщеныя пысаты, а копытанъ тымъ часомъ, панночку, стало быть, вкраде и зробить, тее-то, що хотивъ, тогди ничымъ не залагаєте.

Шпакъ. Правда твоя, другъ, правда! Поди же скажи ему, что письмо отдалъ въ руки Присивки...

Шельменко. Та вже мене не вчитъ, якъ, тее-то, людей обдурюваты. Часомъ, отъ-такъ-тагы, отъ-се, будучы, передъ вашимъ благор... чы то такъ: вашимъ высокоблагородиемъ, у вичи таки теревени правляю, що прытьмомъ на смихъ, а винъ, сердца, ще, будучы, и лякуе, що я его, тее-то, у дурни пошываю. А передъ копытаномъ нестрашно; я вже его, будучы, знаю. (*Вытянувшись*), Прощеныя просымо, ваше высокоблагородные.

Шпакъ. Прощай, мой любезный! Когда что новое узнаешь, приходи прямо и расскажи. Я тебя особенно буду благодарить.

Шельменко. Рады стараться, ваше высокоблагородные! (*Просто, подхоя къ Шпаку.*) А колы знаете що? Я тутъ буду сноваты и у двори и у садку: чы не за прымичу, тее-то, чога, хочъ бы и самого копытана, то, будучы, и дамъ вамъ заразъ звистку: кахыкну ось такъ, (*кашляетъ*) то вы до мене, яко мога, тее-то, и поспышайте. Щастливо оставатьця. (*Вытягивается, дѣлаетъ на льво кругомъ и маршируетъ за кумысы, съ неловкостію.*)

Шпакъ, (одинъ). Какое счастье, что я привлекъ на свою сторону этого умнаго и честнаго малаго! Теперь капитанъ у меня въ рукахъ; захочу, черезъ Шельменку попадется ко мнѣ въ руки и пристыжу его крѣпко. Забудетъ впередъ сманивать невѣсть. Феночка моя въ хлоцотахъ по хозяйству, не буду ей мѣшать; пока займуъ газетами. Ну что-то

мои Карлисты съ Христовосами. (Садится и читаетъ газеты).

ЯВЛЕНІЕ V.

Шпакъ и Фенна Степановна.

Фенна Степановна, (съ пузырькомъ въ рукахъ.) Вотъ гдѣ они забрались! Я васъ, душечка, по всему дому искала.

Шпакъ, (проставивъ палецъ къ газетамъ.) Потеря Карлистовъ... Гдѣжь мнѣ въ домъ усидѣть, когда всѣ полы моютъ. А что вамъ, маточка, надо?

Фенна Степановна. Дѣло есть поговорить.

Шпакъ, (также не оставляя читать.) При переправѣ... дайте жъ мнѣ, маточка, вотъ немного дочитать; я и самъ имѣю очень нужное къ вамъ... да вотъ дочитаю прейнтересное сраженіе. (Читаетъ.)

Фенна Степановна. Да нуте, уже полно. Ужъ какъ примутся сражаться, такъ ни до чего дѣла нѣтъ.—Ну те бо Кирило Петровичъ, займитесь еще со мною.

Шпакъ. Разнесли слухъ... да что вамъ, маточка, надо?

Фенна Степановна, (показывая пузырькъ.) А вотъ, душечка, не хотите ли принять лекарства.

Шпакъ. Помилуйте меня, маточка! Я совсѣмъ здоровъ, на что мнѣ лекарство; и какое оно?

Фенна Степановна. Такъ что жъ, что здоровы? Еще здоровѣе будете. Это отъ колики; нате, выкушайте...

Шпакъ. Да меня нигдѣ не колетъ. Помилуйте жъ меня, Фенна Степановна! Раззореніе съ вами! Что вамъ это вздумалось здороваго человѣка лечить?

Фенна Степановна. Лишнее здоровье, душечка, вѣкогда не мѣшаетъ. Вотъ видите: прибираясь къ гостямъ, я перебирала у себя въ шкафъ: смотрю, баночка

съ лекарствомъ. Помните-ли прошлаго года, зимою, я пошла на ночь буженины съ чеснокомъ и меня схватила колика, такъ Иванъ Омичъ тогда прописалъ мнѣ это лекарство.

Шпакъ. Такъ то у васъ колика была, а не у меня. Вы же, маточка, тогда буженины на ночь накушались, а я вчера почитай и не ужиналъ. Оно же прошлогоднее, никакого дѣйствія не произведетъ. Возьмите, да вылейте его.

Фенна Степановна. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ! Я вамъ не наудивляюсь. Человѣкъ вы умный, а такъ разсуждаете? Вылить! Какъ таки вылить, когда вещь стоитъ рубль двадцать копѣекъ.

Шпакъ. Помилуйте же и вы меня, Фенна Степановна. Я тутъ и въ толкъ ничего не возьму: у человѣка все благополучно и вигдѣ не колетъ, такъ пей прошлогоднее лекарство, чтобъ деньги не пропали. И съ чѣмъ его принимать? Съ чаемъ, или съ виномъ?

Фенна Степановна. И сама не знаю, что-то забыла: И внутрь-ли принимать, или снаружи мазать, ей-же-то Богу моему, не помню; хоть сейчасъ убейте меня, не помню. (Ласкается къ нему.) Да нужды нѣтъ, тутъ его не много, всего на одинъ приѣмъ, и не чувствуетесь, какъ проглотите. Нате бо.

Шпакъ. Умилосернитесь надо мною, Фенна Степановна. Что вамъ за капризъ пришелъ, мною какъ шашкою играть? Я, кажется, вышелъ уже изъ тѣхъ лѣтъ, чтобъ мною управляли, и люблю жить своимъ умомъ. Ну хорошо, я его приму, а оно наружное, да еще можетъ быть съ шпанскими мухами, такъ что тогда будемъ дѣлать? Мнѣ горло оборветъ и куска не проглочу. Ну отдайте Мотръ выпить, когда вамъ жаль денегъ.

Фенна Степановна. Ея-ли холопскому горлу глотать по рублю двадцати копѣекъ? Гдѣ вашъ расудокъ?

Шпакъ. Ну, такъ идите себѣ ради Бо-

га! Сказалъ, такъ тому и быть; не мѣшайте мнѣ читать газеты. (*Читаетъ.*)

Фенна Степановна, (въ сторону.) Все съ своими газетами, а вѣтъ того, чтобы и женѣ угодное сълзать! Что за чудный нравъ у нихъ дѣлается! Чемъ больше старѣются, тѣмъ больше къ нимъ ни приступу; и тотъ-часъ за все серяются. (*Мужу*) Ужъ какъ же вы хотите, а ни Мотрѣ выпивать, ни выливать не приходится. Какъ по такой суммѣ будемъ выливать, такъ и концовъ не сведемъ; а теперь намъ много надобно, какъ Присиньку замужь отлавать.

Шпакъ, (оставляя газеты.) Да, да; правду сказать, надобно спѣшить ее отдать. Вотъ какъ дочитаю, такъ я вамъ расскажу. (*Читаетъ.*)

Фенна Степановна. Благодарю Бога, что женихи показали за Присою. Я и не такъ была богата у батюшки, какъ наша Присинька, а за мною жениховъ было, что собакъ! А отъ чего? Покойный батюшка на хитрости поднялся: закупили всѣхъ сосѣднихъ смотрителей на станціяхъ, чтобы всѣмъ проезжающимъ глаголи и рассказывали, что такая-то барышня и богатая, и красивая и разумная. Такъ, вѣрите ли? ежедневно не было отъ жениховъ отбою.

Шпакъ. Однако жъ, маточка, я ни отъ кого и не слыхалъ о васъ и не зналъ есть ли вы на свѣтъ, а судьба, какъ судьба! Мимоздомъ завхалъ, да разомъ и влюбился въ васъ по уши. Смотрю — дѣвка

кровь съ молокомъ, да не смѣю подступитъ. Для смѣлости натянулся съ вашимъ батюшкою наливки; онъ принялся за гусли, да какъ дернетъ горлицу, я и разносился...

Фенна Степановна, (глядя его по лицу.) Эта-то горлица меня и доѣхала! Вы носитесь въ присядку, а и такъ и таю. (*Цѣлуетъ его въ лобъ.*)

Шпакъ, (также цѣлуетъ ее.) Да, въ тотъ же вечеръ и по рукамъ ударил...

Фенна Степановна. Хорошо-быи Присиньку такъ, чтобы не долго водить.

Шпакъ. И не премѣнно такъ бы должно, а то чтобы нашъ постоялецъ не надѣлалъ штукъ...

Фенна Степановна. Капитанъ?... Развѣ и послѣ отказа не образумился?

Шпакъ. Куда!... Смаливаетъ ее, чтобы она ушла съ нимъ. Вотъ я письмо переловилъ. Послушайте, я вамъ прочту.

Фенна Степановна. Охъ, душечка, пожалуйста не читайте, нанѣрное жалко написано, а вы знаете, что я при жалкомъ тотъ-часъ заплачу.

Шпакъ. Какое жалкое!—Онъ ее склоняетъ уйти съ нимъ... Пойдемте, я вамъ его при ней прочту. (*Идетъ къ дому.*)

Фенна Степановна, (всплеснувъ руками.) Уйти? Ахъ, Мати Божіи!... какой стыдъ... какой позоръ нашей головѣ!... Идите же, да въ спальнѣ мнѣ прочитайте, чтобы кто не подслушалъ. А ее замужь, замужь сего же дня, сей же часъ за мужъ, чтобы не любилась съ капитаномъ. (*Уходитъ за мужемъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Шельменко (одинъ выходитъ со стороны дома.) Що тутъ на свити робыты? Се

бида! Письмо процындрывъ, за мисць дочкы, батькови видданъ, а самои панночки и не бачывъ. Кацытанъ зпыта, а ёму треба, щобъ тутъ и письмо и панночка я веси-

дыя, и усе прочее, щобъ тутъ разомъ було. Справився Шельменко, добре; справився якъ кочергъ. Що теперъ робити?! що? брехати на уси заставки. За мвою дило не стане, нехай тильки прийде. Онь же и йде.— Стій, Шельменко: бреши, та ривняйся!... (*Вытягивается.*) О, муха та й годи!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ШЕЛЬМЕНКО И СКВОРЦОВЪ.

Скворцовъ. Что, Шельменко? Есть ли что повое?

Шельменко. У сего нового, много е, ваше благородые!

Скворцовъ. Говори мнѣ безъ формы и своими словами, только скорѣе рассказывай. Оставь всякое величанье и несносные свои—будучы.

Шельменко. Величаты, ваше благородые, какъ прикажете, то и nebude, а безъ будучы, не можемо. Така вже наша, тее-то, писарьска натура.

Скворцовъ. Ну, говори скорѣе, видѣлъ ли ты барышню, знаетъ ли она про письмо, согласна ли уйти?....

Шельменко. Сейчасъ, заразъ, усе по порядку расскажу, ваше благородые! Письмо ваше виддавъ самому, таки пану Шпаку, у самиснижки его, будучы, рубы.

Скворцовъ. Ахъ, ты бездѣльникъ! ты испортилъ все дѣло и погубилъ меня.

Шельменко. Та ще, будучы, сказать не загубивъ, усе циле. Слушайте лышень.

Скворцовъ. Не хочу ничега слушать. Зачѣмъ ты письмо отдалъ старику?

Шельменко. Колыжъ мене будучы, такъ, тее-то, приперлы, що, будучы, и дыхнуты не дали; такъ я бачу, що, тее-то, не перелывкы, такъ я и виддавъ. А панночку за те, будучы, бачивъ.

Скворцовъ. Видѣлъ?

Шельменко. Та ле то вже не бачивъ! Ей, будучы, бачивъ и говоривъ, тее-то, зъ нею на самоти, у синьдахъ, ось якъ зъ мамы, нехай здоровы будете, отъ се будучы говорю.

Скворцовъ. Не приказала ли чего мнѣ сказать?

Шельменко. Де то вже, будучы, не приказовала? Тамъ такого наговорыла, що за ничь, за-мисць казкы, тее-то, и не переслухаєте.

Скворцовъ. Что же такое? Говори, не мучь меня!

Шельменко. А ось що, будучы, казала, що я, каже, его до смерти люблю; себъ-то, будучы, вась, ваше благородые, нехай вы здоровеньки будете. Що, каже, я такы его люблю и за него, будучы, готова втекты, а на пана Лопуцька и дывытысь не хочу.

Скворцовъ. Кто жъ этотъ Лопуцьковский?

Шельменко. Та женыхъ ло панночки, кажуть богатый, будучы, та перебогатый. Отъ се, туж-тужъ зъ старостамы буде. Тамъ ихъ такъ дожидаютъ! Усю птпичю на пышны, будучы, поризали, панъ зъ пнею, тее-то, сварютця, вова дивчатъ товче, а вняъ хлопчивъ, будучы, усюды протурюе. У вечери кажуть исватанья запють.

Скворцовъ. Еще этой бѣды не доставало, чтобы явился съ боку женихъ! Ахъ, какое мое критическое положеніе!

Шельменко. Та ще положенья не было ни якого, ваше благородые. А тильки готуютця къ сватанью.

Скворцовъ. Ахъ, если бъ мнѣ увидѣться съ Присникою! Спроворь мнѣ это какъ вибудь....

Шельменко. Рады старатьця, ваше благородые! Я спворю. Э! дуръ паллича. Онь де вже, будучы, и бжыть. Поженихайтесь же вы соби тутъ трошки, а я, тее-то, на калавурі постою.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПРИСИЯКА.

Скворцовъ (*сплываетъ къ ней на встрѣчу*). Ахъ, какое ты мнѣ доставляешь удовольствіе... (*Цѣлуетъ ея руки*). Какъ я счастливъ, что еще вижу тебя; увѣрюсь въ любви твоей..... но, можетъ быть, я вижу тебя уже въ послѣдній разъ свободною.....

Присинька. Я поклялась вамъ, что буду васъ любить вѣчно и что ни за кого не пойду, кромѣ васъ, то и сдержу слово.

Скворцовъ. А ожидаемый женихъ?

Присинька. Я объ немъ и не думаю и ни за что въ свѣтъ за него не пойду.

Скворцовъ. Время для насъ дорого; скажи, согласна ли ты на мое предложеніе?

Присинька (*съ смущеніемъ*). На..... какое?

Скворцовъ. Бѣжать со мною и тайно обвѣчаться?

Присинька. Бѣжать!... Какъ это слово раздраетъ мою душу!

Скворцовъ. Отъ чего-же милая, Присинька? Ты вынуждена къ тому крайностию. Родители твои никакъ не соглашаются отдать тебя за меня. Ты любишь меня и желала бъ быть моею лучше, чѣмъ вытти за предлагаемаго тебѣ жениха. Не такъ ли?

Присинька. Оно такъ, конечно, но.....

Шельменко, (*подойдѣ къ нимъ*). Та знайте милость! Меньше, будучи, говорите, а швыдче дило кивчайте. Воно, будучи, ось якъ, мы посдаемо попа, щобъ васъ звивчавъ; пилбнжимо вже смеркомъ до хвиртки, що геть-геть, били загороды; а я, будучи, буду тутечка здѣсь и подамъ вамъ звистку; а вы, будучи, павочка, чурхвить не оглядаючысь, то швыдче до вищя, а тамъ, тес-то, вже зависно.....

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ФЕЕНА СТЕПАНОВНА, (давно бывшая за деревомъ и слышавшая все, что говорилъ ШЕЛЬМЕНКО.)

Фенна Степановна. А что это такое?... Чему это ты научаешь?... Что у васъ за умыслы?... Увезить мою дочь?... Не стыдно ли вамъ, Иванъ Семеновичъ, за нашу хлѣбъ-соль платитъ такую неблагодарностью?...

Скворцовъ. Одна сильная любовь моя къ вашей дочери извиняетъ меня въ этомъ рѣшительномъ намѣреніи.....

Фенна Степановна. Сильная любовь! По этому, какое бы зло вы яамъ не сдѣлали, такъ все будете отговариваться сильною любовью?...

Шельменко, (*вышедшій изъ смущенія*). Отъ-такъ пакъ! Писавые глаголетъ: пзвовка помовка! Самы, булучы, тее-то, во всимъ виноваты, та на любовь зворочують, хибя мы не знаемо?

Фенна Степановна. А ты, плуть, зачѣмъ мѣшаешься? Не ты-ли тутъ давалъ совѣты, какъ уходить?

Шельменко (*смѣется*). Хе, хе, хе, хе, хе! О, бодай васъ! Ничого, будучы, не знаютъ, та й говорятъ.

Фенна Степановна. Какъ вичего не знаю? Не ты-ли здѣсь стоялъ?...

Шельменко. Стоялъ.

Фенна Степановна. Не ты-ли говорилъ, какъ смеркнетъ....

Шельменко. Казавъ.

Фенна Степановна. Не говорилъ-ли ты, что калеска подѣблетъ къ калиткѣ?..

Шельменко. Говоривъ.

Фенна Степановна. Не говорилъ ли ты, что когда будетъ все готово, такъ ты лашъ знать Присиньку?

Шельменко. И казавъ, и говоривъ, такъ щожъ?

Фенна Степановна. Такъ то, что тебѣ прежде всѣхъ проучить надобно.....

Шельменко. Эге! Воно такъ, та трохы и не такъ. Жалко мыни, що не можно, будучы, усего при всихъ разказаты! Ось

ходимъ, тее-то, пани, пидъ ту ябзоню, такъ я вамъ, стало быть, усе разскажу.

Фенна Степановна. Еще же онъ смѣетъ меня дурачить и на секреты звать. Вонъ, подлець, изъ моего саду, и не смѣй ни здѣсь, ни во дворѣ показываться, велю дубьемъ проговяять.— А вамъ, сударь, однажды навсегда сказано, что она вамъ не сужная. Оставьте насъ въ покоѣ, и ее болѣе не смущайте; она уже почти сговорена за другаго, и такъ, что было между вами—должно совсѣмъ прервать.

Присинька. Маменька, и ни закого не пойду, если не отдадите за Ивана Семеновича!

Скворцовъ. Я умру при глазахъ вашихъ, если отладите Присиньку другому!

Шельменко. Колы не видите, будучы, за насъ, то и я або втоплюся, або вдавлюся, або, тее-то, свигъ за очыма пиду.

Фенна Степановна. Дураку туда и дорога! А васъ, сударь, прошу, оставить васъ скорѣе; мужъ мой если увидитъ васъ здѣсь, то, не прогнѣвайтесь, нанесетъ вамъ большихъ непріятностей. Прися! или домой; и тебя съ глазъ не спущу.

Скворцовъ. Знай, Присинька, что ежели отвергнешь мое предложеніе, то завтра же узнаешь о моей смерти. *(Уходитъ)*.

Шельменко. Я и оденортую.

Присинька. О, Боже мой! Кто меня наставитъ въ этомъ ужасномъ положевіи! *(Плача, идетъ къ дому)*.

Шельменко. Слушайте мене, то усе, будучы, буде гараздъ.

Фенна Степановна. Ты за чѣмъ здѣсь остаешься? Вонъ и ты!

Шельменко (громко кашляетъ). Кахы!... кахы!... кахы!....

Фенна Степановна. Онъ еще и разкашлялся! Вонъ, говорю я. Тебя, недолго, велю, и въ дубѣе принять.

Шельменко, (подходя къ дому все каш-

ляетъ.) Та, кахы, бо!.. кахы!.. кахы!.. Аговъ, кахы!

Фенна Степановна. Онъ меня бѣситъ своимъ кашлемъ. Убирайся вонъ, или я пришлю людей, выпроводить по своему.

Шельменко. Та, кахы!.. кахы! кахы!.. Ажъ, ось и вить.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ШПАКЪ.

Шпакъ. Что тутъ?—А, это ты Шельменко? Что тебѣ надобно?

Фенна Степановна. Ему то надобно, что онъ здѣсь славный дѣла завелъ, вызвалъ Присиньку, да и свелъ се съ капитаномъ, и научалъ какъ имъ уйти.

Шпакъ. Шельменко! Что и слышу?

Шельменко. А те чуете, шо пани вамъ, будучы, каже говорытъ.

Шпакъ. Такъ ты съ капитаномъ уже за одно?

Шельменко. Та де вже вамъ, будучы, за одно; то такъ, тее-то, имъ почудося.

Шпакъ. Такъ прочъ же съ глазъ моихъ, бездѣльникъ! Ты думаешь меня обмануть, взявши будто мою сторону противъ капитана, да не на того попалъ! Я сей часъ видѣлъ, что ты, какъ литовскій цышъ, въ обѣ стороны работаешь. Счастье твое, что люди въ домѣ всѣ заняты, ты бы дешево отсюда не вышелъ. Вонъ, бѣги отсюда, и не смѣй мнѣ на глаза попадаться.

Шельменко. Прошайте, ваше высокоблагородые! Щастливо оставатьця. *(Рыдаетъ и юрко плачетъ)*.

Шпакъ. Чего это ты разрюмился?

Шельменко, (плачетъ). Жалко.... такого, будучы, отца и родытеля.... покидыты! Я думавъ, тее-то, вамъ щиро услужыты, та....

Шпакъ. Да споткнулся, а?

Шельменко. Не спотыкався, ваше благородые... чы то пакъ, ваше высокоблагородые, а йшовъ, будучы, прамисинько

и усе, стало быть, робивъ якъ вамъ лучше.

Фенна Степановна. Хорошо лучше, когда было совсѣмъ увезли Присвиьку, если бѣ не я. Скажи, не правда ли?

Шельменко. Та воно, будучы, правда, та тее-то, трошки шербатенька, пани матенька.

Фенна Степановна. Какъ шербатенька? Смѣешь такъ говорить? Вонъ отсюда!

Шнакъ. Постойте, маточка, не горячитесь; прогнать всегда можно; послушаемъ, что онъ скажетъ въ свое оправданіе.

Фенна Степановна. Что его слушать! Онъ навретъ всякаго взлору; ему вѣрять не должно, когда я сама слышала.

Шельменко. Та пожалуй, будучы, вы чулы, що я тутъ каза, та не бѣлы у мене у души, не знаете, будучы, моей лумкы.

Фенна Степановна. О! я очень знаю; ты спишь и видишь, какъ бы оженить своего капитана на Присвиькѣ; я все знаю.

Шельменко (въ сторону). Якъ разъ и видгадала.

Шнакъ. Что жъ у тебя было на умѣ? Рассказывай, да знай уже, что ты мепл больше не проведешь и я тебѣ ни на пользу не вѣрю.

Шельменко. Де вже мыни, будучы, васъ проводыты! Мыни жалко и дывытысь на васъ! А вже хочъ вирте, хочъ, будучы, зовсимъ не вирте, а я, якъ есть солдатъ, присяжнйй чоловікъ, довжѣнь усю правду сказати. Ото якъ, ваше высокоблагородые, будучы, звелили мыни пидглядаты—чы не вздрю де капытава, щобъ, тее-то, вамъ запаты; отъ, будучы, пидглядаю... зырк! а воны и збиглыси ось пидъ сією лбуцею, та й почалы, тее то, жешихатыця. Мене такъ и узивъ, будучы, жаль, що такого мылого, та добраго папа, бунчуковаго товарища, що зовсимъ, тее-то, па маіора здастьця, та хто жъ обманюе? капытанъ!

Гай, гай! Ось я и пидйшовъ до пыхъ, та давай имъ, будучы, теревени правыты, а самъ усе сылкуюсь, тее-то, кахыкнуты, якъ змовывся зъ вашымъ высокоблагородыемъ; усе сылкуюсь, щобъ кахыкнуты, и вже и самъ не тямлю, шо имъ, будучы, брешу, и тильки шо палагодывся на увесь садокъ, тее-то, кахы!... а тутъ панию и привеслю на тѣ. Отъ воно и зчепылася, будучы, зо мною; помы однитъ давъ, та почавъ кахываты, а капытанъ, тее-то и змывся видсися. Такъ отъ що пани, будучы, наробыла, а я у усій, тее-то, выни. О, горе мыни!

Шнакъ. Ахъ, маточка, что же вы это надѣляли? Помышали Шельменкѣ выдать капитана руками. Всегда беретесь не за свое дѣло. Оставьте было все, молча. Онъ бы славно все дѣло кончилъ.

Фенна Степановна. Помилуйте меня, Кирилю Петровичъ! Не ужели бы хотѣли, чтобы ваша жена такая глупая была, чтобы позволила при себѣ дочь свою смаивать и слыша, какъ этотъ плуть ее уговариваетъ, чтобы отошла молча.

Шнакъ. Точно было отойти молча. Вы не знаете, маточка, этого челоуька...

Фенна Степановна. Какъ не знать, это плуть преестественный.

Шельменко (въ сторону). Якъ у воко уледила. Мабуть воно, будучы, видьма.

Шнакъ. Что правда, то правда, плуть, тонкой плуть; но онъ взялся мвѣ помогать и капитана одурачить.

Фенна Степановна. Охъ, не вѣрете ему, душечка; онъ и васъ проведетъ.

Шельменко. Позвольте мыни, пани, слово, будучы, зъ пысавыи сказати: тогда скажемо гуць, якъ выскочемо. Коли обману, тее-то, васъ, тогда вже певно зостауся обманщыкомъ; колыжъ, будучы, одурю капытана, тогда вже вы будете, будучы, самы знаете шо...

Фенна Степановна. Вотъ еще на какиі условия! Короче всего, прикажите его,

душечка, прогнать, чтобъ онъ не смѣлъ и близко подходить къ нашему двору.

Шпакъ. Этого, маточка, не лѣзя слѣ- лать; я съ нимъ веду интригу противъ капитана, слѣдовательно Шельменко мнѣ нуженъ. А васъ прошу, маточка, что ни будете слышать или видѣть, не вмѣшивайтесь не въ свое дѣло.

Фенна Степановна. Это преувеличительные порядки выходятъ! У матери хотѣтъ похитить ея рожденіе и она не должна мѣшать тому. Опъ васъ обманетъ, какъ дважды два четыре. Не съ вашими умомъ этого не видѣть.

Шпакъ. Не съ вашими же умомъ дѣлать мнѣ наставленія. Я все предвидѣлъ, рассчиталъ, устроилъ и никому не вѣрю больше, какъ Шельменкѣ. Идите, маточка, къ своему дѣлу и своимъ вмѣшиваніемъ не мѣшайте мнѣ...

Шельменко (въ сторону). Геръ, геръ, геръ! кусай его, кусай!...

Фенна Степановна. Прекрасно!... Благодарю васъ, Кирило Петровичъ! Заслужила тридцатилѣтнюю мою съ вами жизнью, угождая и покоряясь вамъ во всемъ, заслужила, что меня мѣняете, на пришлеца, бродягу, мошенника, плута... Отъ вашего ума нельзя было ожидать такой мнѣ пощечины.

Шпакъ. Охъ, Фенна Степановна, пожалуйте не горячитесь и не принимайте всего прямо къ сердцу. Все это не такъ, какъ по видимому. Дайте мнѣ оковчить и тогда, или сердитесь, сколько душечкѣ вашей угодно, или будете благодарить.

Фенна Степановна. Я вамъ уже благодарна и такъ; дали мнѣ цѣну. Когда есть у васъ какіе замыслы, почему мнѣ не скажете? Мнѣ, другу вашему, по закону и по сердцу.

Шпакъ. Я дѣйствую осторожно: нужно, чтобъ все было въ тайнѣ и скрыто...

Фенна Степановна. Такъ... я стала у васъ и болтуня, и бессмысленна и безтолкова. Часъ отъ часу лучше. Благодарю васъ! Оставайтесь-же себѣ съ Шельменкомъ... Заслужила честь... бла-

годарю васъ... премного благодарю. (*Уходитъ въ большой садъ*).

Шпакъ. Вотъ ни думалъ, ни гадалъ, и разсорился съ женою. Ну что, Шельменко, если ты меня обмаываешь и если жена моя права? Признайся въль такъ было, какъ она говоритъ?

Шельменко. То воно, ваше благородо... чи то пакъ ваше высокоблагородые, трохы, будучы, е правды и у пани, а въ мене, такъ въ мене, тее-то, ще й на билашъ. Та позволте мыпи вамъ разсказы. Не ма того чоловіча, будучы, на свити, щобъ приймачусь за яке діло, щобъ не плутовавъ, хочъ, будучы, тришечкы. Вже якъ-якъ не вертысь, а задумавшы діло, не дуже, тее-то, питкнешся усякому разсказуваты; отъ и е, що передъ однимъ, будучы, змовчышь, другому не усе разскажешъ, а воно усе и е обманъ, шо л его, будучы, дуже не терплю, и вигде дитысь. А черезъ те, и зывають мене позанапрасно, тее-то, мошенникомъ. О горе мѣни, ваше высокоблагородые!

Шпакъ. Не тужи, не тужи. Я одинъ знаю тебѣ цѣну, и кто что хочеть про тебя говори, а я, видя твое усердіе, во всемъ тебѣ вѣрю, и съ тобою буду совѣтоваться. Какъ бы намъ отъ себя отвадить капитана?

Шельменко. А ось якъ, ваше высокоблагородые, по простоти разсуждаю. Чипляйтца випъ до вашей, будучы, паночки, згынь его голова! Видляйте вже тее-то, за него; пехай вже будучы и вамъ не докуча и соби живе, якъ ему Богъ дастъ. Винъ сегодня, будучы, капитанъ, а отъ скоро дослужитца и до такого, будучы, великаго чыну, якъ вы, ваше высокоблагородые. Буде майоръ, а далшъ-далшъ буде ще й выше.

Шпакъ. Этого мнѣ не говори. Ни когда этого не будетъ. Кто онъ? Скворцовъ! Можетъ быть, предокъ его скворцами торговалъ. А я Шпакъ, и отъ Шпака происхожу. Когда одинъ ясновельможный гетманъ, слѣлъ у ляховъ въ темницѣ,

то мой родоначальникъ изъ усердія приходилъ къ темницѣ и подъ окошкомъ у него пѣлъ шпакомъ, въ чемъ онъ очень искусенъ былъ. По освобожденіи своемъ, гетманъ далъ ему большія маестности, шляхетство и гербъ, а въ гербѣ шпака. Такъ вотъ откуда произошелъ первый Шпакъ, а я отъ него въ прямой линіи потомокъ.

Шельменко. Та кудыжъ вамъ, тее-то, до васъ ривнятыся! Якъ небо видъ земли! Та я сего, будучы, якъ не знавъ яко го вы великаго роду, та такъ соби, стало быть, зъ дуру и кажю. Ажъ воно ось якъ!

Шпакъ. Вотъ ты умный человекъ, самъ все видишь. Скажи мнѣ, какъ тебя съ такимъ умомъ человекъ, отдалъ въ службу. Вѣрно напроказилъ?

Шельменко. О ни, ни, ей же то Богу, ни! А знаете, бувъ я, будучы, у волосты писаремъ; и що въ мене, тее-то, за порадки булы, такъ, будучы, уси завыдувалы. Ажъ ось ишла, будучы, команда, я такъ, будучы, и задрыжавъ у службу. Тутъ уси паны, тее-то, и губернаторъ и уси: пе ходы, Шельменко, zostавайся зъ нами. Такъ куды! Нихто, тее-то, и не вдержитъ. Знайшлы ликаря, будучы подмогорычылы его, вниъ кажа, въ него и чихотка, и сухотка и тее-то, зовсимъ немощный, такъ куды! Уснихъ розпихавъ и, будучы, ускочивъ такы у службу.

Шпакъ. Такъ вотъ оно какъ! Теперь какъ я вижу, что ты такой умный и усердный, то послужи мнѣ вотъ въ чемъ. Уговори своего капитана, чтобы онъ отсталъ отъ нашей дочери, а бросился бы къ сосѣду: вотъ тутъ недалеко живетъ панъ Тпрунькевичъ. Онъ побогаче меня, и тоже одна дочь; съ радостію отдадутъ, потому что уже лѣтъ двадцать, какъ тамъ не видали жениха.

Шельменко. Такъ себѣ-то ваше высокоблагородные, по писанью: на тоби, не боже, що мыни не гоже. (*Смѣется*).

Шпакъ. Вотъ ты умный человекъ, ты

тотчасъ понялъ меня. Я съ Тпрунькевичемъ болѣе двадцати лѣтъ въ ссорѣ и этимъ бы услужилъ ему, павязавъ такого сахара, какъ твой капитанъ, и ему бы отплатилъ за мои оскорбленія, соединивъ его съ такою уродливою невѣстою. По дѣломъ обонимъ.

Шельменко. Ей такъ, ваше высокоблагородные! Булучы, ваша ричъ до дила. Не хай, тее-то, не брышкае: іо ни іо! Приравнявся, будучы, до пана Шпака. Добре жъ вы здумалы, я его, будучы, зъ разу одружу, тее-то, зъ Тру—Тпру—Тпрунькевичевою.

Шпакъ. Постарайся это сдѣлать и увидишь, какъ я тебѣ поблагодарю. Вечеромъ приходи сказать объ успѣхъ. (*Уходитъ*).

Шельменко (одинокъ). Та колы бѣ мыни, хочъ що ни будь, будучы, зробыты, щобъ угодыты вамъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Шельменко и Скворцовъ.

Скворцовъ. Ахъ ты бздѣльникъ!... Такъ-то ты меня выдаешь?

Шельменко (въ сторону). Попався! (*Ему*) Щобъ-то якъ, ваше благородные!

Скворцовъ. Я здѣсь за деревьями слышалъ, какъ ты меня честилъ и обѣщалъ жепить на какомъ-то уродѣ.

Шельменко. Та се, ваше благородные, будучы, була насмишка. Явше пану Шпаку такъ уподобавъ, що мы стали зъ нимъ, тее-то, дуже великыи приятели. Вниъ бреше, а я, будучы, ше и его перебрихую; та такъ и подружылы. Я ему у увсимъ, будучы пидаюсь, та такы и завуздавъ его. Ось побачыте, колы, будучы, панночка не буде, тее-то, наша!

Скворцовъ. Увидимъ, увидимъ. Теперь, когда ты такъ близокъ къ нимъ, иди во дворъ и найди случай сказать ба-

рышиѣ, чтобы на одну минуту приш-
ла къ пруду; я ее буду тамъ ожидать.
Смотри же. (*Уходитъ*).

Шельменко, (*съ размышленіи*.) Катъ
васть зна, за кымъ, будучы, руку тягты!
Не послухаты капитана, быте ме; а, тее-
то, помогаты капитанови, будучы, мій
приятель, панъ Шпакъ пійма та заразъ
и зъиздытъ у харьковскую губернію, (*по-
казываетъ на правую щеку*) а видтиля
зайде у рожественскій уездъ, (*показы-
ваетъ на лъвую щеку*); а тутъ поверне

у волосие правленіе, (*схвативъ себя
за волосы наклоняется къ земль*), та
поволоче у пыжній земскій судъ, а вид-
тиля у перевозоку, (*таскаетъ себя за
волосы съ мьста на мьсто*.) Та почне
поштуваты товчениками, бухавцями.
(*Колотитъ себя въ спину и въ бока*).
Виль-усиль, булучы, беда! Ге! Не вта-
кихъ бедахъ, будучы, бувавъ Шельмен-
ко, та выкручувся; и тутъ, тее-то,
облурю кого треба. Но пысавію: не хай
наша слава не згние!

ДѢЙСТВІЯ ТРЕТІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Опецьковский и *Шпакъ*. Выходятъ со сто-
роны дома.

Опецьковский. Нѣтъ, государь мой,
Кирило Петровичъ, нѣтъ; вы не съ той
точки смотрите на европейскую поли-
тику. Потому что, въ разсужденіи ре-
ставраціи, дѣло карлистовъ, есть дѣло
самое справедливое и я давно говорю,
почему вся Европа дремлетъ? Должны
вооружиться всѣ, даже турки и самъ
Али-Паша; всѣ должны итти противъ
христовосовъ.

Шпакъ. Жаль, Осипъ Прокоповичъ,
очень жаль, что вы это предпринимаете;
а ихъ дѣла такъ хорошо идутъ. Въ пумеръ
московскихъ вѣдомостей, на которомъ я
остановился, христовосы такъ славно
разбили карлистовъ. Впрочемъ сказано,
что это еще требуетъ полтверженія.

Опецьковский. Удивляюсь вамъ, Кири-
ло Петровичъ, какъ можно такъ читать
газеты? Вы ихъ читаете субъективно, то
есть по прошествіи года, когда, вразсуж-
деніи роставраціи, ихъ должно читать объ-

ективно, то есть немедленно, глотать
ихъ, предварять событія.

Шпакъ. Читая по прошествіи года, я
имѣю полное наслажденіе, и знаю, чѣмъ
какое обстоятельство кончится. Напри-
мѣръ: я читаю, что такой-то привѣзъ же-
нился и въ тотъ же вечеръ узнаю, чѣмъ
его молодая супруга разрѣшилась и какъ
новорожденное дитя назвали. А вы, Осипъ
Прокоповичъ, мучитесь неизвѣстностію
цѣлые девять мѣсяцовъ. Впрочемъ, я не
понимаю, какъ можно предварять собы-
тія?

Опецьковский. Можно, Кирило Петро-
вичъ, очень можно. Слѣдуя за европей-
скою политикою, я, вразсужденіи реста-
враціи, сидя за своимъ бюромя, объек-
тивно вижу, чѣмъ и какъ такое-то об-
стоятельство должно кончиться. Правда,
что и министры, а особливо англійскіе,
дѣйствуютъ совѣмъ субъективно, не въ-
падаютъ и часто противъ моихъ предполо-
женій, но я иногда ихъ извиняю. Они
народъ, коммерческій, и они смотрятъ
на европейскую политику совѣмъ съ
другой точки, нежели я. А до мелоч-

выхъ обстоятельствъ, женитьбы при- цовъ и рожденія ихъ дѣтей, я вовсе не касаюсь, не какъ вы, Кирило Петровичъ!

Шнакъ. Это мое любимое занятіе, а особливо предугадывать, на которой придется такой-то принцъ женится. И я вамъ, Осипъ Прокоповичъ, разскажу пресмѣшной анекдотъ. Мы были задушевные пріатели съ Омельяномъ Васильевичемъ Тпрунькевичемъ; тотъ также напередъ все зналъ. Когда возвратились Бурбовы во Францію, я принялся герцогу Беррійскому отыскивать невѣсту и предназначалъ ему, по политическимъ видамъ, Австрійскую, а онъ возьми и женись на Неаполитанской. Я, по обычаю, ожидая истеченія года, газетъ не читаю и не знаю ничего, а Тпрунькевичъ пріѣхалъ ко мнѣ и, долго подшучивая надъ мною, объявилъ, что принцъ уже женился. Это меня такъ взорвало, что я слово за слово съ Тпрунькевичемъ разсорился и вотъ съ 15 года въ непримиримой враждѣ. А какъ дѣло сосѣдское, то у насъ завелись процессы. Вѣрьте, Осипъ Прокоповичъ, или нѣтъ, а у насъ въ одной Гражданской Палатѣ девять тѣжбъ, да вотъ и еще новая начинается: онъ побилъ у меня тринадцать гусей, якобы за то, что они выбили у него десять десятинъ овса. Слыхано-ли это дѣло? И такъ я на него полагалъ за самоуправство; а онъ отыскиваетъ за побой овса. То и дѣло, что судимся и убыточимся; а все это надѣлала неаполитанская принцесса.

Опецьковский. Конечно, несогласіе мнѣній, вразсужденіи реставраціи, дѣло не бездѣльное. Меня приводятъ въ подобную досаду дѣла по европейской политикѣ. Я, сидя за бюрою своимъ, объективно вижу, что Европа худо раздѣлена. Планъ мой готовъ; но не передаю его до тѣхъ поръ, пока донъ Карлосъ не возвратитъ себѣ Гишпанскаго престола.

Шнакъ. Не можно ему отнять не принадлежащаго.

Опецьковский. Какъ дважды два, Гишпанія его.

Шнакъ, (съ жаромъ). Быть не можетъ, ни за что не позволю.

Опецьковский. Но, вразсужденіи реставраціи, Кирило Петровичъ, возьмите субъективные права его и согласитесь.

Шнакъ (съ большими мѣломъ.) Ни за что въ свѣтъ не соглашусь. Вы думаете, что побывали въ Петербургъ, хватались тамъ модныхъ словъ, такъ думаете, что въ правѣ поддерживать карлистовъ? Я бы вамъ больше сказалъ, по вотъ идетъ женихъ дочери, съ которымъ я и слова не сказалъ.

Опецьковский. И я отложу споръ до другаго времени.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Лопуцьковскій.

Шнакъ. Покорно прошу пожаловать и побесѣдовать съ нами. Имѣете фамилію?

Лопуцьковскій. Какъ-же-съ. Я — Лопуцьковскій. Я такъ и рекомендовался вамъ.

Шнакъ. Да; то есть, семейство?

Лопуцьковскій. Никого не имѣю; я въ своемъ семействѣ одинъ.

Шнакъ. Живете въ деревнѣ?

Лопуцьковскій. Живу въ деревнѣ, когда не вояжирую.

Шнакъ. Такъ вы вояжировали? А куда?

Лопуцьковскій. Изъ Чернигова въ Воронежъ.

Шнакъ. Только?

Лопуцьковскій. О, нѣтъ! изъ Воронежа въ Черниговъ, и все на своихъ.

Шнакъ. Что же вы замѣтили въ вояжѣ? Нравились ли мѣстоположенія?

Лопуцьковскій. Какъ же, чудесныя! Въ одно утро я замѣтилъ, вотъ такъ солнце, какъ вы, а вотъ тутъ, какъ я, мѣсяць; а между нами, весь небесный гардеробъ усыпанъ звѣздами, какъ лице у рябаго человѣка отъ оспы. Удивительныя мѣстоположенія!

Шпакъ. Замѣтили-ли разницу въ обычаяхъ, обрядахъ, или...

Лопуцьковскій. Какъ же! Въ Воронежѣ французскій хлѣбъ лучше, чѣмъ въ Черниговѣ, а въ Харьковѣ фрукты, какъ-то: нѣра, балыкъ, есрь голландскій, дешевле, чѣмъ въ Черниговѣ и Воронежѣ. Я это записалъ.

Шпакъ. Читаете журналы, газеты?

Лопуцьковскій. Этимъ вздоромъ не занимаюсь. Это, видите, обманъ.

Шпакъ. Почему-же?

Лопуцьковскій. Какъ можно знать, гдѣ что въ одно время дѣлается. А газетчикъ пишетъ про все, какъ будто знаетъ: обманъ.

Шпакъ (въ сторону). Ахъ, какъ онъ глупъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ФЕЕНА СТЕПАНОВНА И АГРАФЕНА СЕМЕНОВНА.

Шпакъ. Время прекрасное! Вы очень хорошо вздумали, что вышли погулять въ садъ.

Аграфена Семеновна. У насъ, въ Петербургѣ, обыкновенно въ это время прогуливаются... Но это не лѣтній садъ!... Ахъ, какая разница! (*Отведя лъ мужа говоритъ ему тихо*). Я замучена, мой другъ! вообрази, что хозяйка меня и теперь также называетъ, какъ до моей поездки въ Петербургъ: Горпинка! Ахъ, какая Малороссіянка!

Опецьковскій. Но... обращаясь къ европейской политикѣ, ты найдешь, что англичане, которыхъ министры, правда, часто съ толку сбиваются, какъ я скоро имъ докажу, весьма часто, въ разсужденіи реставраціи, зовуть даже и своихъ королей полуименемъ.

Фенна Степановна, (между тѣмъ говорившая тихо съ своимъ мужемъ). Что же, душечка, каковъ вамъ показались женихъ! Отдавать ли Приемнику?

Шпакъ. Малый очень порядочный, пристойный, учтивый, много вѣдь и знаетъ, но только ужъ такъ глупъ, что изъ рукъ вонъ.

Фенна Степановна. Что, душечка, на это смотреть? Въ супружеской жизни умъ послѣднее дѣло. Были-бы счастливы, а прочее вздоръ.

Аграфена Семеновна. Кирило Петровичъ! У васъ кромѣ этого сада, нѣтъ ничего болѣе для гулянья?

Фенна Степановна. Какъ вѣтъ? А помнишь, Горпинка, пастку, гдѣ мы съ тобой, еще какъ дѣвками были, въ бочечки катались.

Аграфена Семеновна. Черезъ столько лѣтъ, кажется, можно все забыть. У насъ въ Петербургѣ, напротивъ, сколько мѣстъ, гдѣ можно отлично прогуливаться.

Лопуцьковскій. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то на дорогѣ находилъ много предѣстныхъ мѣстъ, гдѣ можно съ удовольствіемъ гулять.

Аграфена Семеновна. Но это все не то, что у насъ въ Петербургѣ Невскій Проспектъ. Ахъ, Невскій Проспектъ! здѣсь даже подобнаго ничего не вижу.

Опецьковскій. Петербургъ и тѣмъ хороше, что у насъ вся европейская политика передъ глазами. Когда бывало я за своимъ бюрою обсужу, въ разсужденіи реставраціи, положеніе Европы, и потомъ выйду въ кондитерскую, то впередъ уже знаю, что написано въ газетахъ и журналахъ.

Аграфена Семеновна. А здѣсь, мой другъ, и кондитерскихъ нѣтъ? Фенна Степановна! вы получаете какіе журналы?

Фенна Степановна. Не знаю, душечка, Горпинка! Я по эковоміи ничего не знаю, всѣмъ завѣдываетъ мужъ. Гдѣ мнѣ, бабѣ, пускаться въ эти дѣла.

Шпакъ. Я только получаю Московскія Вѣдомости, и читаю ихъ по прошествіи года, за одинъ разъ. Журналовъ же терпѣть не могу, тамъ вѣчно: *продолженіе въпредъ!*

Аграфена Семеновна. Ахъ, какъ можно не читать журналовъ? Изъ нихъ бы вы узнали, что уже строжайше запрещено говорить и писать: сей и овый, и хотя бы и друзей называть полуименемъ. (*Тихо мужу*). Каково!

Опецьковский. Хотя бы и въ англійскомъ Парламентъ.

Аграфена Семеновна. Какъ вы объ этомъ думаете, Фенна Степановна?

Фенна Степановна. Я думаю, душечка Горпинка, что какъ-то умудряется свѣтъ все больше и больше, такъ что и Господи!

Лопуцьковский. Когда и вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то мнѣ встрѣчалась мысль, что мы напрасно зовемъ себя по имени и по отечеству.

Опецьковский. Европа, вразумленіи реставраціи, вся зоветъ себя только по фамиліи.

Аграфена Семеновна. Но мы, мой другъ, мы, благодаря Бога, живемъ не въ Европѣ.

Опецьковский. О! конечно; у насъ вѣжливость совсѣмъ на другой степенн. Въ бытность мою въ Петербургъ, похваляюсь вамъ на счетъ вѣжливаго всѣхъ со мною обращенія. Даже при знакомствѣ моемъ съ господами министрами...

Шпакъ. Такъ вы бывали и у господъ министровъ? Что, каково ихъ обращеніе съ нами, провинціалами?

Опецьковский. О! превѣжливое, преласковое. Бывать я у нихъ не бывалъ, но встрѣчался съ ними, свидѣтельствовалъ имъ почтеніе свое, снятіемъ шляпы и уважительнымъ поклономъ, то, вѣрите ли вы, Кирило Петровичъ! каждый изъ нихъ всегда мнѣ очень вѣжливо откланивался, дажъ вовсе не зная, кто я!

Фенна Степановна (мужу). Знаете, душечка, что? Чѣмъ намъ тутъ стоять и не заниматься ничѣмъ, такъ не приказали сюда полатъ чего либуудъ закусить? Ишвицу, да творогу съ смѣтаню, дылятъ жареныхъ, да грибковъ на сковородѣ.

Аграфена Семеновна. Ахъ, моя милая, Фенна Степановна! Еще часу вѣтъ, какъ мы отобѣдали! Какъ это можно?

Фенна Степановна. И, душечка, Горпинка! Что за счеты! У насъ въ деревнѣ это все искупленное. Прикажите, тотчасъ изготовятъ и горяченькое подадутъ. Такъ, перекусить пока до полдника.

Аграфена Семеновна. Фи! какъ это можно! У насъ въ Петербургъ, даже не уживаются.

Фенна Степановна. Какъ я послушаю, такъ вашъ Петербургъ и нашего Пирятина не стоитъ. Не уживаются! Какъ можно человѣку безъ ѣды пробыть? не долго, что тамъ и съ голоду помрутъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Присинька и Эйжени.

Эйжени. Вотъ гдѣ наши машеръ меры. Мы васъ, машеръ меръ, искали по всему саду.

Аграфена Семеновна. А мы сюда прямо вышли изъ дому.

Эйжени. Ахъ, машеръ меръ! Сколько здѣсь прелестныхъ видовъ! Мы съ машеръ Присинькою нашли одво прероманическое мѣсто. Оно очень живо описано въ романѣ: Путешествіе по Малороссіи.

Аграфена Семеновна. Что здѣсь за романическія мѣста? Посмотрѣла бѣ ты въ Петербургъ! Тамъ у насъ на каждой улицѣ вездѣ встрѣтятся романъ.

Фенна Степановна. Надо думать, что имя модное, когда вездѣ Романы?

Аграфена Семеновна. Ахъ, вѣтъ, не то!... (*въ сторону*.) Я съ ней терю всякое терпѣніе. (*Дочери*) У насъ, въ Петербургъ, одинъ Невскій Проспектъ состоитъ лучшаго романа въ четырехъ частяхъ! Здѣсь, ты подобнаго никогда не увидишь.

Эйжени. Пуркуа же, вы меня не взяли съ собою?

Графена Семеновна. Ты оканчивала воспитаніе въ пансіонѣ.

Шпакъ, (поговоривъ между тѣмъ тихо съ женою; Опецьковскому въ полголоса.) Я нахожу приличнымъ оставить здѣсь молодыхъ людей изъясниться между собою. Предложите вашей супругѣ и дочери итти гулять, а вамъ не угодно-ли со мною посмотреть мои овчарни.

Опецьковскій (гролко.) Потрудитесь, Фенна Степановна, похвастать моей женѣ вашимъ птичнымъ дворомъ, гдѣ кормятся эти жирные гуся, которыми вы насъ за обѣдомъ окормили; а мы, съ Кириломъ Петровичемъ, взглянемъ на его гишпанскихъ овецъ и, вразсужденіи реставраціи, потолкуемъ о дѣйствіяхъ христининыхъ и карлистовъ.

Шпакъ. Я надѣюсь, что карлисты скоро будутъ совсѣмъ истреблены.

Опецьковскій. Увидимъ, увидимъ. Я, сидя за моимъ бюро и наблюдая равновѣсіе Европы, могу предсказать... *(Между тѣмъ уходятъ.)*

Графена Степановна. А вы, молодой человекъ, оставайтесь при дѣвцахъ и оберегайте ихъ отъ всѣхъ неприятностей. *(Тихо Лопуцьковскому)* Мы васъ нарочно оставляемъ, даемъ вамъ случай объясниться. *(Дочери тихо)* Побудь немного здѣсь и оставь ихъ однихъ. *(Феннѣ Степановнѣ)* Ну, моя милая Фенна Степановна, ведите меня, куда вамъ угодно.

Фенна Степановна. Я васъ сначала поведу, гдѣ у меня доятъ коровы, а тамъ, гдѣ запираютъ телятъ. Потомъ осмотримъ куръ, гусей, утокъ, насъстокъ, дыпчатъ. *(Уходятъ объ. Лопуцьковскій вздыхаетъ.)*

Эйжени. Что вы вздыхаете, Тимофей Кондратьевичъ, или о комъ?

Лопуцьковскій. Ни о комъ, и ни о чемъ; а мнѣ жарко.

Присинька. Такъ не угодно-ли вамъ итти въ комнату отдохнуть?

Лопуцьковскій. Очень охотно.

Эйжени. О нѣтъ, нѣтъ, не уходите; я знаю, вы любите цвѣты, побудьте здѣсь, я вамъ нарву отличныхъ.

Присинька. Пойдемъ вмѣстѣ нарвемъ.

Эйжени. Нѣтъ, машеръ Присинька, ты побудь съ моимъ моншеромъ кухномъ; я мигомъ вернусь. *(Тихо ей)* Моя машеръ меръ приказала мнѣ оставить васъ однихъ. *(Убѣгаетъ.)*

Присинька (въ сторону.) Что это такое? Не для объясненій-ли меня съ нимъ оставили?

Лопуцьковскій (въ сторону.) И такъ мнѣ должно объясняться въ любви... Попробуемъ; *(кашляетъ)* я начну аллегорию. *(Кашляетъ еще)* Вы... сударыня...

Присинька (скоро.) Да, я сударыня, сударь.

Лопуцьковскій. Не то. Вы... сударыня... любите?...

Присинька (въ сторону.) Ого! безъ дальнихъ вступленій. Бѣда моя! *(громко.)* Кого, сударь?

Лопуцьковскій, (подумавъ.) Собакъ?

Присинька. Злыхъ, боюсь.

Лопуцьковскій. Такъ я вслю своихъ перевышать.

Присинька. Какое тиранство! За что такая казнь?

Лопуцьковскій. Какъ-же-съ! Чтобы васъ не беспокоили.

Присинька. Ни вы, ни ваши собаки никогда меня не обезпокоятъ.

Лопуцьковскій. Какой восторгъ! Это мнѣ подаеть надежду.

Присинька. Къ чему, сударь?

Лопуцьковскій. Что вы со мною проживете счастливо, и не будете взыскивать на мнѣ, за мою страсть къ собакамъ.

Присинька. Отъ чего же вы предполагаете, что я должна жить съ вами, да еще и счастливо? Это несомнѣнно.

Лопуцьковскій. Какъ-же? Вѣдь же вы выйдете за меня за мужъ?

Присинька. Никогда.

Лопуцьковский. Такъ вы не согласны за меня вытти?

Присинька. Ни за какія блага въ свѣтъ.

Лопуцьковский. Да помилуйте! Развѣ я урокъ какой, что-ли?

Присинька. Не то; но я не найду съ вами счастья.

Лопуцьковский. Такъ это отказъ?

Присинька. Чистый, ясный.

Лопуцьковский. Странно! И вотъ уже вы, пятнадцатая невѣста, мнѣ отказываете. Странно, очень странно! Пойду и объявлю своимъ роднымъ. (*Уходитъ.*)

Присинька (одна). Что-то мнѣ будетъ теперь? Да хоть что хотять, а не пойду за него, да и не за кого, кромѣ моего милаго Вани. Ума не приложу, что мнѣ, бѣдной, дѣлать?

ЯВЛЕНІЕ V.

Присинька и Эйжени.

Эйжени. А что жъ, машеръ Присинька, гдѣ же твой женихъ?

Присинька. Какой женихъ?

Эйжени. Мой машеръ кузнецъ. Мы нарочно его съ тобой оставили, чтобъ онъ объяснилъ тебѣ въ любви, и предложилъ бы тебѣ свою руку. А онъ, видно, безъ всего ушелъ.

Присинька. О, вѣтъ! Онъ все исполнилъ...

Эйжени. Что же ты ему отвѣчала?

Присинька. То, что чувствовала.

Эйжени. И вѣрно отказала?

Присинька. Кажется.

Эйжени. Ахъ, какал же вы, машеръ! Пуркуа, ты это сдѣлала? Твой машеръ меръ будетъ сердиться.

Присинька. Пускай сердится. Ей невѣстна причина, почему за него не пойду.

Эйжени. Конечно ты, машеръ Присинька, влюблена? Ахъ, открой мнѣ свою тайну.

Присинька. Тайна моя многимъ невѣстна. Капитавъ Скворцовъ...

Эйжени. Вотъ, что у васъ стовтъ? А каковъ онъ собою?

Присинька. Прекрасный, отличныхъ правилъ, большого ума, кротокъ и добръ.

Эйжени. Какъ ты счастлива, что у васъ стоятъ военные! А у насъ, имажине! Только и бываетъ, что Становой. По необходимости, я занимаюсь съ нимъ. Твой, открылся уже тебѣ?

Присинька. И просилъ руки моей, но ему отказали.

Эйжени. Почему?

Присинька. Потому, что онъ бѣденъ.

Эйжени. Что же вы предпринимаете?

Присинька. Умереть, но не измѣнить другъ другу. Конечно, онъ упрашиваетъ меня бѣжать, но я за это никогда не рѣшусь.

Эйжени. Ахъ, машеръ Присинька, почему же не согласиться? Какъ это весело: выйдешь скрытно отъ всѣхъ, чрезъ садъ, луна освѣщаетъ твой путь, ты дрожишь, пугаешься всего, — вдругъ онъ выскакиваетъ изъ-за деревьевъ, ты падаешь въ обморокъ на его руки, онъ тебя, безчувственную, несетъ, сажаетъ въ коляску, вы скачете, вѣяетесь... Ахъ, какъ это весело! Конечно, твоя машермеръ будетъ сердиться, но вы будете плакать, просить: она васъ простить. Я даю тебѣ мой пароль, что если бы онъ мнѣ предложилъ бѣжать, я тотчасъ соглашусь и уйду.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Аграфена Семеновна.

Аграфена Семеновна. Уфъ!... задыхаюсь.—Ну за что это похоже, въ самый жаръ ходить такъ долго. Ничего не осталось, чего бы мы не пересмотрѣли: и куръ, и насѣтокъ, и дыплатъ, и все это въ ужасномъ одно отъ

другаго разстояніи. Нѣтъ! у насъ въ Петербургѣ это все не такъ расположено. Теперь пошла еще смотреть своихъ утятъ, къ какому-то пруду, гдѣ, говорятъ, и тѣвъ и прохлада, но я уже не могла итти за нею.

Присинька. Маменька моя большая охотница до всего этого и у нея все въ порядкѣ.

Аграфена Семеновна. А пусть все въ порядкѣ, но зачѣмъ-же мучить другихъ, воля такъ далеко и показывая всю эту гадость?—А объяснялся ли съ вами Тимофей Кондратычъ, и какой отвѣтъ получилъ?

Эйжени. Имажине, машеръ меръ, что моя машеръ Присинька не можетъ вытти за моего кузина; она имѣетъ къ тому сильную причину.

Аграфена Семеновна. А! это вѣрно тайная любовь? Понимаю. У насъ въ Петербургѣ, каждая хорошо воспитанная дѣвица или даже и замужняя женщиа имѣетъ тайную любовь. Въ обществѣ, къ которому я, у насъ въ Петербургѣ, принадлежала, это вообще принято.

Эйжени. Ахъ, моя милая машеръмеръ, что бы она не разлучила двухъ страстно любящихся сердець, и пуркуа бы ихъ не соединить?

Аграфена Семеновна. Но кто же это такой, къ кому она тѣветъ любовнымъ пламенемъ?

Эйжени. Это офицеръ, что здѣсь стоитъ съ полкомъ.

Аграфена Семеновна. Такъ и здѣсь военные? А сколько полковъ у васъ въ деревнѣ?

Присинька. Не полки, а одна рота квартируетъ.

Аграфена Семеновна. Рота? Ахъ, какія вы жалкія! Я думала тысячь тридцать, какъ у насъ, въ Петербургѣ. Онъ же полковникъ или генераль? Какъ у васъ началось знакомство, какъ вы открылись, какъ страдаете! Я очень люблю это слушать!

Эйжени. Я бы намъ въ короткихъ

словахъ все рассказала; но вотъ идутъ наши машеръ перы, а при нихъ нельзя. Я найду случай вамъ все рассказать подробно, а вы ужь постарайтесь въ пользу страстныхъ любовниковъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ. Опецьковскій и Шцакъ.

Шцакъ. Вы мнѣ это чудеса рассказываете! Я дочиталъ дѣйствія карлистовъ до февраля прошелаго года и утѣшался, что имъ совсѣмъ плохо, а теперь слышу противное. Подробности узнаю въ будущемъ году, потому что прежде окончавія года газетъ не читаю.

Опецьковскій. Я удивляюсь, какъ можно ихъ читать дажс недѣлю спустя? Совсѣмъ упустить, въ разсужденіи реставраціи, нить европейской политики. Стало быть, вамъ неизвѣстно, что король греческій женился, и на комъ?

Шцакъ. Женился-ли или нѣтъ, не знаю, но знаю только на комъ онъ женится.

Опецьковскій. А на комъ-бы, по вашему мнѣнію?

Шцакъ. Скажу, и не ошибусь. На дочери турецкаго султана.

Опецьковскій. Это же отъ чего, Кирило Петровичъ?

Шцакъ. Отъ того, Осипъ Прокоповичъ, что двѣ враждующія державы, черезъ родственныи союзъ примиратся; христіанство распространится, торговля сношенія съ Европою...

Опецьковскій. Позвольте мнѣ, Кирило Петровичъ, эту часть разумѣть больше и объективнѣе, потому что я, сидя за моимъ бюро, очень ясно вижу, что, въ разсужденіи реставраціи, торювыя сношенія съ Европою... то есть... какъ бы вамъ сказать... по равновѣсію Европы... всякой торгъ... пожалуйте, я не то хотѣлъ сказать...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ЛОПУЦЬКОВСКІЙ.

Опецьковскій, (продолжа я). Но для этого, въ разсужденіи реставраціи, нужно звать послѣдствія переговоровъ...

Лопуцьковскій. Послѣдствія самыя не-приятныя...

Опецьковскій. Какъ? отъ чего?

Лопуцьковскій. А вотъ извольте видѣть: когда я очень многократно объяснялся съ предметомъ сердца моего...

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ФЕННА СТЕПАНОВНА.

Фенна Степановна (еще за кулисами кричитъ) Ой!... ой!... помогите!... ратуйте!.. Кто въ Бога вѣруетъ... защитите! (*Выходитъ на сцену блѣдная, испуганная. Мужъ и дочь бросаются къ ней*).

Присинька. Мамевька, что съ вами?

Шнакъ. Что съ вами, моя Фениочка?

Фенна Степановна. Охъ!... Насилу жива!...

Аграфена Семеновна. Это истерика. Скорѣе голшманскихъ капель: у насъ въ Петербургъ этимъ помогаютъ въ истерикъ...

Фенна Степановна. Какая къ чорту истерика. Я ее отъ роду не знала, а тутъ совсѣмъ пришлось въ обморокъ падать... охъ!

Шнакъ. Да отъ чего же вы, маточка, должны были въ обморокъ падать?

Фенна Степановна. Охъ, душечка, Кирило Петровичъ! вы непременно должны вызвать капитана на поединокъ...

Шнакъ. Я?... На поединокъ!... Да за что?

Фенна Степановна. Чтобъ отметить за мою и за вашу честь... Вызовите его, душечка, вызовите!

Шнакъ. Да за что же?... Я вичего не знаю...

Фенна Степановна. Охъ, какіе вы, душечка! Неужели вы и до сихъ поръ не поняли, что онъ обидѣлъ честь мою?

Шнакъ. Какъ это?

Фенна Степановна. А вотъ, какъ обыкновенно обижаютъ честь. Я пошла посмотреть утятъ, что на прудѣ; тамъ такая густая тѣнь: — съ трудомъ, что и разглядишь... Вотъ я вичего не видѣла, право не видѣла, хотъ убейте меня сейчасъ, шикого формально не видѣла, и отворила калитку къ пруду, какъ вдругъ капитавъ...

Присинька (тихо). Ахъ!

Шнакъ. Ну, капитавъ! И что онъ?

Фенна Степановна. Тутъ сидѣлъ подлѣ кустомъ и вдругъ схватилъ...

Шнакъ. Ну!

Фенна Степановна. Схватилъ меня за руки и началъ ихъ страстно цѣловать, потомъ...

Шнакъ. Потомъ... ну те, маточка, ужъ дорѣзываете!

Фенна Степановна. Охъ!... Языкъ не поворотится договаривать. Восбразите, душечка! Началъ говорить мнѣ... тѣту!—любовныя рѣчи и началъ, такъ сладко уещать меня, чтобы я съ нимъ бѣжала...

Шнакъ. Вы же, маточка, что?

Фенна Степановна. Сами можете по-судить, каково мнѣ было все это слушать! Благодарю Бога, во весь мой вѣкъ никто не объявлялъ мнѣ любви и въ тридцать лѣтъ нашей супружеской жизни, никто меня не привлекалъ къ невѣрности мужу, а тутъ такой молокососъ вздумалъ...

Эйжени, (тихо Присинькѣ). Вѣрно, машеръ, это у тебя съ нимъ назвачено было свиданіе?

Присинька. Ахъ, такъ точно: онъ меня убѣждалъ притти къ пруду, но я все не рѣшалась.

Шнакъ. Что жъ вы, маточка, сѣлали, какъ выслушали его любовныя рѣчи?

Фенна Степановна. Въ первомъ жару, къ сожалѣнью, я начала кричать, а мнѣ бы слѣдовало его отшлепать по щекамъ за его любовь. А когда я закричала, тутъ онъ вскочилъ и крикнувъ: «Ахъ, какъ я ошибся!»—убѣжалъ. Этакой плутъ! Какъ видите, что нечего дѣлать, такъ и поворотилъ, что будто ошибся. На поединокъ его, на поединокъ! Только благо-разумненько надо поступить. Вы его вызовите, а сами спрячьтесь, а люди чтобъ зашли. Когда онъ придетъ на мѣсто, такъ тутъ его и поколотить.

Графена Семеновна. Видно ловкій малой. У насъ въ Петербургѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда такъ изворачиваются.

Опецьковский. Сравнивая съ европейскою политикою теперешнюю объективность, я нахожу, что подобный изворотъ не новый. Когда англійскій министръ Питтъ, въ разсужденіи реставраціи, вздумалъ въ... въ... потъ не вспомню въ какомъ году!

Шнакъ. Хорошо, маточка. Вы говорите, что онъ убѣжалъ. Чего же вы кричали не своимъ голосомъ?

Фенна Степановна. Отъ-того, душечка, что онъ убѣжалъ да не отъ пруда, а въ прудъ: такъ и бросился въ прудъ по евое время (*указываетъ на прудъ*).

Шнакъ. Хорошо, маточка, согласенъ. Но бросился же онъ, а не вы. А кричали вы чего?

Фенна Степановна. Какъ-же не кричать, когда видишь, что живой человекъ тонетъ.

Шнакъ. По этотъ живой человекъ обидѣлъ вашу честь, цѣловалъ ваши руки и говорилъ любовныя рѣчи. Чего же тутъ кричать, а?

Фенна Степановна. Какъ-же, душечка? Того человечество требуетъ.

Шнакъ. Вы бы не очень давали человечеству волю надъ собою; оно, пожалуй, доведетъ еще и не до того. Обсудивши со всѣхъ сторонъ это происшествіе, я нахожу, что тутъ вышла ошибка.

Овъ, въ тѣни густыхъ деревь, принявъ васъ, маточка, за Присньюку.

Фенна Степановна. Образумьтесь, Кирило Петровичъ! Я не паудивляюсь вамъ! Какъ можно съ вашимъ умомъ, такъ часто и легко ошибаться? Возможно ли, чтобъ онъ не распозналъ меня съ моею дочерью? Нѣтъ, это его злой умыселъ на общую нашу честь.

Шнакъ. Говорите вы, маточка, что хотите, а оно точно такъ; и чтобъ пресѣчь все это, я положилъ твердое намѣреніе, успокоить всѣхъ. Сего же дня сговариваю дочь съ Тимофеемъ Кондратычемъ; а васъ прошу вечеромъ на сговоръ. Сей часъ зазываю всѣхъ сосѣдей. Конецъ дѣлу и капитанъ останется въ дуракахъ.

Присньюка. О, Боже! что я слышу?

Лопуцьковский. Самое вѣрное средство, противнымъ бракомъ истребить страстную любовь. Какъ я счастливъ буду!

Графена Семеновна. Прекрасно. Ужо вечеромъ вы увидите на мнѣ платье еще моднѣе этого.

Эйжени (Присньюкъ). Не грусти такъ, машеръ Присньюка. Развѣ это не великое утѣпепіе, что ты будешь за мужемъ.

Опецьковский. Въ разсужденіи реставраціи, эта мѣра весьма близка къ той, которую иногда европейскіе министры предпринимаютъ...

Шнакъ. Вы, маточка, Фенна Степановна, согласны-ли на мой плясъ?

Фенна Степановна. Оно, конечно, не глупо выдуманно, только жаль, что я прежде этого не знала и не распорядилась. Теперь же, позвавши гостей, надо ихъ и угостить, а у меня еще ничего и не приказано. (*Думаетъ и расчитываетъ пальцами*).

Присньюка. Батюшка! матушка! Сдѣлайте милость не губите меня, не отдавайте меня за Тимофея Ковдратыча! Я не пойду и за капитана, когда это вамъ не угодно... Отпустите меня въ мова-стырь...

Лопуцковскій. Я удивляюсь, отъ чего я вамъ такъ противенъ? Напротивъ, когда я вояжировалъ въ Воронежъ...

Фенна Степановна. Съ чего ты это вздумала отказываться, когда я уже къ ужину всѣ блюда придумала!

Шпакъ. Не бывать этому, вздоръ! Честь моя требуетъ рѣшительной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ не на дуэль же мнѣ съ этимъ сорви-головою, капитаномъ, выходить! Отдамъ тебя другому, а онъ себѣ хоть волкомъ вой. Теперь не уголно ли домой къ чаю, а потомъ, когда гости прочіе подъѣдутъ, тогда и сговоръ и въ саду тавцы и гулянье.

Аграфена Семеновна. У насъ, въ Пѣ-

тербургѣ, обыкновенно всѣ такіе случаи происходятъ въ саду. Пойти перемѣнить туалетъ. (*Беретъ мужа подъ руку и уходитъ*).

Присимька. Что я должна дѣлать? Несчастливая!

Эйжени. Чулно! Идетъ за мужъ и горюетъ. (*Объ идутъ къ дому*).

Лопуцковскій. По праву жениха, я долженъ находиться при невѣстѣ неотлучно. (*Идетъ за ними*).

Фенна Степановна. Не оставляйте же меня, Кирило Петровичъ! Того и смотрю, что капитанъ, увидѣвши меня одну, выскочитъ изъ-за кустовъ съ своею любовью. Долго-ли до бѣды? Пропаду съ душою и тѣломъ. (*Уходитъ съ мужемъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Скворцовъ и Шельменко (*выходитъ изъ дому*).

Скворцовъ. Гдѣ ты это пропадаешь? Я тебя больше часа жду. Успѣлъ ли что провѣдать?

Шельменко. Усе узнавъ, ваше благородыя! Усе благополучно и усе гараздъ.

Скворцовъ. Что же ты узналъ?

Шельменко. Панночка, тее-то, плачетъ, будучи, на лотокахъ вода брызжитъ.

Скворцовъ. Что же тутъ хорошаго? Чего же она плачетъ?

Шельменко. Сегодня, будучи, у вечера будутъ, тее-то, рушныки даваты за того поганого паныча.

Скворцовъ. Такъ надежды мои всѣ пропали! Сегодня сговоръ?

Шельменко. Ажъ трусытця, ваше

благородыя; та, будучи, рѣшительно жела.

Скворцовъ. Что я слышу!... Ожидалъ ли я отъ нея такой перемѣны? Но кто тебѣ сказалъ, что она охотно идетъ за другаго?

Шельменко. Мыни вихто, будучи, ничего не говоривъ за тымъ, шо я, тее-то, виково и небачывъ.

Скворцовъ. Стъ чего же ты взялъ, что она охотно идетъ?

Шельменко. Вистымо, ваше благородыя, якабъ-то дивка, шобъ, будучи, замижъ не хотила. А колы хоче, такъ, стало быть, буде плакаты. Нехай-же, будучи, не заплачетъ, то маты заразы и потылицю натовче. Такъ отъ я соби, будучи, и догадався: якъ чуте, шо у вечери, тее-то, сватанья, а дивка, будучи, вистымо шо хоче, такъ, тее-то, и приходитця и тилки шо плакаты. Та-такъ, тее-то, и вид-лепортувавъ вашему благородыю.

Скворцовъ. Такъ это все твои глупыя догадки; но что разсказываютъ люди?

Шельменко. Та вичогисниького не розсказуютъ.

Скворцовъ. Ты вѣрно не заводилъ съ ними объ этомъ рѣчи?

Шельменко. Де-то вже не заводилъ, ваше благородые! Казавъ и про матерын и, будучы, про кожухы, и про вивци, и про бжолы, и про панючку, тее-то, за-кыдавъ, такъ никто яичычиркъ. Уси жахаютця видѣ наѣт.

Скворцовъ. Я рѣшаюсь на все крайности. Останься здѣсь, къ тебѣ Шпанъ имѣетъ довѣренность и не побезпокоится, увидѣвъ тебя между гуляющими. Ты же проворъ мнѣ какъ можно, увѣдомь Присивьку о нашемъ умыслѣ и, взявъ отъ нея согласіе, препроводи ее незамѣтно, вопъ къ той сухой яблонѣ, гдѣ я буду васъ ожидать. Смотри же, дѣйствуй умно и осторожно! (*Уходитъ. На театръ темнѣетъ*).

Шельменко, (однѣ.) Дивствуй!... проворъ!... Добре вамъ приказоваты! Коли бъ васъ заставыты дивствоваты, якъ бы вы, будучы, вывернулыся? Якъ иподывлюсь, такъ усюды, тее-то, одинаковисинько, и у волосты, и у суди и у служби. Нашъ братчикъ, будучы салдатъ або пысарь, дило зрѣимъ и до ладу приведе, а, будучы, начальныкъ и хваста: мы, ста, сто затлалы-ста! Осъ и тутъ такъ: и зовемъ, будучы, усе налагожу и барышню вкраду, а его благородые ожениться и, тее-то, худѣбу забере, а Шельменци тилки и зостанетця: риннайся! Ажъ спына швыдко переломытця видѣ того ривняня! Охъ-охъ-охъ! Дывысь! сюды бижать мои пташкы! Зхвоаюсь, а може копытанъ проноуха, та й самъ набижыть. (*Прлечетъ въ кусты*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Присивька, Эйжени и Шельменко, (спрятавшись.)

Эйжени. Сдѣлай милость, машеръ Присивька, не заходи далеко. Твоя машеръ-меръ приказала одтваться тебѣ къ сговору, а ты побѣжала сюда. Какъ узнаеть, достанется тебѣ!

Присивька. Дай мнѣ въ послѣдній разъ взглянуть, гдѣ я съ нимъ вмѣстѣ гуляла, говорила съ нимъ о моей любви, слушала клятвы его. Милая Эйжени! пойдѣмъ къ пруду, не ожидаетъ ли онъ меня тамъ? Я хочу съ нимъ разпроститься, какъ долгъ велитъ, въ послѣдній разъ.

Эйжени. О! къ пруду уже же-вуза-сюрь, что не пушу. Ву ковесе свою машер-меръ; она будетъ крѣпко сердиться. Да, и къ чему уже продолжать связь съ Скворцовымъ? Ты чрезъ нѣсколько дней выйдешь за-мужъ. Ахъ, какъ ты счастлива!

Присивька. Могу-ли быть счастлива съ тѣмъ, кого не люблю?

Эйжени. Ме кеске-се, что не любишь, а все таки будешь за мужемъ. Лишь бы за-мужъ вырваться, а любовь послѣднее дѣло; есть-ли она между супругами или нѣтъ, се-те-галъ. И безъ любви можно славно жить.

Присивька. Я никогда не забуду моего Ваню!

Эйжени. Пуркуа и забивать. Вышедши за-мужъ, пользуйся свободою, наряжайся, разѣзжай, веселись, а встрѣтилась съ своимъ Ванею, вспомни прежнее и полюбись съ нимъ опять не много.

Шельменко (въ сторону). Отъ добра!—Що якъ бы й ще воля?

Эйжени. Ты, выйдя за-мужъ, будешь жить сама для себя. Ахъ, какъ я тебѣ завидую! Чортъ знаетъ, когда я лождусь себѣ жениха. Какой первый случится, за того и пойду!...

Шельменко (въ сторону, разглядывая). Генъ, генъ и копытанъ. Сюды его давай! (*Убѣгаетъ*).

Эйжени. Ву вере, что я таки урвусь за-мужь, буду жить по своей волѣ и буду счастлива, а ты будешь сидѣть дѣлою вѣкъ въ дѣвкахъ, развѣ помрутъ твои родители или образумишься и уйдешь съ Ванею.

Присинька. Не пакажи меня Богъ первымъ, а па последнее, противъ ихъ воли, я никогда не рѣшусь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, СКВОРЦОВЪ И ШЕЛЬМЕНКО.

Скворцовъ, (бросаясь къ Присинькѣ.) Наковецъ; обожаемая Присинька, имѣю неизяснимое наслажденіе владѣть тебл. говорить съ тобою, цѣловать твою милую ручку... Но зачѣмъ же ее огнимаешь?... Это, вѣрно, другъ твой, и ей извѣстна взаимная наша любовь...

Присинька. Я не могу уже быть вачею, слѣдовательно... оставьте меня, забудьте меня, Иванъ Семесовичъ, будьте счастливы...

Скворцовъ. Могу-ли быть счастливы безъ тебя? Ты знаешь, какъ я люблю тебл!.. Одно средство быть намъ счастливыми, и я умоляю тебл согласиться на него...

Эйжени. Какое-же это?

Скворцовъ. Вхать со мною въ близкую деревню, гдѣ у меня все улажено, и мы черезъ часъ возвратимся супругами... Умоляю тебл, другъ мой, рѣшись!...

Присинька. Ахъ, не напоминай мнѣ объ этомъ!

Эйжени. Да, и это довольно романтически. Согласись змабл Присинька! Это приключеніе надѣляетъ много шуму и, надолгое время, займетъ всѣхъ... а родители послѣ же простятъ.

Присинька. А до того, что со мною будетъ? Я умру, увида ихъ гнѣвъ.

Эйжени. Се сонъ де пустижи, мабель

Присинька. Ты таки уйди, это будетъ прероманическое приключеніе; вась со временемъ прослѣи и ты будешь счастлива съ такимъ жолн офицеръ. Не смотрите на нее, мосье де капитанъ, когда у вась все готово, ведите ее къ колясцѣ. я ее провожу...

Скворцовъ. Въ горестномъ моемъ положеніи, я долженъ рѣшиться на эту крайность. Пойдемъ, обожаемая Присинька!...

Присинька. Нѣтъ!... нѣтъ, ни за что!...

Скворцовъ. Черезъ нѣсколько мннучъ мы будемъ на вѣкъ разлучены; ты будешь невѣстою другаго и услышишь о смерти моей!...

Присинька. Боже! что мнѣ дѣлать въ такой крайности. Я умру, если навлеку гнѣвъ родителей... умру, если лишусь тебл... Ахъ, на что мнѣ рѣшиться?... Насъ оставовятъ... меня возьмутъ и я погибла.

Эйжени. Ничего, машеръ, не бойся; никто не увидитъ, и не узнаетъ; я запрусь въ твоей комнатѣ и буду сказывать, что тебл убираю къ сговору... Идите же, идите скорѣе, чтобы вамъ не помѣшали... Ахъ, какъ это интересно, что я участвовала въ этой интригѣ. Вся слава успѣха отнесется мабл. (Она старается вести Присиньку, которая, ломая руки, плачетъ, сопротивляясь ей и Скворцову, также ведущему ее. Шельменко суетится около нихъ и знаками убѣждаетъ, чтобы спѣшили.) Ахъ! она почти безъ чувствъ! Машеръ офицеръ! закутайте ее во что вибудъ и ведите, хотя противъ воли.

Скворцовъ. Шельменко! подай сюда, что тамъ есть...

Шельменко. Та щожъ тутъ е, тильки отъ шинеля, та фуражка...

Скворцовъ. Подай, подай скорѣе... (Схватываетъ шинель, окутываетъ ею почти безчувственную Присиньку, и надѣваетъ фуражку.)

Эйжени. Ахъ, какъ она интересна въ этомъ костюмѣ! Точно будто молодой юнкеръ; кто ли встрѣтитъ вась, не уз-

наетъ и подозревать не будетъ. Отправ-
ляйтесь-же окончить всеи спѣшите обрат-
но. Болѣ двухъ часовъ мнѣ нельзя скры-
ваться. Оревоаръ. (*Убѣгаетъ къ дому.*)

*Скворцовъ, (Присинькѣ, лежащей у
нею на рукахъ.) Другъ мой... умоляю*
тебя, приди въ себя... поспѣшимъ, время
дорого...

*Шельменко, (также съ другой сторо-
ны поддерживая ея.) Ну те-бо, панвоч-
ка, прочуняйте швиденько, та на втикача.*

Присинька. Нѣтъ... нѣтъ... оставьте
меня...

Скворцовъ. Не возможно оставить, дѣ-
ло начато...

Шельменко. Мертвого зъ гроба не воро-
чаютъ! Почалы, такъ треба дило кивчаты.
Якъ закинчаемъ зовсімъ, тогли и пустымо.
Нуте-жъ-бо ходыть, холыть. Вы думаете
и мыни васъ не жалко? я ажъ плачу, та
що робыть? по писавію: нужда законъ
зминя. (*Ведутъ ее и вдругъ Шельменко
въ испугъ останавливаетъ ее.*) Отъ и
устереглись! отъ теперъ беда! (*Мечет-
ся во весь стороны въ большомъ сму-
щеніи.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Таже и Шпакъ, (выходя въ задумчивости.
Скворцовъ, въ большомъ замѣшательствѣ, под-
держиваетъ слабую Присиньку. Шельменко
мечется по театру. На театрѣ очень темно.)

Шпакъ. Терпѣнія не достаетъ, слыша
безпрестанныя одобренія проклятымъ кар-
листамъ!... Что ему сдѣлали бѣдные
христовосы?... Если бы не сговоръ до-
чери, я бы ему напрямки отпѣлъ и ра-
зорвалъ бы знакомство. Чтобы немного
успокоиться, вышелъ въ садъ, распоря-
диться иллюминаціею; да вотъ, кажется,
и рабочіе здѣсь. (*Присматриваясь.*) Кто
здѣсь!... Потапъ, это ты?... что жъ не
отвѣчаешь!... Кто здѣсь?... говори!
(*Идетъ къ Шельменкѣ.*) Отвѣчай мнѣ,
кто здѣсь?

Шельменко, (крѣпко испугавшись.)
Та се... се не я...

Шпакъ. Да кто ты такой? говори...

Шельменко. Се, мабуть собака... а
бо що...

Шпакъ. А! это Шельменко!... По тво-
ей шуткѣ я узналъ тебя.

Шельменко (въ сторону). Хороши
шутки, що и самъ себѣ не тямлю, та
дрыжакы имъ. Ге, ге, ге, ге! (*Скворцову
тихо*) Не пускайте, ваше благородые; я
видбрещусь.

Шпакъ. Съ кѣмъ ты здѣсь?

Шельменко. Та то такъ, то, будучы,
нихто.

Шпакъ. Какъ никто! я вижу, что че-
ловѣкъ. Не Мотря-ли, а?

Шельменко. Та такъ, знаете... тутъ
мы соби... такъ соби...

Шпакъ, (все присматриваясь.) Ка-
кая Мотря! тутъ двое... и, кажется, му-
щины... Ахъ, не капитанъ ли здѣсь?...
Такъ точно: что-то военное.

Шельменко. Знаете, ваше благор...
чы то пакъ, ваше высокоблагородые, прій-
шли до мене наши салдаты, та, знаете,
пидмовляютъ мене на вычервыци. Знае-
те що, ваше высокоблагородые: грим-
нить на нихъ, щобъ выйшли зъ вашего
садка; чога вони сюды забрались.

Шпакъ. Мнѣ что-то это подозритель-
но! Я все думаю, что это капитанъ...

Шельменко. Та, де вамъ копытанъ!
Винъ дома, до усихропе на уси заставки...

Шпакъ. А вотъ я увѣрюсь. (*Подхо-
дитъ къ Скворцову. Скворцовъ, видя при-
ближающагося Шпака, заслоняетъ
дрожащую Присиньку, не выпуская ея
изъ рукъ; увидя это, Шельменко бро-
сается между ними, отводитъ Шпака.*)

Шельменко. Та не руште, не руште...
Ось идить сюды, я вамъ усю правду
скажу...

Шпакъ (схватываетъ его и трясетъ.)
А! бездѣльникъ! это твои плутви. Капи-
танъ ли это—или кто? говори! (*трясетъ
его крѣпко.*)

Шельменко, (дрожа). Та такъ... бездильныкъ... будучы... то копытанъ... ей же-то Богу, шо то копытанъ, тильки пуститъ...

Скворцовъ (тихо). Ахъ, предатель!

Шпакъ, (продолжая сердиться). Говори все: говори съ кѣмъ онъ это? Говори!

Шельменко. Ой, ой, ой, лышенько!... До суау, до вику не буду... Ратуйте хто въ Бога вируе... Ой! усюжь правду скажу... то винъ... винъ зъ панночкою...

Скворцовъ (тихо.) Все кончилось!.. О, злодѣй! *(Рѣшается подойти къ Шпаку.)*

Шельменко, (освободясь отъ Шпака, тихо Скворцову.) Будьте ласкови, не лйкайтесь и не бійтесьничого, я ось заразъ видбрешусь. *(Шпаку.)* Ось послушайте мене лышень...

Шпакъ. Тогда выслушаю, когда удержимъ капитана. 'Лови его, держи! *(Бросается къ Скворцову, но съ робостію.)*

Шельменко, (удерживая его.) Чи знаете-жь вы, зъ якою винъ панночкою?

Шпакъ. Съ какою же другою, если не съ моею дочерью. — Держи его!

Шельменко. Эге! такъ, та трошки не такъ. Чи знаете яка то панночка? Адже вы казали, цюбъ ёго ожениты на дочци вашего сусида, пана Тпрунькевича.

Шпакъ. Ну, такъ что?

Шельменко. Ну, отъ я и навивъ дило на ладь, та й пишовъ старостою, такъ, ле! ви приступу. Такъ мы шо робыть, мы узялы, та и украли дивку...

Шпакъ. Молодцы! Сполать! — Такъ это она съ капитаномъ?

Шельменко. Вона, ваше высокоблагородые! Эвисно первына... дали не те буде...

Шпакъ. Чего же она еще колеблется? теперь нельзя уже перемѣнить.

Шельменко. Бачыте, цю вона каже: безъ благословенныя, — якъ я у винець уступлю? Ваше высокоблагородые! осмилюсь просить... будьте ій якъ отецъ ридный! благословить іи на винець зъ копытаномъ.

Шпакъ. Съ большимъ удовольствіемъ. *(Въ сторону.)* Услужу жъ я теперь своему врагу! *(Подходитъ къ Скворцову и Присинькѣ, столицимъ подъ деревомъ. Она закрываетъ лицо.)* Глазъ вы? я василу могу видѣть васъ. Bravo, г. капитанъ... Хвалю васъ за вашъ поступокъ.

Скворцовъ. Неужели вы его одобряете?

Шельменко. Воно якъ бы не одобрывъ, то не тѣе и спивавъ бы.

Шпакъ. Не только одобряю, но хвалю и прошу, поспѣшите обвѣнчаться.

Скворцовъ. Руку вашу, что не будете сердиться.

Шпакъ. Вотъ рука, честное дворянское слово и примирительный поцѣлуй, что все межъ вами забыто. Въ доказательство, отъ вѣнца прошу прямо ко мнѣ, я васъ благословлю и все уладимъ.

Шельменко. Благословить ихъ и на дорогу, ваше высокоблагородые. Будьте имъ, будучы, за отци.

Шпакъ. Благословляю тебя, любезное дитя мое! Спѣшите скорѣе обвѣнчаться, чтобы глупый отецъ не разстроилъ васъ. Послѣ вѣнца прямо ко мнѣ! *(Присинька съ жаромъ цѣлуетъ руку отца. Скворцовъ поднимаетъ ее и сплшитъ закутать.)*

Шельменко. Ей! и пидъ ризками такъ не плакавъ, такъ-та, будучы, жалибно дывытысь. *(Въ сторону, смѣясь.)* Отъ хибѣ у дурни пошылы!

Шпакъ. Ба! да вы се въ военную форму пріодѣли! Славно, славно! Никто и не узнаеть.

Шельменко. Та, хочъ батько ридный побачыть, и той не призна.

Скворцовъ. Пойдемъ, мой другъ, поспѣшимъ. Кирило Петровичъ! такъ отъ вѣнца прямо къ вамъ?

Шпакъ. Въ мои объятія, сынъ мой, къ моему сердцу. *(Хочетъ.)*

Скворцовъ, (уводя Присиньку.) Шельменко! проводи насъ до колески. *(Уходитъ съ Присинькою и Шельменкомъ.)*

Шпакъ (одинъ хохочетъ.) Уаружнякъ

же я Тпрунькевичу! Навязалъ ему зятя голяка... а онъ все искалъ богатаго... Вотъ тебѣ и гуси, что у меня побилъ!—Надулъ его знатно! Куда какъ глупы отцы бывають.

ЯВЛЕНІЕ V.

Шпакъ и Шельменко.

Шельменко, (вытянувшись.) Лепорту вашему высокоблагородію, у батька дочку вкралы справно! (*Хохочетъ.*)

Шпакъ. Да, ужъ лихо смастерили, молодцы! А много-таки и я вамъ помочь?

Шельменко. А якъ же? безъ васт и ладу бъ не було.

Шпакъ. Что-жъ отецъ? скоро-ли хватился за дочерью?

Шельменко. Та де вамъ хватывся! Дочку вже и помчалы, а батько распустыгъ уха, та й слуха мои теревени, шо я ему разкажую, отъ якъ перелъ нашымъ здоровьямъ.

Шпакъ. Экой фофавъ! и не догаливается? (*смѣется.*)

Шельменко. Тамъ такой хвохавъ,

ваше высокоблагородые, шо ничего и не замичае! (*смѣется.*) Ажъ мене слѣзы узялы!

Шпакъ. Охъ, вы военные!.. лихой народъ!—Признайся, не въ первый разъ тебѣ такъ проказить?

Шельменко. Та якъ у первое!.. Разъ укралы дивку, та й не знаемо шо зъ нею робыты, а батько ии пырь намъ у воци и не пизнавъ дочкы. Мы и заходылыся коло него, та такъ одурылы, шо сердцека и поблагословывъ дочку, и самъ выпровожавъ...

Шпакъ (сильно смѣется.) Охъ, полно, полно! бока болять отъ смѣху... Экой дуралей!

Шельменко, (продолжая смѣяться.) Та такой дуралей, ваше высокоблагородые, шо я ще такого зъ роду у перше и бачу. (*Смѣется.*)

Шпакъ. Пойдемъ же готовить все, какъ встрѣчать молодыхъ, а послѣ сдѣлаю сговоръ своей дочери. (*Онъ пошелъ было, но воротился, хохоча.*) Не могу вспомнить про твои разказы, такъ ии-хохочу! (*Уходитъ.*)

Шельменко. Чи бачывъ хто такого дурня? (*Смѣется, уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Тотъ же садъ, подъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ треугольники для фонарей, — безъ порядка и вкуса.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мужчины и женщины изъ двора Шпака (въ разныхъ одѣяніяхъ, разставляютъ и зажигаютъ плашки и фонари.)

Лакей. Проворвѣе, проворвѣе управляйтесь! кромъ этого, намъ еще много дѣла.

Кучеръ. Ужъ и такъ довольно трудимся. А что, тетушка, какъ бы на радости ты вынесла намъ по чаркѣ. За

здоровье барышин и жениха выпилось бы славно.

Ключница. Не здивуй. И женихъ богатый, пусть онъ потчуетъ. Мы ему барышню отдаемъ, такъ его магарычъ.

Лакей. Сегодня господа гуляють, а завтра намъ дадутъ.

Кучеръ. О, да и нашьось же я знатно!

Ключница. Вотъ хорошо, что управились. Господа идуть!

ЯВЛЕНІЕ II.

Шпакъ съ женою, Опецьковскій съ женою, Лопуцьковскій и гости съ дѣтьми, паничками и кормилицами. (Вся дворня однакъ за дру- гимъ ухватъ.)

Шпакъ. Милости просимъ сюда. По- корно прошу располагаться гдѣ кому уго- дво, въ ожиданіи пріѣзда нашихъ моло- дыхъ.

Феня Степановна. Помилуйте вы меня, Кирило Петровичъ! я не наудв- ляюсь вамъ, какъ вы, человекъ съ та- кимъ умомъ, дѣлаете ни то, ни сѣ. (*Удер- жавъ за руку ключницу.*) Или же ско- рѣе въ домъ, да потуши все свѣчи, что- бы напрасно не горѣли. (*Мужу.*) Съ чего вы это взяли, чтобы чужую радость предпочитать своей? Какая вамъ нужда до капитана? Хоть бы онъ на булочни- цѣ женился, то для меня все равно.

Шпакъ. О! для меня не все равно. Здѣсь многое заключается: капитанъ на- вѣсь вамъ тѣмъ смертельныхъ обидъ, надобно было ему отмстить; а павъ Тпрунькевичъ,— тотъ не только поругалъ мою честь, но и разоряетъ меня своими процессами; за что и надобно мнѣ бы- ло наказать его въ потомствѣ до третьяго рода, вотъ я изобрѣлъ плащъ: капитана женить на старой дурѣ, а паву Тпрунь- кевичу дать такого зятя, отъ котораго хоть на виселицу. Мнѣ помогъ тутъ Шельменко.

Шельменко, (*выглядывая из ку- ставъ.*) А говъ! я осьдечки! вызыраю нашихъ молодыхъ.

Шпакъ. Хорошо, хорошо! смотри же, чуть завидишь, такъ и крикни, музы- канты готовы. Я воображаю себя вели- чайшую радость, какъ Тпрунькевичъ взбѣ- сится, да перемѣнитъ не чѣмъ. Пусть идетъ на мнѣ! это дѣльцо поважнѣе всѣхъ его ибелъ. Вотъ ему и гуен!

Аграфена Семеновна. Какъ эта иллю- минація бѣдна въ сравненіи съ тѣми, какія бывають у насъ въ Петербургѣ, а

особливо въ Петергофѣ, такъ и сравне- нія ибтъ.

Лопуцьковскій. Это отъ того, что пло- шки поставлены безъ всякой симпатіи.

Опецьковскій, (*выходя изъ задумчи- вости.*) Обращаюсь къ прерванной нами матеріи:— въ разсужденіи реставраціи, довѣ Карлошь сѣмалъ большую ошибку въ прошломъ мѣсяцѣ отъ того...

Шпакъ. Сѣмлайте милость, Осипъ Прокоповичъ, не забѣгайте впередъ! Я вамъ сѣзывалъ, что я и прошлогднихъ газетъ не читалъ, сѣдовательно не знаю, что теперь въ Европѣ дѣлается; да къ тому же я теперь занятъ семейными дѣ- ламн. Окончивъ это, я займусь полити- кою и не допущу, чтобы христиносовъ уничтожить, и противъ карлистовъ буду спорить до нельзя.

Феня Степановна. Скажите мнѣ на милость, что это Присвѣвка не выходитъ? Цѣлую дюжину платьевъ можно бы уже надѣть, а она и съ однимъ не управит- ся. Это странно!

Аграфена Степановна. Моя дочь уби- раетъ ее. Я дала совѣтъ, какъ у насъ въ Петербургѣ, въ такомъ случаѣ, дѣвица должна быть одѣта. А вы, г. женихъ, навѣдывались скоро ли придетъ сюда ваша нареченная невѣста?

Лопуцьковскій. Я подслушивалъ у дверей и высматривалъ въ щелочку. Ев- генія Осиповна изволятъ играть на кла- вибордахъ, припѣвая: взвейся выше понесися, — а предмета моего сердца не замѣтилъ.

Феня Степановна. Это пречудесно! Не повимаю, сѣ Богу не повимаю, хоть убейте меня сейчасъ, не повимаю, за чѣмъ это онѣ не выходятъ?

Шельменко (*кричитъ.*) Идутъ, идутъ! молодн идутъ. Музыка грай! (*Выхо- дитъ.*)

Шпакъ. Постой еще. Извольте стать всѣ въ сторону, а мы съ тобою, маточка, встрѣтимъ ихъ какъ хозяинъ съ хозяй- кою и примемъ ихъ. Ну, теперь начи- най. (*Музыка играетъ маршь.*)

Шельменко. Теперь мнѣ хочъ и захватиться, щобъ не досталось, тее-то, вѣсныхъ подарункивъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тъ же, Свворцовъ и Присинька.

Свворцовъ и Присинька (бросаются на колѣки предъ родителями. Съ Присиньки спадаютъ шинель и фуражка.) Батюшка! Матушка! простите насъ! благословите насъ!

Шпакъ, (приоткрывшись принять ихъ въ свои объятія, остолбенѣлъ, съ разпростертыми руками.) Чт... что... что это такое?

Шельменко. Се жъ ваши молоди. Хнба и теперъ не пизнали!

Фенна Степановна. Ахъ, Мати Божіа! это моя Присинька.

Шельменко. Та, вона-жъ, вона, тильки вже теперъ молодыця.

Фенна Степановна. Что мнѣ на свѣтъ дѣлать?

Аграфена Семеновна. У насъ въ Пѣтербургѣ въ такомъ случаѣ падаютъ въ обморокъ. Упадите скорѣе, это будетъ очень интересно.

Фенна Степановна. Да нуте къ чорту съ вашими обмороками! Я совсѣмъ одурѣла, голова кружится, себя не помню, а оны мнѣ обмороки представляютъ.

Шпакъ, (едва можетъ говорить отъ досады.) Какъ это сдѣлалось? Г. капитанъ! гдѣ вы взяли мою дочь?

Свворцовъ. Отъ васъ принявъ ее; вы насъ благословили, и не только позволили, но и приказывали скорѣе обвѣнчаться и пріѣхать сюда...

Фенна Степановна. А что вы это, душечка, сдѣлали? а?

Шельменко. Не шо, якъ тильке зъ дивны молодыцю.

Шпакъ, (все еще не можетъ притти въ себя.) По... поми...луйте вы меня! Я васъ благословилъ па женитьбу съ дочерью пана Тпрунькевича...

Свворцовъ. Если бъ я располагалъ на ней жениться, и бы не просилъ вашего благословенія; но вы точно насъ благословили, назвали меня сыномъ, обѣщали любить меня... *(Бросаясь на колѣни.)* Умоляю васъ, простите насъ и не лишите любви вашей!

Присинька, (также становится на колѣни.) Батюшка, я виновата... но я видѣла согласіе ваше... потому только и рѣшилась... Маминька! не гнѣвайтесь на меня... благословите насъ!

Фенна Степановна (мужу.) Ахъ, душечка, какую вы глупость сдѣлали, я не наудивляюсь вамъ; въ десяти губерніяхъ не найдешь чловѣка умнѣе васъ, а отъ роду ни одного слова не сказали и ни одного дѣла не сдѣлали умнаго, все глупости строите. Вотъ, занимались кровопролитіемъ на краю свѣта... съ меривогами, а подъ носомъ дочку упустили, да еще сами и выдали. Съ вашими распорядками, того и смотри, что и меня за кого вибудъ отдадите.

Аграфена Семеновна. У насъ въ Пѣтербургѣ это не диковина.

Шпакъ. Это все плуть, мошенникъ, разбойникъ Шельменко!

Шельменко. Моя хата зъ краю, я ничего не знаю.

Шпакъ. Что же намъ дѣлать теперь?

Присинька и Свворцовъ. Простить, благословить!

(Допуцьковский при началъ этой сцены открылъ табакерку, но отъ изумленія стоитъ разинувъ ротъ, держитъ руку въ табакерку, потомъ на всѣхъ поглядываетъ; когда же послѣдовало прощеніе, мотаетъ руками и въ досаду уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ЭЙЖЕНИ, (убѣгаетъ.)

Эйжени. Я услышала музыку и догадалась, что вы исполнили свое желаніе и возвратились съ успѣхомъ. Проздравляю тебя, машерь Присинька! Ты наконецъ за мужемъ. (*Обнимаетъ ее.*) И васъ, мосье офисье, проздравляю.

Шпакъ. Развѣ вы знали о ихъ намѣреніи, что-ли?

Эйжени. Знала, знала и имъ содѣйствовала.

Фенна Степановна. Прекрасно-жъ вы поступали, будучи сами не замужнею дѣвицею.

Графена Семеновна. А что же, Фенна Степановна? у васъ въ Петербургъ въ такомъ случаѣ безъ посредника никогда не бываетъ; но тамъ не долго, и тотчасъ прощаютъ.

Всѣ гости, (подступая.) Простите и вы ихъ!

Скворцовъ и Присинька. Простите! благословите!

Шпакъ. Какъ думаешь, Фенна Степановна?

Фенна Степановна. А чего мнѣ думать за вашимъ умомъ? Только, какъ бы вы ихъ не простили, когда у меня ужинъ изготовленъ уже не только на сговоръ, а и свадьбу отбыть можно, такъ что съ нимъ дѣлать? Ужъ не собакамъ же его выкинуть!

Шпакъ. Правда, правда ваша. Ну, Присинька, такъ и быть, будь счастлива. (*Обнимаетъ ее, а потомъ Скворцова.*) Будь намъ добрымъ сыномъ! Теперь идите къ матери, примите и ея благословіе. Жаль только, что паву Тпрунькевичу я не отместилъ за гусей! Да ты, Шельменко, помоги мнѣ: съ этимъ условіемъ прощаю тебя.

Шельменко. Теперь прийдемся паву Тпрунькевича обдуривать. Якъ же копитанъ, будучи, буде у васъ жыты, то мене вже або управляющимъ надъ водчинами зробить, або шо. Я соби не пропаду и тутъ.

Шпакъ. Хорошо, хорошо, увидимъ. Ну всѣ-ли перецѣловались? Пора веселиться. Музыканты, польской! (*Играютъ польскій, всѣ идутъ парами. Танцы оканчиваютъ тѣсу.*)

МАРІЯ МАЛИБРАНЪ.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ,

СОСТАВЛЕННАЯ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Графини де Мерленъ.

Творецъ создалъ ее, какъ прекраснѣйшій цвѣтокъ въ день праздника природы; но вмѣсто того, чтобы тихо положить Марію на мягкій дерпъ великолѣпнаго парка, онъ бросилъ ее среди необозримой и дикой пустыни... «Ступай, сказалъ Опъ ей: чаруй смертныхъ небесною гармоніею, а когда вселенная станеть слишкомъ тѣсна для души твоей, ангелы, обитающіе средь райскихъ утѣхъ, примуть тебя съ братскою любовью.» Подобно блестящему метеору, явилась намъ Марія во всемъ развитіи оригинальной, пламенной жизни и, выполнивъ свое прекрасное назначеніе, воспарила къ небу, какъ струя благоуханной мирры.

I.

Въ одно декабрьское утро 1827 г., графиня М', известная многими остроумными сочиненіями, сидѣла въ своемъ роскошномъ будуарѣ, когда метръ-лотель доложилъ ей о приходѣ незнакомки, которая пламенно желала ее видѣть. Получивъ приказаніе впустить ее, онъ вышелъ. Черезъ минуту послышался шорохъ быстрой походки: передъ графинею явилась молодая женщина, которой, по виду, было не болѣе 18-ти лѣтъ. Ея черные, шелковистые волосы рассыпались по плечамъ густыми локонами; большіе черные глаза, составлявшіе главную прелесть ея выразительной фizioноміи, дышали въсѣмъ пламенемъ юга и каждымъ взоромъ обличали сильную, страстную душу. Не смотря на холодное время года, всю одежду незнакомки составляло кисейное платье, узкое и короткое, и поношенная шаль,

которая едва прикрывала ея прекрасныя плечи и грудь.

—Марія! Марія Гарсія! вскричала съ изумленіемъ и участіемъ графиня, при видѣ неожиданной посѣтительницы. И посадивъ возлѣ себя на диванъ, она осыпала ее ласками и вопросами.

Эта молоденькая женщина, которая на двадцатомъ году жизни, переплывъ океанъ, очутилась въ Парижѣ, одна, безъ путеводаителя, безъ покровителей, безъ денегъ, почти въ совершенной нищетѣ, — была, знаменитая въ послѣдствіи, блестящая, очаровательная М. Малибранъ, обладательница значительнаго богатства.

Графиня М', съ давнихъ поръ знакомая съ семействомъ Маріи, любила ее съ самою искреннею привязанностію. Ея дружескій пріемъ, ея участіе пробудили въ душѣ юной артистки сладостное чувство, котораго она давно не испытывала и которому предалась со всею пылкостью своего характера. Въ эту мину-

ту она была счастлива, какъ-будто не имѣла горестей въ прошедшемъ, заботъ въ будущемъ. Описывая графинѣ, что съ нею случилось со времени ихъ разлуки, ея печальный разсказъ оживлялся всею прелестью игриваго, веселаго ума. Она походила на бабочку, которая оживаетъ отъ лучей солнца, послѣ продолжительнаго холода.

Видъ инструмента, стоявшаго въ соседней комнатѣ, сильно пробудилъ въ ней воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ. Она съѣла за фортепьяно и очаровательные звуки разнеслись по комнатѣ. Она заплѣла дуэтъ, который, еще почти ребенкомъ, пѣвала съ графинею, но вдругъ остановилась и со слезами бросилась къ ней на шею... «Помните ли, какъ, бывало, учили насъ батюшка! О! я благословляю моего добраго гения, что онъ привелъ меня къ вамъ!..»

Вечеромъ графиня поѣхала въ итальянскій театръ. Еще подъ влияніемъ очаровательнаго голоса Маріи, она съ восхищеніемъ говорила объ ней своимъ знакомымъ, называя ее чудомъ, которое сдѣлаетъ эпоху въ музыкальномъ мірѣ. — Это колоссъ! говорила она: это воплощенная гармонія, которую посылаетъ вамъ Создатель, чтобы улаждать вашу душу во дни печали.

Нужно ли сказывать, что восторгъ покровительницы юной Малибранъ, встрѣтилъ одну недоверчивую улыбку?

— Однако, замѣтилъ одинъ, мы до сихъ поръ еще ничего объ ней не слышали...

— Конечно, полхватилъ другой, ужъ вѣрно бы ея слава достигла до насъ...

— Ба! воскликнулъ третій, и увѣревъ, графиня, что испанское происхожденіе этой малютки много возвышаетъ ее въ вашихъ глазахъ... Графиня не отвѣчала, но черезъ нѣсколько дней, послѣ этого разговора, составила у себя родъ музыкальнаго раута большею частію изъ невѣрующихъ. Сообразно ея ожиданію, Марія удивила и очаровала всѣхъ и каждаго. На сценѣ она была неподражаема; но ея истинное торжество составляли импровизаціи въ небольшомъ кругу. Тамъ то, руководимая только своимъ изящнымъ вкусомъ, свободно предаваясь

вдохновенію, она являлась мощнымъ, воплощеннымъ гениемъ музыки. Какое богатство новыхъ мыслей развивала она въ своихъ импровизаціяхъ, какую прелесть, какую жизнь сообщала аріи, уже извѣстной, то припаявая ей тысячу вѣтвистыхъ, новыхъ отгѣнковъ, то убирая ее по произволу украшеніями, живыми, блестящими, измѣнчивыми, какъ цвѣты радуги... Въ теченіе немногихъ минутъ, она такъ увлекла, настроила своихъ слушателей, что они, казалось, не существовали уже на землѣ, а носились превыше облаковъ, въ самомъ небѣ.

Быстро разнеслась молва о появленіи новой, блистательной звѣзды на музыкальномъ горизонтѣ, и, января 28-го, 1828 г., Марія дебютировала на Большой Парижской Оперѣ, въ роли Семирамиды. То былъ важный день въ ея жизни. Вступая на сцену, она въ первый разъ оробѣла. Она чувствовала, что отъ этого представленія зависить вся ея будущая слава. Роль была не совсѣмъ по ея голосу; зала обширнѣе всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ до сихъ поръ ей случалось пѣть. Но страхъ ея былъ непродолжителенъ. При первыхъ звукахъ ея мощнаго голоса громъ рукоплесканій раздался въ театрѣ... Парижская публика, восхищенная ея юностью и наружностью, въ соединеніи съ такимъ огромнымъ дарованіемъ, ободрила ее съ восторгомъ.

Во французской оперѣ, гдѣ пѣвье было тогда ничто иное, какъ нѣкоторый родъ декламаціи, дарованіе Маріи не могло бы развиваться въ полномъ блескѣ. Потому, она заключила окончательное условіе съ дирекціею итальянскаго театра и дебютировала на немъ въ роли Дездемоны. Обширность голоса и разнообразіе дарованія давали ей способности являться во всѣхъ операхъ Россини и въ нѣкоторыхъ исполнять обѣ главные роли. Такъ въ «Семирамидѣ», она съ одинаковымъ совершенствомъ выполняла роль Арзаса и роль вавилонской королевы. Трогательная, выраженіемъ глубокой чувствительности и меланхоліи въ «Дездемонѣ», воплощенная рѣзвость и грація въ «Розинѣ», она въ роли «Ниветты», въ «Сорокъ-воровкѣ», ис-

торгала слезы у слушателей покорною и безутѣшною горестью, которая приближалась къ фатализму.

Присутствіе г-жи З... еще болѣе способствовало къ развитію таланта Малибранъ.

Всякій разъ, когда З... торжествовала, Марія простодушно плакала, повторяя: — Боже мой! за чѣмъ поеть она такъ хорошо!... И изъ этихъ слезъ рождались высокія красоты гармоніи.

Однажды, эти превосходныя артистки встрѣтились у гр. М°. Любители, которые давно уже страстно желали слышать ихъ вмѣстѣ, составили тайкомъ заговоръ упросить ихъ пропѣть дуэтъ изъ Тавкреда. Послѣ многихъ отговорокъ, онѣ согласились и подошли къ фортепьяно, при громкихъ восклицаніяхъ слушателей. Обѣ онѣ казались въ волненіи, въ замѣшательствѣ; обѣ наблюдали одна за другою.

Вотъ замолкъ ригурвель и заставилъ ихъ обратить вниманіе на музыку. Онѣ начинаютъ...

Восторгъ, возбужденный ихъ пѣніемъ, выразился съ такимъ жаромъ и такъ равно былъ между ними раздѣленъ, что въ концѣ дуэта, упоенныя рукоплесканіями, восхищенныя и вмѣстѣ удивленныя тѣмъ, что имъ нечего бояться другъ друга, онѣ обмѣнялись взглядами... Невольнымъ, непреодолимымъ влеченіемъ руки ихъ сблизились; ноцѣлуй дружбы былъ данъ и возвращенъ со всею пылкостью, со всею чистосердечіемъ юности. Долго присутствующіе не могли забыть этой прелестной и оригинальной сцены.

Марія имѣла неимовѣрные успѣхи въ «Черевентолѣ» и «Сорокъ-воровкѣ». Она была похитительна въ костюмѣ Черевентолы и выполняла роль самымъ вѣрнымъ и простодушнымъ образомъ. Ея опера эта обязана оцѣнкою прекраснаго дуэта въ темницѣ, которой совершенно было оставленъ, потому что никто его не понималъ. А въ этомъ-то именно дуэтѣ, такъ какъ исполнила его Марія, изображена велъ судьба бѣдной Нинеты; — ея жизни, кроткая и невпняная, обуреваемая печальными предчувствіями, — мученія жертвы, сила отчаянія, покорность невпности. Въ по-

слѣдствіи, этотъ дуэтъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ публикою. Когда Марія, пропѣвъ авланте съ пророческою трогательною меланхоліею, смѣло приступала къ аллегро, какъ будто вызывая на бой судьбу, — восторгъ слушателей доходилъ до изступленія.

Въ это время, Галевн сочинилъ нарочно для Маріи оперу «Клари». Въ ней двѣ сцены останутся навсегда блистательными памятниками ея славы и искусства. Въ сценѣ, когда Клари является въ первый разъ, въ пышномъ убранствѣ, во всемъ блескѣ роскоши и, между тѣмъ, выражаетъ свое раскаяніе, свои грустные воспоминанія о невинности, голосъ Маріи былъ такъ глубоко трогателенъ, что едва можно было выносить производимое имъ впечатлѣніе... Также была она прекрасна, когда Клари открываетъ, что любовникъ ее обманывалъ, и что онъ никогда не имѣлъ намѣренія на ней жениться. Благородная гордость наполняетъ ея душу и изливается въ самыхъ поразительныхъ звукахъ. Она рѣшается презрѣть, оставить недостойнаго и вотъ, ночью, надѣвъ снова скромную, бѣдную одежду поселянки, она хочетъ броситься изъ окна на улицу. Въ эту минуту, луна выходитъ изъ-за тучъ; лучъ ея падаетъ на портретъ ея любезнаго... Итѣтъ, передать удивительное выраженіе ся глазъ, ея положеніе, раздрающій звукъ ея голоса, когда она прощается съ нимъ навѣки — невозможно! Кромѣ своего божественнаго голоса, Марія обладала всеми достоинствами великой трагической актрисы. Игра ея была слѣдствіемъ собственныхъ впечатлѣній; она никому не подражала; не изучала, не видала даже ни одного замѣчательнаго артиста прежде, чѣмъ сама поступила на сцену. Ея учителемъ была одна природа; но, обладая превосходнымъ инстинктомъ изящнаго и истиннаго, она вполне поетингла и усвоила искусство проникать до глубины сердца.

Роль Дездемоны была также для нея поводомъ къ повому блистательному торжеству, источникомъ неоцѣнимыхъ наслажденій для любителей музыки. Въ этой роли, какъ будто нарочно для нея созданной, все вдохновенія ея были по-

вы и счастливы. Появляясь на сцену, въ ту мунуту, когда Отелло и Родриго готовы вытти на поединокъ, Марія не смотритъ на послѣдняго; она, кажется, совсемъ его не замѣчаетъ. Ея глаза, душа, всѣ способности сосредоточены на ея возлюбленномъ. Она не обнаруживаетъ ни горести, ни безпокойства, она видитъ только его славу, силу, мужество; не боится за него, считая его всемогущимъ, а только старается его успокоить. Но лишь только Отелло уходитъ, въра, которую она имѣла въ его непобѣдимую силу, которую почерпала въ его взоръ, исчезаетъ; ея горестъ и безпокойство неподражаемо высоки. Въ особенности, она была превосходна, когда, узнавъ, что Отелло живъ, въ восторгъ прибѣгаетъ на сцену и звуками высокими, блестящими, которые, кажется, вылетаютъ изъ глубины души, повторяетъ: *Vive! Vive!* (опъ живъ! опъ живъ!), приглашая слушателей разделить ее счастье.

Эту оперу Марія давала въ свой бенефисъ. Графиня, ея покровительница, занимала въ это представленіе ложу, въ порталѣ сцены такъ, что ни одно движеніе юной артистки, ни малѣйшее измѣненіе ея лица не могли отъ нея укрыться. Марія запѣла романсъ 3-го акта. Это было одно изъ мѣстъ, въ которыхъ ни прежде, ни послѣ ея, никто не могъ съ нею сравняться. Ея чувствительность, слезы, выраженіе скорби, разлитое во всемъ существѣ, все было неподдѣльно. Смотри на ея черпыс, прелестныя глаза, проникнутые страстью и горестью, на слезы, которыя тихо катились по блѣднымъ щекамъ, графиня, подобно большей части слушателей, — плакала вмѣстѣ съ нею; фибры сердца трепетали при каждомъ звукѣ ея голоса. По выходѣ изъ театра сказала она ей, какъ можешь ты такъ хорошо пѣть, проливая слезы? какимъ образомъ, истинное, глубокое умиленіе, которое выразается въ твоемъ голосѣ, не вредитъ силѣ и чистотѣ его звуковъ? «О, это не стоило мнѣ особеннаго изученія, отвѣчала простодушно Марія: — еще въ дѣтствѣ я часто плакала за урокомъ и смертельно боялась, чтобы папичка этого не замѣ-

тила; я становилась позади его и вчувствительно привыкла владѣть голосомъ въ то самое время, когда текли мои слезы.» Въ этотъ вечеръ, въ первый разъ, въики и букеты появились на итальянской сценѣ, въ Парижѣ. Марія любила страстно цвѣты. Графиня не могла удержаться отъ улыбки, видя, что Дездемона, въ то самое время, когда убитая мужемъ, она лежала безъ движенія, и изступленный Отелло готовился поразить себя и упасть въ свою очередь, — твердила ему только: — ради Бога, не сомните моихъ цвѣтовъ, не сомните цвѣтовъ!

II.

Таковы были блистательные успѣхи Маріи Малибравъ, съ первыхъ ея шаговъ на поприще сценической жизни, въ Парижѣ. Какъ легко они ей достались, знаютъ многіе! Одаренной отъ природы чуднымъ голосомъ и гениальными способностями, юностью и красотою, — какъ любимое дитя ея, — ей стоило только лвиться, разсыпая бриллиантовый трели своего соловьиного горлышка и вес, пораженное, ослѣвленное, очарованное, лежало у ногъ ея. Но не такъ то было въ самомъ дѣлѣ! — И гдѣ блистательная одежда славы не скрывала глубинныхъ ранъ, гдѣ въ лавровомъ вѣнкѣ гения не было терній, которые не разтерзали бы его благороднаго чела? Дорогою цѣною пролаетъ провидѣніе человѣку счастье и самую славу. Но напрасно, читая повесть униженій, страдавшаго, вынесенныхъ существомъ гениальнымъ, мы возмущаемся духомъ. Надо помнить, что судьба каждаго человѣка имѣетъ свои особенныя пружины, которыя ведутъ его къ назначенной цѣли и что если бы мы могли однимъ взглядомъ обнять всѣ эпохи, всѣ обстоятельства его жизни, то преклонились бы во прахъ передъ путями провидѣнія. Такъ было и въ судьбѣ Маріи. Вѣнки цвѣтовъ достались ей въ награду за тяжкіе труды; — гения ея, подобно алмазу, долго скрывался подъ крѣпкою корою. Прежде, нежели она сдѣлалась любимицею парижской публики, предметомъ обожанія для всѣхъ цѣните-

лей искусства, ей суждено было пролить много слезъ, перенести много лишений. Едва развернулася ея юность, судьба испытала уже ее бѣдствіями, которыя долго отравляли ея жизнь.

Марія родилась въ Парижѣ, въ 1808 г. Образователемъ ея былъ отецъ ея— Еммануилъ Гарсія, испанецъ, человекъ характера пылкаго, суроваго и непреклонной воли. Страстный къ музыкѣ, онъ оставилъ свое отечество и поѣхалъ въ Парижъ, а потомъ въ Италію. Тамъ онъ неумолимо стремился къ усовершенствованію себя въ искусствѣ и возвратился въ Парижъ великимъ актеромъ и пѣвцемъ. Тогда-то онъ вознамѣрился перелить свои дарованія и страсть къ музыкѣ въ юную душу дочери, и образоватъ изъ нея чудо,—хотя ничто въ ребенкѣ не оправдывало, казалось, его блистательныхъ надеждъ. Музыкальныя способности Маріи не вдругъ развернулись. Голосъ ея былъ слабъ; не развитый въ басъ, онъ не сходилъ до нижнихъ нотъ; средніе звуки его были глухи; верхніе грубы и рѣзки; сверхъ того, все заставляло предполагать, что у нея нѣтъ слуха. Часто случалось, что она такъ сильно брала ноту не въ тонъ, что учитель, въ отчаяніи, вскакивалъ изъ-за фортепьяно и убѣгалъ на другой конецъ дома. Тогда бѣдное дитя бѣжало въ слѣдъ за нимъ, хватала его за платье, умоляло снова начать. —Но слышала ли ты, что свальшивила? спрашивалъ ее отецъ.—О, да! папичька! —Слава Богу! въ такомъ случаѣ начнемъ снова. Теперь повяло, какихъ усилій стоило ей направить свой голосъ и сдѣлать его способнымъ издавать гармоническіе звуки. Она употребляла на изученіе музыки большую часть своего времени. Непреклонная строгость отца измѣнила въ ней, такъ сказать, самую природу.

Разъ какъ-то, въ присутствіи отца, Марія учила дуэтъ съ графинею М. Тогда ей не было еще 14 лѣтъ. Гарсія написалъ пассажъ и велѣлъ ей пропѣть его. Марія, послѣ нѣкоторыхъ усилій, теряетъ бодрость и говоритъ: *не могу*, папичька. Этого слова Гарсія не могъ слышать безъ гнѣва и презрѣнія. Арабская кровь андалузца въ немъ закипѣла; онъ уст-

ремилъ на дочь глаза, извергающіе молвіи: —Что ты сказала, несчастная! вскричалъ онъ. Марія трепещетъ, смотритъ на него и, сложа руки, поспѣшно говоритъ:—По-стараясь, папичька. И въ ту же минуту исполнила пассажъ безъ малѣйшей ошибки. Она говорила впоследствии, что сама не понимаетъ, какъ это ей удалось. —Взоръ батюшки, прибавляла она, имѣлъ всегда надо мною такое вліяніе, что онъ заставлялъ бы меня броситься изъ пятаго этажа. Такъ протекли первые 14 лѣтъ жизни Маріи. Благодаря превосходной методѣ и желѣзной волѣ отца, талантъ ея началъ развертываться. До этого времени, Гарсія, хранившій дочь свою, какъ скупой свое сокровище, разъ только позволилъ ей пѣть въ обществѣ, по случаю пріѣзда въ Парижъ Россіян.

Голосъ ея, уже мощный, былъ еще грубъ и глухъ въ нѣкоторыхъ частяхъ; но искусство начинало уже побуждать природу и все предвѣщало въ маленькой дѣвчонкѣ зародышъ будущаго генія. Вскорѣ, отецъ ея поѣхалъ со вѣстмъ семействомъ въ Англію. Тамъ, въ первый разъ, Марія дебютировала на королевскомъ театрѣ и то въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ оперъ. Ея появленіе на сцену было ознаменовано забавнымъ приключеніемъ, доказывающимъ благородное честолюбіе, которое уже кипѣло въ душѣ дѣвочки. Она должна была пѣть съ Велутти дуэтъ изъ Ромео и Джульетты. На репетиціяхъ, опытный теноръ пѣлъ оныя простыя ноты, сберегая фіоритуры для публики, изъ опасенія, чтобы Марія не вздумала ихъ переменить. При появленіи на сцену, Велутти первый пропѣлъ свое соло, со вѣстми возможными украшеніями и заключилъ смѣлою и блестящею выходкою. Громкія рукоплесканія публики были ему отвѣтомъ. Восхищенный своимъ торжествомъ, теноръ бросилъ на Марію взоръ гордости и сожалѣнія. Но вдругъ, она пускается по его слѣдамъ, овладѣваетъ его украшеніями, сообщая имъ новую форму и довершаетъ свой подвигъ смѣлою, великолѣпною импровизаціею, которая покрылась продолжительными рукоплесканіями. Среди сладостнаго смущенія отъ такого приема, она почувство-

вала, что кто-то словно желѣзными клещами сжималъ ея руку... слово: *brissop!* съ гнѣвомъ произнесеноея товарищемъ, раздалось надъ ея ухомъ. Это была для нея первая капля горечи, которая отравляетъ каждую славу. Эта черта въ дѣвушкѣ, которой еще не исполнилось 16 лѣтъ, и которая въ первый разъ пѣла на сценѣ, единственный примѣръ въ летописяхъ музыкальнаго міра.

Гарсіа не долго пробылъ въ Англіи. Въ скоромъ времени онъ заключилъ условіе съ содержателемъ Нью-Йоркскаго театра и отправился въ Америку. Тамъ Марія играла съ большимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ операхъ Россіи, въ особенности, въ «Отелло.» Труппа, исключая семейство Гарсіа, состояла изъ самыхъ плохихъ артистовъ; совсѣмъ тѣмъ, опера шла хорошо. Вдругъ г. Малибранъ, французскій негоцантъ, поселившійся въ Нью-Йоркѣ, сталъ искать руки Маріи. Ему было 50 лѣтъ, ей 17. Отецъ ея отказалъ ему. Но, Маріи, къ ея неопытной юности, казались тягостными и жизнь артистки, и зависимость отъ родителей. Она не знала еще, что если небо оларило насъ душею артиста, то не въ нашей власти измѣнить себя; она не знала, что самое суровое отцовское иго все еще самое сносное, самое кроткое изъ всѣхъ, что, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся въ жизни, каждый изъ насъ бросаетъ взоръ любви и сожалѣнія на родительскую кровлю!..

Г. Малибранъ дѣлалъ семейству Маріи блистательныя предложенія. Долго Гарсіа несоглашался на этотъ бракъ; каждый день былъ свидѣтелемъ тягостныхъ сценъ въ семействѣ. Наконецъ онъ долженъ былъ уступить. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ брака, Малибранъ обанкрутился.

Не владея болѣе собою, боясь въ порывѣ гнѣва рѣшиться на какойнибудь насильственный поступокъ противъ зятя, Гарсіа поспѣшно уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Мексику. Марія, которая съ минуты замужства ласкала себя самыми пріятными мечтами, вдругъ пробудилась одинокою, въ чужой землѣ, женою человѣка, которому ея дарованіе оставалось единственнымъ пособіемъ. Но

тутъ-то проявилась вся сила ея души,—души, въ высокой степени способной ко всему прекрасному. На мѣсто италіянскій труппы, разстроенной отъѣздомъ ея семейства, она успѣла составить новую; образовала репертуаръ англійской музыки и леплась на національномъ театрѣ. Сколько дѣятельности, терпѣнія, благоразумія потребно было, чтобы преодолѣть всѣ затрудненія, научиться пѣть актеровъ, которые почти не умѣли пѣть. Но благородная женщина, которая видѣла только несчастье въ банкротствѣ мужа, достигла своей цѣли. Каждый вечеръ директоръ доставлялъ значительную сумму въ кассу г. Малибранъ. Не смотря на это, важныя причины побудили его отправить жену свою въ Европу.

Марія, оставивъ Парижъ въ самой ранней юности, не имѣла тамъ никакихъ связей. Она должна была пріютиться у незнакомой ей сестры Малибрана; но вскорѣ, оскорбленная тягостнымъ надзоромъ надъ ея поступками и имѣніемъ, перѣехала къ г-жѣ Нальди, давнишней пріятельницѣ ея семейства. Не зная чѣмъ пріобрѣсть себя извѣстность, она вспомнила участіе, оказанное ей еще въ дѣтствѣ г-жею Мер", и рѣшилась прибѣгнуть къ ея покровительству. Извѣстно уже, какое счастливое вліяніе имѣла эта рѣшимость на судьбу юной Малибранъ.

III.

Мы видѣли юную артистку, увѣнчанную, осыпанную рукоплесканіями, которая пронесла ея имя изъ одного края Европы въ другой; теперь последуемъ за нею въ ея частную жизнь, въ живописныя и цвѣтущія мѣста, среди которыхъ лежитъ замокъ Г., принадлежащій графинѣ Спаря. Тамъ Марія забывала свои вѣнки и лавры и своенравно предавалась удовольствіямъ сельской жизни. Съ шести часовъ утра, ее можно было встрѣтить въ окрестностяхъ замка, въ мужскомъ платьѣ, въ блузѣ, въ фуларовомъ платкѣ, небрежно повязанномъ на шеѣ, въ шапочкѣ, на черныхъ кудряхъ и съ

ружьемъ на плечъ. Она не рѣдко ходила на охоту, ѣздила, выбирая самую неукротимую лошадь, или рѣзвая, неутомимая какъ серва, бѣгала по полямъ и холмамъ; перепрыгивала черезъ рвы, съ опасностію сломать себѣ шею, перезжала въ бродъ рѣки, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и возвращалась тогда уже, когда ея друзья начинали объ ней беспокоиться.

Въ остальное время дня, она прыгала черезъ веревочку, играла въ разныя игры, или предпринимала продолжительныя прогулки пѣшкомъ.

Но не должно думать, чтобы дѣятельность ея ограничивалась одними физическими упражненіями. Марія имѣла необыкновенныя способности и обладала всеми талантами. Она очень хорошо играла на фортепьяно. Не учившись рисовать, она снимала очень схожіе портреты и дѣлала самыя забавныя каррикатуры. Она была искусна во всѣхъ женскихъ работахъ. Случалось ли ей видѣть новое шитье, чепчикъ, вязанье, новый дѣттокъ, она тотчасъ принималась за дѣло—и подражаніе часто превосходило образецъ. Ея театральныя костюмы, уборки, все было выдуманно или сдѣлано ею самою. Она писала и говорила, въ совершенствѣ, на четырехъ или пяти языкахъ.

Марія представляла соединеніе противоположностей самыхъ странныхъ и вмѣстѣ самыхъ очаровательныхъ. Съ умомъ быстрымъ она соединяла неопытность и легковѣріе; съ возвышенностію души въ ней встрѣчалась вспыльчивость; съ самолюбіемъ—дѣтское простодушіе; множество привычекъ, оригинальныхъ, неожиданныхъ мнѣній, — необходимое слѣдствіе кочевой жизни съ самой ранней юности,—поражали въ ней съ перваго взгляда. Въ каждой странѣ, отъ всѣхъ лицъ, столь различныхъ состояніемъ и образованностію, она что нибудь заимствовала и всему ея пылкое, оригинальное воображеніе умѣло придать непреодолимую прелесть. Но всѣ эти отбѣжки исчезали предъ ея добрымъ, превосходнымъ сердцемъ, предъ ея готовностію всегда спѣшить на помощь страждущимъ.

Слѣдующій небольшой рассказъ показываетъ благотворительность Маріи, и вы-

стѣ высокую способность ея къ комическимъ представленіямъ.

Въ числѣ особъ, жившихъ въ замкѣ графини Спари, былъ докторъ Д., добрый, простодушный старикокъ, котораго важное спокойствіе дѣлало самую рѣзкую противоположность съ дѣтскою, необузданною веселостію Маріи. Однажды, она нарядилась въ платье крестьянки; надѣла остроконечный чепчикъ съ длинными барбами, золотой крестикъ и башмаки съ пряжками.

Она придала своему лицу смуглый отбѣнокъ, посредствомъ какого-то состава, набила щеки хлопками, чтобы онѣ казались круглые. Являсь къ доктору, она говоритъ ему, подражая превосходно простонародному нарѣчію: «Матушка хвораетъ, сударь, вчера повихнула руку... А мнѣ сказали, что ты такой ученый, не дашь ли какого свадобья?.. Мы люди бѣдныя.»

Доктору стало очень жаль милостивой поселянки. Онѣ даетъ ей травъ, денегъ. Марія ухолити.

Нѣсколько разъ, она повторяла свои посѣщенія и наконецъ сдѣлала ему полное объясненіе въ любви. Докторъ смѣялся надъ нею съ своими друзьями и не рѣдко въ присутствіи самой Маріи. Наконецъ въ одинъ день, дѣвушка стала смѣлѣе. Принявъ самый неловкій и вѣжливый виль, она попросила его пройтись съ нею по саду. Докторъ подалъ ей руку; но оборотясь къ присутствующимъ, пожалъ плечами и примолвилъ: — Вотъ лестная побѣда!

Лишь только онѣ выговорилъ эти слова, какъ почувствовалъ на своей щекѣ милешкую ручку крестьянки.

— А, скажи, невѣжливый и надменный рыцарь, гдѣ ты найдешь любезную, прекрасную, достойнѣе меня? сказала ему Марія своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

Бѣдливый докторъ не зная, что дѣлать отъ смущенія; между тѣмъ, всѣ присутствующіе хохотали отъ души и осыпали Марію привѣтствіями за совершенство, съ какимъ она сыграла свою роль. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, она узнала, что сестра доктора совершенно разорилась: пожаръ истребилъ ея послѣднюю собственность, домикъ, въ

которомъ она жила. Г. Д. самъ былъ бѣденъ и не зная, какъ помочь сестрѣ, нахотился въ чрезвычайномъ затрудненіи. Однако же онъ приготовился къ отъезду, чтобы на мѣстѣ, по возможности, пособить ей совѣтами и деньгами.

Вдругъ ему привносятъ письмо отъ Мера селенія, гдѣ жила его сестра. Меръ уведомилъ доктора, что получилъ присланныя на его имя деньги, и сочтетъ долгомъ сообразоваться съ его приказаніями на счетъ перестройки дома.

Ни Д., ни сестра его не знали до самой смерти Маріи, кому они были обязаны этимъ пособіемъ.

IV.

Эпоха, вступленіи Малибранъ на парижскій италянскій театръ, можетъ почтеться счастливейшимъ временемъ ея жизни; то была жизнь, которую мы любимъ представлять себѣ удѣломъ артиста: — поэтическая, свободная, беззаботная, подпая славы и чистыхъ восторговъ. Слава ея достигла въ это время высочайшей степени. Марія была предметомъ вѣжливѣйшей привязанности друзей, уваженія всѣхъ, кто зналъ ее, потому что ко всемъ другимъ достоинствамъ, она присоединяла еще одно, которому ея юность, положеніе въ отношеніи къ мужу, красота, восторгъ, внушаемый ею парижскому обществу, придавали двойную цѣну: ея поведеніе было безукоризненно. Пылкое воображеніе, живой и веселый характеръ дѣлали ее способною находить въ жизни тысячу наслажденій, недоступныхъ другимъ; душа ея, полная любовью къ искусству, казалось, ничего болѣе не желала. Наступило время, когда въ этой пламенной душѣ развернулось чувство, которое должно было рѣшить всю судьбу существа, полюбившаго Маріи. Выборъ ея былъ согласенъ съ ея наклонностями и доказываетъ чистый и возвышенный образъ мыслей, который она умѣла сохранить среди всѣхъ обольщеній свѣта. Берію, бельгійскій уроженецъ и отличный артистъ, провелъ въ Парижѣ зиму. Марія встрѣчала его въ концертахъ и удивлялась его дарованію, со-

всею пылкостью своего воображенія; между тѣмъ, она знала о несчастной привязанности его къ дѣвицѣ З.

Несчастіе — хорошее средство привлечь сердце женщины страстной и вѣжвой. Марія, сожалѣя о Берію, полюбила его всею душою, сама того не замѣчая. Однажды вечеромъ, блестящее общество собралось въ замкѣ Ш., въ окрестностяхъ Брикели. Берію игралъ концертъ своего сочиненія. Лишь только онъ кончилъ и рукоплескавіи наполнили залу, Марія подошла къ нему, блѣдая, со слезами на глазахъ. Взявъ его за руку, дрожа отъ волненія, она сказала ему, съ неизъяснимымъ выраженіемъ:

— О, какъ я счастлива вашими успѣхами!

— Благодарю, благодарю васъ, отвѣчалъ Берію, слушая въ то же время поздравленія окружающихъ его: — я горжусь вашими похвалами!

— О, Боже мой! да это совсѣмъ не то! Развѣ вы не видите, что я васъ люблю!

Смущенный, восхищенный чувствомъ столь искреннимъ и такъ простою выраженнымъ, Берію не зная, слышитъ ли онъ это во снѣ, или, можетъ быть, Марія, увлеченная минутными восторгамъ, произнесла необдуманная слова...

Съ этой минуты, между двумя артистами возникла ижкльшая, сердечная связь. По пріездѣ изъ Англии, Марія разсталась съ госпожою Нальи, которая возставала противъ ея склонности къ Берію, и поселилась одна въ небольшомъ домику въ Прованской улицѣ. Въ эту зиму, въ парижской италянскій оперѣ, къ превосходнымъ талантамъ Маріи Малибранъ и Генриетты З. присоединилась еще г-жа Пиццарови. Успѣхи этой артистки, скажемъ мимоходомъ, дѣлаютъ честь и ея искусству и просвѣщенной публикѣ, которая забывала ея безобразіе изъ уваженія къ ея таланту. Берію не замедлилъ пріѣхать въ Парижъ. Дважды, въ минуту доверчиваго увлеченія, онъ предложилъ Маріи ѣхать вмѣстѣ въ Р. гдѣ его ожидали. Это предложеніе, очень выгодное и натураль-

ное въ отношеніи къ искусству, оскорбило дѣжное чувство Маріи. Между друзьями послѣдовала кратковременная размолвка. На другой-день послѣ примиренія, Беріо, узнавъ, что Маріи желала учиться на арфѣ, прислалъ ей прелестнѣйшую, какую только могъ найти. Тронутая его внимательностію, она ревностно стала играть на этомъ инструментѣ; однако же вскорѣ оставила его, боясь повредить своему голосу.

Свѣтслъ, блистательнъ былъ въ эту эпоху чистый горизонтъ ея жизни, озаренный лучезарнымъ солнцемъ ея славы и другимъ, не столь блистательнымъ, но еще болѣе благотворнымъ — солнцемъ любви. Онъ только изрѣдка помрачалъ маленькими размолвками съ Беріо, и педисловыми ссорами съ дирекціей. Но сестъ ли человекъ, которому счастье постоянно улыбалось? Чѣмъ онъ пресоходилъ, чѣмъ щедрѣе одарила его природа, тѣмъ скорѣе онъ долженъ готовить себя къ продолжительнымъ испытаніямъ... Между тѣмъ какъ Маріа, озаренная славою, согрѣтая любовью, забывала въ упоеніи этого двойного блаженства труды и слезы своего суроваго дѣтства, бѣдность и разрушенныя надежды юности, — судьба, которая, казалась, заключила дружескій союзъ съ любимницею искусствъ, втайнѣ готовила ей новыя и жестокия испытанія.

V.

Разъ, вечеромъ, возвратясь домой, послѣ представленія, упоенная рукоплесканіями, ароматомъ цвѣттовъ, — которыми публика осыпала юнаго, очаровательнаго Ромео, — упоенная взорами возлюбленнаго, свидѣтеля ея торжества, Маріа получила ужасное для нея извѣстіе: г. Малибравъ возвратился изъ Америки. Теперь только она цоила всѣ послѣдствія равнаго и неблагоразумнаго союза, заключеннаго ею въ молодости. Въ невыразимомъ безпокойствѣ и страхѣ, Маріа проплакала всю ночь. Тщетно она изыскивала средства избѣгнуть судьбы, которая ей готовилась... Варугъ мысль о разводѣ поразила ее. Лишь только разсвѣло, Маріа отиравилась къ одному изъ

своихъ друзей, умоляя его свезти ее съ опытнымъ адвокатомъ.

Должно ли обвинять ее?

Союзъ съ человекомъ, столь неравнымъ ей по лѣтамъ, представлялъ ей то сихъ поръ только одинъ, тигостный воспоминаній; былъ для неѣ причиною пожертвоваши и двойныхъ трудовъ. Въмѣсто того, чтобъ наслаждаться независимостію, въ которой онъ ее обилежалъ, она, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, уплачивая его долги, сама успѣла составить себѣ самый ничтожный капиталъ. Въ то время, знаменитый Лафайетъ входилъ въ Парижъ. Зная его вліаніе въ Америкѣ, Маріа написала къ нему письмо, проси его заступленія у судей, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе ея участи. Лафайетъ посетилъ ее. Онъ сталъ ея другомъ, и, оказывая ей отеческую привязанность, часто называлъ своею дочерью. Случалось, что этотъ знаменитый воинъ, прекрасный и въ старости, устремивъ на неѣ глаза, которые горѣли юношескимъ жаромъ, говорилъ ей: «Маріа! знаешь ли, что ты моя послѣвая любовь...» Тѣ, которые пользовались короткимъ знакомствомъ съ Маріей, легко поймутъ, что она могла очаровать Лафайета прелестію и оригинальностію своего ума. Къ тому же она была такъ весела, такъ кротка и покорна совѣтамъ тѣхъ, кому довѣрилась, что невольню заставляла любить себя, какъ прелестное личъ.

Чтобы лучше вознакомиться съ этимъ существомъ, замѣчательнымъ въ столь многихъ отношеніяхъ, послышаемъ, какъ Маріа выражается изъ письма, которыми писала она изъ Англии, куда отправилась весною во второй разъ.

Письмо I.

Мой добрый, мой лучший другъ! Я хотѣла писать къ вамъ не прежде, какъ буду въ состояніи сообщить вамъ что нибудь замѣчательное; но принимаюсь за перо и пишу такъ, безъ всякой цѣли, кромѣ, однакожъ, мысли, что мое маранье заставитъ насъ затрепетать отъ радости и нѣсколько дней сдѣлаетъ васъ счастливымъ... Я говорю это потому, что сужу о другихъ по самой себѣ.

Я хочу говорить о дебютѣ г-жи Лавандъ, моей соперницы. — Вотъ, я въ театрѣ съ Леди Флауъ, ея дочерью и мужемъ. Лорнетка моя устремлена на кенкеты сцены; и не шевелюсь, въ ожиданіи, когда появится на сцену Донцелли въ роли Пирата... увертюра... гм!.. такъ и сякъ. Ее слушаютъ довольно равнодушно. Зававъсъ поднимается. Декорація прехорошецкая. Начинаютъ аплодировать увертюру. Хорошій декораторъ—самый необходимый артистъ для успѣха увертюры. Является Пиратъ... арія, которую оувъ, отчасти, провъль, отчасти проревъль — возбуждаетъ незаслуженныя рукоплесканія. Оувъ благодарить, дъмал тридцать шесть тысячъ поклоновъ... даже за кулисами. Арія недурна; въ ней видна оригинальность. Перемъна декорациі. *Voyons la belle Italie*, говоритъ, наконецъ мое маленькое я, которое начинало терять терпѣніе. Вообразите женщину лѣтъ подь сорокъ, блъкоурюю, съ лицомъ подешницы; ни пріятнаго выраженія, ни хорошей талии,—причесанную не къ лицу, одѣтую еще хуже. Начинается речитивомъ. Голосъ ея дрожитъ такъ сильно, что я не могу разобратъ: пріятенъ оувъ, непріятенъ, или что другое. Чтобы судить объ этомъ, жду терпѣливо кавативы. Начинается каватипа.

Жалю отъ души несчастную, которая не можетъ собраться съ духомъ. Она оканчиваетъ арію, которая очень мила и которую она поетъ все съ тѣмъ же проклятымъ, своевольнымъ протягиваніемъ. Ее ободряютъ, осыпаютъ рукоплесканіями. Тысячи поклоновъ, употребительныхъ только въ Лондонѣ, о пользѣ которыхъ ее предупредили, доставляютъ ей еще вѣсколько ошутительныхъ рукоплесканій. Начинается извѣстный вамъ восхитительный дуэтъ. Она поетъ его холодно и не перестаетъ дрожать. Наконецъ, чтобы не томить васъ долге, она кончаетъ оперу, какъ ее начала. Однакожъ ее вызвали. Ее осыпали сдиводушными рукоплесканіями, всѣ,—а говорили очень великодушно, что она нигуда негодится.

29 апрѣля, 1830 г.

Нечего дѣлать, я рѣшилась дебюти-

ровать, неоткладывая. Бѣдный Лапортъ въ плохихъ обстоятельствахъ. Маленькій успѣхъ г-жи Л. подръзалъ его еще болге. Онъ ждетъ меня какъ мать; надюсь, что я вытащу его изъ пропасти, въ которой оувъ. Я почти занемогла отъ страха... иду завтракать... по пріѣздѣ изъ оперы увѣдомлю васъ обо всемъ.

30 апрѣля, 1830 г.

Слава Богу! гора съ плечъ долой. Я дебютерovala вчера въ *Ченерентоль*, и произвела то, что называется въ Англіи страшнымъ восторгомъ, *figoге*; говорю въ Англіи, потому что въ Парижѣ я сочала бы мой успѣхъ за неудачу (*). Находятъ, что голосъ мой сильнѣе, нежели въ прошедшій голъ. Восхищались моимъ личикомъ, что для меня все равно; я повторяю это, потому что не хочу отъ васъ ничего скрывать. Говорятъ, что я кажусь здорова и съ большими средствами, что я справедливо. Я только изъ снисходительности согласилась дебютировать въ четвергъ. Въ этотъ день, никто не ходитъ въ оперу—и какъ удивились, что театръ былъ половъ!.. Это значить, что всѣ собрались именно для меня, видно и вошла въ большую моду.

Повторять ли вамъ, что ваша дружба замъняетъ мнѣ все въ мірѣ? Вы это знаете лучше меня. Вамъ одолжена я не многимъ счастіемъ, которымъ пользуюсь теперь и которымъ пользовалась въ Парижѣ. О, вы такъ добры! У меня есть кольцо—совершенная эмблема нашей дружбы. Это узелъ, который невозможно развязать. Чѣмъ болге его тянутъ, тѣмъ оувъ крѣпче завизывается. Не права ли, что это истинное подобіе совершеннѣйшей, постоянной любви, самой чистѣйшей дружбы. Мнѣ кажется, что я встрѣчу васъ непременно въ томъ мірѣ и буду любить, какъ теперь. Если такъ, то какъ прекрасна вѣчность! Однако и въ нашемъ несчастномъ, тлѣнномъ мірѣ есть вещи, которая длятся цѣлою вѣчностью (*).

Вы одни можете заставить полнять го-

(*) Она судила однако же иначе, когда дѣло шло о г-жѣ Л. Между тѣмъ, ея успѣхъ былъ безъ сравненія блистательнѣе.

(*) Она говорить о своемъ разводѣ.

лову этотъ бѣдный, повиный къ землѣ цвѣтокъ. Вы одни вашимъ умомъ можете оживить его, возвратить ему прежнюю силу и свѣжесть. Этотъ цвѣтокъ — мысль моя, которая никогда васъ не покидаетъ. Да, она вся вамъ принадлежитъ, потому что вы добры, умете утѣшить несчастныхъ, даете имъ отеческіе совѣты, бываете ихъ братомъ... Простите, отецъ, мать, братъ, сестра, все, все...

1-е мая. Цѣлый день не могла приняться за перо. Теперь меня ждетъ карета ѣхать въ театръ. Если и опоздаю, то потеряю и се и мой башмачекъ. Кучеръ мой обратится въ крысу, лакей въ бѣлку, лошади въ пару прекрасныхъ мышенокъ.

Буду продолжать вечерами.

Я сейчасъ изъ театра, мой добрый, сердечный другъ. Еще во все лѣто онъ не былъ такъ полонъ. Должно было многимъ отказать. Я была лучше, нежели въ четвергъ. Мои товарищи отъ меня въ восхищеніи, и кажется, очень меня полюбили. По окончаніи спектакля, они приходили меня поздравлять и уходя, говорили между собою: «Вотъ истинная артистка! что за дарованіе!» Все это меня очень позабавило.

—
Это письмо драгоценный памятникъ жизни Маріи. Она все въ немъ выказываетъ. Какое сочетаніе меланхоли и веселости! Какъ она возвышается до самыхъ высокихъ мыслей и вдругъ быстрымъ переходомъ упадаетъ на смѣшное. Какой безпорядокъ и вмѣстѣ какое богатство воображенія! Но въ особенности, какая ловѣрчивая свобода! какая простодушная откровенность! какъ она вѣритъ дружбѣ, своимъ успѣхамъ и даже привѣтствію *актеровъ!*

Иногда Марія была очень остроумна въ своихъ описаніяхъ. Объ этомъ можно заключить по лукавству и оригинальности слѣдующаго письма.

«Завтра я обѣдаю у г-жи Хх. — Странная женщина! прекрасный пріемъ особѣ, которая является къ ней съ рекомендательнымъ письмомъ ея дочери! что за странность торгаться съ артисткой и принуждать ее предложить свои услуги лардмъ!.. Эта смѣшная особа удостоиваетъ еще приглашеніемъ къ обѣду!

Знаете, какое дѣйствіе производитъ на устрицу молоко?.. Она распускается въ немъ. Право, и едва не испытала участи несчастной устрицы, когда вошла въ столовую леди... Я совѣтъ растала въ молоко отвратительной *владѣтельницы* замка. Она сохраняла свой строгій видъ, свое холодное пренебреженіе... Завтра я съ такимъ же трепетомъ думаю предстать прелъ нее... Мнѣ кажется, что я вижу васъ, и сама все вамъ разсказываю. За чѣмъ это только *кажется*.

4 мая. Я не побѣжала обѣдать къ г-жѣ **, такъ она меня напугала. Я послала къ ней извиниться; потомъ, была у ней вечеромъ и не много пѣла. Оттуда, я побѣжала къ герцогинѣ **; г-жа Даламъ также была тамъ. Но я одна занимала общество, за то мнѣ и принадлежить весь его восторгъ. Чтобы *видѣть* меня, становились на стулья. Герцогъ Веллингтонъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, и потрясъ такъ сильно, что чуть си не вывихнулъ. Онъ былъ любезенъ, какъ цѣльза болѣе. Дамы осыпали меня приглашеніями, просили моего адреса, чтобы пріѣхать ко мнѣ. Однимъ словомъ, если бы вы могли видѣть, какъ обходится съ вашей *доцкою*, съ вашимъ избалованнымъ ребенкомъ, то улынулись бы отъ удовольствія. Простите, пишу на репетицію. Въ среду, послѣ концерта, и ѣду въ Батъ. Пріѣзжаю туда въ четвергъ, въ девять часовъ утра; въ часть, пою двѣ пѣсы; ѣду въ Бристоль, играю третій актъ *Отелло* съ Доцелли; зарабатываю сто двадцать гиней, и на другой день возвращаюсь въ Лондонъ, чтобы принятъ за то же. Не дурию, не правда ли?

—
Совершенно поглощенная занятіями и успѣхами, Марія не могла однакожъ заглушить голоса сердца, который тайно, ежеминутно возбуждалъ въ ней сожалѣнія и пѣжвыя воспоминанія... Она считала себя недовольно любимой; но сама любила страстно.

Вѣтъ, что писала она къ другу, который прислалъ ей письмо, Верю; она не получала отъ него никакихъ извѣстій со времени ихъ послѣдней ссоры.

1832, мая. «Я получила письмо

ваше, со вложеніемъ другого... Мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было прибѣгать къ извиненіямъ, которыя всегда предполагаютъ вину; между тѣмъ, какъ *извѣстная особа* сама считаетъ себя въ правѣ жаловаться...

Читая это письмо (такова слабость нашей природы) *та*, къ которой оно писано, не смотря на свое справедливое неудовольствіе, плакала, какъ дитя. Она думала, что увлеклась слишкомъ далеко своею обыкновенною живостію; что, быть можетъ, не хорошо *ею* повяла. И мало ли еще какія глупости! Цѣлую ночь она не смыкала глазъ... И на другой день, можно было судить по ея лицу, какъ работала ночью *ея* сумазбродная голова. Это повяло! Вы сами видите, какія выраженія, какой жаръ, какой восторгъ! Однако же, есть вещи, которыя время только можетъ изгладить изъ памяти... Перестанемъ говорить объ этомъ... Я начинаю замѣчать, что принимаю въ этомъ дѣлѣ больше участія, чѣмъ слѣдуетъ... Вечеромъ играю третій актъ Ромео и Джульетты.»

Черезъ нѣсколько дней Берію пріѣхалъ въ Лондонъ; они примирились и возвратились въ Парижъ, гдѣ Марія условилась пѣть по 1,175 франковъ за представленіе. Въ это время, не давали новыхъ оперъ; но чтобъ сдѣлать разнообразіе удовольствіе публики, Марія и г-жа З*** играли вмѣстѣ. Такимъ образомъ, Семирамида, Танкредъ и Донъ-Жуанъ, доставляли парижскимъ жителямъ музыкальныя наслажденія, которыя трудно, невозможно возобновить.

Въ это время, Марія была въ безпрерывномъ спорѣ съ дирекціею, которая каждую минуту страшилась за ея здоровье. Послѣ трудныхъ ея занятій она безпрестанно проводила ночи безъ сна, предаваясь со всею горячностію своего воображенія удовольствіямъ свѣта. Она пренебрегала своимъ здоровьемъ столько же, сколько другіе артисты прилагаютъ старанія о его сохраненіи. Такъ, однажды, проведя ночь на балѣ, наканунѣ дня, когда ей слѣдовало играть, она встала въ полдень, не зав-

тракая, съѣла на лошадь и возвратилась домой не прежде шести часовъ. Тотчасъ послѣ обѣда, ей должно было отправиться въ театръ. Взволнованная, утомленная движеніемъ, — послѣ обѣда — на скорую руку, она одѣвается въ костюмъ Арзаса, — и что же? — бѣдный Арзасъ, въ ту самую минуту, какъ ему должно выходить на сцену, съ прекраснымъ шлемомъ на кудряхъ, — упалъ въ обморокъ... Марію отнести въ ложу, осыпаютъ попеченіями. Бѣдный директоръ не знаетъ, что ему дѣлать. Больной предлагаютъ двадцать пузырьковъ съ духами и спиртами. Къ несчастію, въ числѣ лекарствъ, находилась микстура изъ алкали и масла, которую Марія натиралась, когда у ней болѣло горло. Одинъ изъ услужливыхъ молодыхъ людей, въ припадкѣ неосторожнаго усердія, поднесъ къ губамъ Маріи эту стѣянку. Черезъ минуту губы ея покрываются огромными пузырями... Что дѣлать?... Явиться на сцену невозможно... Отмѣнить спектакль — слишкомъ поздно. «Постойте, говоритъ Марія, которая между тѣмъ пришла въ чувство... Я знаю, какъ помочь горю... Взявъ ножницы, она ставится передъ зеркаломъ и проворно разрѣзываетъ кожу, которая поднялась на губахъ. Легко довать, какую боль она должна была вытерпѣть. Но Марія играла роль Арзаса съ Семирамидою (З***) и превосходно выполнила свою партію. Здѣсь кетати упомянуть о ложномъ и оскорбительномъ слухѣ, который нѣкоторое время носился о Маріи; говорили, что она употребляетъ вредныя напитки: это вздоръ. Случалось, что изнемогая подъ бременемъ горести, или трудовъ, чтобы возбудить свое нежное и нервическое сложеніе, она выпивала рюмку мадеры; но въ такія минуты, она приняла бы безъ остановки всякое лекарство, какъ бы оно противно не было.

Въ это время, Гарсія условился на нѣсколько представленій на итальянскомъ театрѣ въ Парижѣ, къ великому огорченію Маріи, которая боялась, чтобы отецъ ея не помрачилъ, при концѣ своей жизни, своей извѣстности. Однако же она ошиб-

лась. Никогда еще, может быть, отъ нее маркизомъ, отъ понявъ причину ея не показалъ себя столь великимъ артистомъ, какъ тутъ.

Послѣ дѣта, провеленнаго Маріею въ Англии, опасное состояніе ея здоровья принудило ее внезапно уѣхать въ Бриссель, о чемъ она извѣстила дирекцію. Можно себѣ представить ужасъ директора. Это было все равно, что закрыть театръ. Онъ рѣшился отправить къ Маріи г. В', зная дружбу, которая его съ нею соединяла.

В' напелъ Марію въ твердой рѣшимости остаться въ Бриссели, чтобы изъ тою ни воспользовался. Но когда онъ представилъ послѣдствія ея поступка для публики и директора, Марія встала съ своего мѣста. — Вы правы, сказала она: я объ этомъ и не подумала.. и была такъ несчастна! — На другой день, она уже была въ Парижѣ.

Но лишь только они снова принялись за исполненіе своей обязанности, частые болѣзненные припадки возбудили къ ней не расположеніе публики. Не рѣдко, вечеромъ, увѣдомляли о перемѣнѣ спектакля, за болѣзнію г-жи Малибранъ, а на другой день выдали ее здоровою. Это приписывали капризамъ и всѣ стали ее порицать. Между тѣмъ, отъ безпрестанной болѣзни и страданій, которыя она испытывала, отъ недоброжелательства, которому должна была подвергаться — нравъ Маріи измѣнился. Она стала печальна, задумчива, раздражительна. Однажды, въ представленіе Семирамиды, лишь только она пропѣла первую каваттипу, какъ почувствовала себя нездоровою и заперлась въ своей ложѣ, сказавъ, что не въ состояніи продолжать партіи. Напрасно директоръ умолялъ ее отпереть дверь и выслушать его. Между тѣмъ, публика теряла терпѣніе, роптала, топала ногами. Въ отчаяніи, директоръ увидѣвъ въ ложѣ одного изъ лучшихъ друзей Маріи — Маркиза де М... умолялъ его прійти къ нему на помощь. Г. де М... сошелъ и постучался у дверей ея ложи, сказавъ свое имя. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, ему отворили дверь и тотчасъ за нимъ заперли.

Марія лежала полураздѣтая, на диванѣ. При первомъ взглядѣ, брошенномъ на

нее маркизомъ, отъ понявъ причину ея припадковъ. Марія, угадавъ его мысль, залилась слезами, бросилась на полъ и вскричала: «Я погибла; отъ уже презираетъ меня, скоро и всѣ будутъ меня презирать.. О! я несчастнѣйшая изъ женщинъ! и любила добродѣтель, любила чистоту души!...» И она сильно билась головою о диванъ. Тривутый и вмѣстѣ приведенный въ замѣшательство, маркизъ старался ее утѣшить и выслушать ея признаніе съ снисходительностію друга.

Облегчивъ свое сердце и уступая его прозьбамъ, Марія снова одѣлась и кончила свою роль. Но съ этой минуты душа ея была исполнена горести. Всѣ несчастія, всѣ страданія, которыя давно угрожали ей, вдругъ разразились надъ ея головою. О, какъ дорого платила она за минутное упоеніе счастья, которое доставила ей любовь. Мысль о безчестіи и презрѣніи не выходила у ней изъ головы. Она стыдилась себя и между тѣмъ должна была всюду являться. Скоро, она замѣтила разительную перемѣну въ расположеніи публики. Многія семейства, которыя прививали ее но дружбѣ и уваженію къ ея характеру, стали видѣть въ ней только артистку. Отецъ не хотѣлъ болѣе знать ея. Графиня Спери, предметъ ея благоговѣйной привязанности, прекратила съ нею всякое сношеніе. Это былъ самый чувствительный ударъ для ея сердца.

Нашлись люди, которые совѣтовали ей въ это время сблизиться съ г. Малибранъ, общая ей тогда видѣться съ нею, какъ прежде. Марія съ негодованіемъ отвергла это предложеніе. Однажды она была въ концертѣ у графини М., которая одна неизмѣнилась къ Маріи въ ея несчастіи. Въ ту минуту, какъ она садилась за фортепьяно пѣть дуетъ изъ Семирамиды, графиня Спери вошла въ залу. Марія поблѣднѣла, глаза ея наполнились слезами. Устремивъ на хозяйку взоръ, исполненный невыразимой щежвости и горести, она прешептала: «Какъ! ни одного взгляда, ни малѣйшаго наклоненія головы! какъ будто мы вовсе незнакомы!... какое презрѣніе! Нѣтъ, это уже слишкомъ!» И слезы полились у ней рѣкою.

Но и въ годину испытаній, ей блеснулъ лучъ утѣшенія. Гарсія, движимый

отповскою любовью, примирился съ своею дочерью. Бѣдная была вѣд себя отъ такого благополучія.

Вотъ, что писала она къ графинѣ М... «Съ величайшимъ удовольствіемъ буду къ вамъ вечеромъ. Я такъ счастлива! Все мнѣ удается со вчерашняго дня. Я считаю мое примиреніе съ батюшкой счастливымъ предвѣщаніемъ. Вы, мой добрый и постоянный другъ, примите живѣйшее участіе въ моей радости. Какъ скоро онъ воротится, я покажу ему ваше письмо, столь милое для насъ обоихъ, и я увѣрена, что если бь овъ имѣлъ тридцать шесть скрипокъ, то всѣ принесть бы вамъ съ величайшимъ усердіемъ. Простите, обнимаю васъ отъ всего сердца. Буду у васъ въ девять часовъ, а быть можетъ еще раньше. Марія, que sus bellos y dulces carillos besa con amor respeto (*)».

Не смотря на минутный проблескъ счастья, Марія слишкомъ была далека отъ спокойствія, необходимаго для ея занятій. Больше всего поразило ее, что публика стала наконецъ вникать, какъ бездушное тѣло, ея трогательнымъ звукамъ. Тогда Марія получила совершенное отращеніе къ Парижу и рѣшилась оставить его. Но врожденная энергія ея характера пробуждалась въ ней въ послѣднія минуты. Душа ея, подобно душѣ Байрона, коснувшись земли, воспрянула и вознеслась еще выше. 8-го января она дала послѣднее представленіе. Играли Отелло. Ничто не можетъ сравниться съ ея высокою игрою, съ трогательными звуками ея голоса. Слушатели, проникнутые электрическимъ сотрясеніемъ, возвратились къ ней съ любовью, быть можетъ, съ раскаяніемъ; но уже было поздно. Какъ прекрасный лебедь, распустивъ свои крылья, Марія восхитила парижскую публику своимъ прошальнымъ пѣніемъ и — улетѣла. Выѣзжая изъ Парижа, она торжественно поклялась не возвращаться въ него прежде, чѣмъ будетъ женою Беріо — и сдержала слово. Она отправилась въ Бриссель. Тамъ ждалъ ее Беріо: она переоделась, покрыла свои черные волосы бѣлокурымъ парикомъ и возвратилась тайно въ

Парижъ. Оправясь отъ болѣзни, она снова уѣхала въ Бриссель. Въ это время, Марія имѣла уже за всѣми издержками болѣе шести сотъ тысячъ франковъ. Она пѣла три зимы въ Парижъ и два лѣта въ Лондонъ.

VI.

Въ концѣ іюля Лаблашъ въ прозѣ изъ Лондона въ Италію, посѣтилъ Марію. Когда онъ сообщилъ ей о цѣли своего путешествія, Марія вдругъ вскричала: — Почему бы мнѣ не поѣхать съ вами! Я еще нигдѣ не заключила условія. Я поѣду съ вами.

— Но я долженъ выѣхать завтра, чѣмъ свѣтъ..

— Нужды нѣтъ; я буду готова.

Лаблашъ воображалъ, что она шутитъ. На другой день, въ 5 часовъ утра почтавав коляска остановилась передъ его домомъ. Онъ думалъ, что пріѣхали его лошади, какъ вдругъ, въ сосѣдней комнатѣ раздался пріятный голосъ Маріи:

— Я готова и жду васъ. Удивленіе добраго Лаблаша было невыразимо. Такъ неожиданно возникла, въ пылкой головкѣ Маріи, такъ быстро осуществилась мысль — посѣтить страну искусства и солнца, страну, гдѣ каждый шагъ ея былъ ознаменованъ торжествомъ и доказательствомъ владычества, которое она пріобрѣла своимъ волшебнымъ голосомъ палъ душами, даже самыхъ грубыхъ сыновъ этой поэтической земли. Въ Римѣ ожидало ее извѣстіе о смерти отца; оно такъ ее огорчило, что она сдѣлалась больна. Оправившись, она послѣдила въ Неаполь. Ее ангажировали на театрѣ Савъ-Карло, но по случаю разныхъ пятриговъ, Марія дебютировала на второстепенномъ театрѣ дель-Фондо. Новая актриса передъ появленіемъ на сцену, должна была представляться королю и просить его посѣтить театръ въ ея дебютъ. Такое обыкновеніе издавна велется въ Неаполь. Марія поѣхала къ королю: онъ принялъ ее очень милостиво. — Ваше величество, сказала она, и пріѣхала просить... если можно, чтобъ вы не пріѣзжали въ театръ.. — Отъ чего же? спросилъ удивленный король. — Я узна-

(*) Которая цѣлуетъ эти прекрасныя, вѣжливыя щеки съ любовью и почтеніемъ.

ла, что въ Неаполь никогда не аплодируютъ, если В. В. не подадите къ тому примѣра и... - Король засмѣялся и ободрилъ ее.

—В. В., я привыкла, чтобы публика ободряла меня тотчасъ по выходѣ, а иначе я не сдѣлаю ничего хорошаго. — Хорошо, отвѣчалъ Король:— я буду аплодировать, лишь только вы появитесь.

Марія была очень довольна приѣмомъ короля. Вечеромъ, за минуту до появленія на сцену, она взглянула въ его ложу и види, что она смотритъ на нее, подняла руки, какъ будто готовясь аплодировать, напоминая ему о его обѣщаніи. Король, восхищенный ея прелестью и оригинальностью, тотчасъ подалъ знакъ, — Марію привѣтствовалъ громъ рукоплесканій. Восторгъ слушателей возрасталъ отъ первой каватины, пропѣтой Дездемою, до самой катастрофы, которою оканчивается ея жизнь. Театръ былъ такъ полонъ, что нѣкоторые посланники не могли найги ложъ. Въ обществѣ неаполитанскомъ Марія не находила тѣхъ удовольствій и того вниманія, къ какимъ привыкла въ Парижѣ и Лондонѣ. Но прекрасное небо Италіи, ея море и восхитительныя окрестности Неаполя, представляли ей другой, не менѣе живой источникъ наслажденій. Однако жъ она вскорѣ разлюбила Неаполь, не смотря на удивленіе, которое она тамъ возбуждала. Ей наложили закулисныя интриги и неутомимая зависть соперницъ. Она уѣхала въ Болонью. Успѣхи ея и приѣмы въ этомъ городѣ были самые блистательные. Во все время серенады не умолкали подъ ея окнами до самаго разсвѣта. Проведя лето въ Лондонѣ, а зиму въ Болоньи, Марія опять возвратилась въ Неаполь. Въ этотъ разъ, пичтожное обстоятельство лишило ее нѣкоторой части успѣховъ. Все знаютъ, до какой степени неаполитанцы суевѣрны, какъ они боятся cattivo augurio (*), которое видятъ вездѣ;— и въ глазахъ хорошенькой женщины, и въ парикъ доктора; въ облакъ, которое падетъ на солнце въ пятницу, или въ воскресенье, въ пухъ, который осыпаетъ

свѣжій, sprysнутый росою листокъ. День, въ который лавали Отелло, былъ большой праздникъ въ Неаполь. По этому случаю въ объявленіи о вечернемъ спектаклѣ было прибавлено:

«Чтобы не покрачить такого радостнаго дня, третій актъ не будетъ играться.»

Третій актъ! именно тотъ, въ которомъ Марія была такъ восхитительна, трогательна и выразительна! Капулетти также не имѣли счастья понравиться неаполитанцамъ. Привычные посятели театра Савь-Карло еще сохраняли неудовольствіе противъ Маріи за то, что она, въ оперѣ Беллини, ихъ любимца, вставляла отрывки изъ Меркаданте и Ваккаи. Но главная причина ихъ неудовольствій обнаружилась, когда они увидѣли на сценѣ похороны во всей формѣ, съ священниками, факлами, гробомъ и погребальнымъ пѣніемъ. Съ одной стороны, они видѣли въ этомъ оскорбленіе религіи; съ другой, испугались «cattivo augurio.» Послышался ропотъ, за ропотомъ, знаки негодовавія болѣе сильныя.. Эта піеса стояла не одной слезы Маріи... За то въ Семирамидѣ и Нормѣ, она вызвала самыя единодушныя рукоплесканія и оставила Неаполь, увѣчанная славою, осыпанная цвѣтами. Въ Миланѣ она встѣпила сильную партію обожателей Пасты. — Паста, всегда одинакая, приличная въ своихъ роляхъ, въ которой все было равнѣе разсчитано и подготовлено, для произведенія эффекта, была совершенно противоположна Маріи. Но една Малибранъ появилась, какъ всѣ единодушно провозгласили ee la cantatrice per eccellenza.. Два случая покажутъ до какой степени она умѣла возбудить въ Италіи общій, народный восторгъ.—Ее пригласили дать нѣсколько представленій въ Синигалліи, по случаю ярмарки. Въ день отъѣзда, народъ остановилъ ея экипажъ на площади, съ громкими восклицаніями, и умолялъ ее, что вибудъ пропѣть. Марія долго противилась, но ея просьбы и самыя гнѣвъ были напрасны. Нечего дѣлать. Она проситъ Беріо аккомпанировать ей. Беріо вынимаетъ свою скрипку; оба они выходятъ изъ кареты; площадь огласилась восхитительною гармонією,

(*) Дурная примѣта, дурное предзнаменованіе.

къ величайшему удовольствію толпы, которая не знала, чѣмъ выразить свой восторгъ и благодарность знаменитой артисткѣ. Въ другой разъ, — это было въ Неаполѣ, — Марія, въ прекрасный весенній день, отправилась, съ небольшимъ обществомъ, на ослахъ на павзалипскую гору, покрытую зеленью своихъ каштановыхъ лѣсовъ. На крутой ея вершинѣ возвышается монастырь. На площадкѣ, отдѣляющей монастырь отъ глубокой пропасти, зрителю открывается на право Везувій, на лѣво старый кратеръ Сольфатары, а внизу великолѣпный амфитеатръ Неаполя, съ его приставью, усаженною безчисленными кораблями и лодками, съ его моремъ, безконечнымъ, какъ надежда, какъ любопытство человека. Тамъ общество, въ которомъ находилась Марія, взявъ за танцевать тарантеллу подъ звуки тамбурина и кастаньетовъ.

Вдругъ протяжные звуки печальнаго пѣнія достигаютъ до уха пирующихъ. Они умолкаютъ, слушаютъ. Два ряда монаховъ, въ бѣлыхъ рясахъ съ капишонами, которые закрываютъ ихъ лица, взбираются по узкой и крутой тропинкѣ на холмъ, лежащій въ лѣво отъ монастыря. Тамъ находилось *Contra Santo* (кладбище) отшельниковъ. Эта противоположность безумной веселости поразила Марію и ея спутниковъ; она возбудила въ нихъ печальныя мысли. Они оставили это мѣсто, отправились далѣе и скоро углубились въ таинственные тропинки парка виллы Кассіано. Въ задумчивости, они не замѣтили прибитаго на столбѣ объявленія, которымъ отъ имени владѣльца, подъ опасеніемъ заключенія, запрещалось проникать въ паркъ. Вдругъ цѣлая толпа караульныхъ, въ шляпахъ съ широкими полями, вооруженныхъ съ головы до ногъ, окружили гуляющихъ и велѣли имъ слѣзть съ ословъ. Напрасно представляли они, что недавно пріѣхали въ Италію, не знаютъ итальянскаго языка. Ничто не трогало неумолимыхъ. Тогда Марія, сѣдя на своемъ ослѣ, запларарію, — и вдругъ, карабины и шляпы, какъ будто пораженные волшебствомъ, упали передъ нею во прахъ.

Въ это время одинъ несчастный слу-

чай едва не прекратилъ навсегда блистательнаго поприща Маріи. Въ послѣднее воскресенье, на маслиницѣ, въ сумерки, послѣ сраженія шариками (*confetti*), Марія ѣхала въ коляскѣ, запряженной двумя горячими, молодыми лошадьми. Вдругъ имъ подъ ноги бросился поросенокъ, котораго, по милому обычаю Неаполя, рѣзалъ на улицѣ, и который вырвался изъ рукъ своихъ мучителей. Лошади попели, опрокинули коляску. Марія упала на мостовую и вывихнула обѣ руки. Къ счастью, тутъ случился докторъ, который подаль ей скорую помощь. На другой день она играла уже въ «*Ивез де Кастро*», съ такимъ мужествомъ и ловкостію, что никто не хотѣлъ вѣрять несчастному случаю. — Другъ мой, говорила она знаменитому трагику Юягу: — это пріключеніе показало мнѣ, что я прежде позволяла себѣ слишкомъ много жестовъ и что неподвижность производить на сценѣ гораздо лучшее дѣйствіе. Въ Нормѣ она простилась съ неаполитанскою публикою, унесъ съ собою всеобщее сожалѣніе. При вѣздѣ въ Авеццо ея карета сломалась. Пока ее чинили, Марія и друзья ея пожелали осмотрѣть знаменитый домъ ума-лишенныхъ. Директоръ, человекъ просвѣщенный, сказалъ ей, между прочимъ, что онъ поставилъ себѣ правиломъ никогда не противиться желаніямъ несчастныхъ, въ ренныхъ его назору.

— А какъ вы думаете, спросила Марія, не пожелаютъ ли они меня слышать?

— Здѣсь есть одинъ молодой человекъ, отвѣчалъ директоръ: — который страстно любитъ музыку, но не можетъ безъ бѣшенства видѣть женщинъ...

— Я мальчикъ: впустите меня къ нему. Она была въ мужскомъ платьѣ. Юноша встрѣтилъ ее съ грустнымъ волненіемъ. Мальчикъ сѣлится за фортепьяно, поетъ романсъ изъ *Отелло*. Больной въ смущеніи, въ трепетѣ, восклицалъ послѣ каждого куплета, съ возрастающимъ умиленіемъ: о, какъ хорошо! безподобно! А между тѣмъ, прибавилъ онъ съ грустнымъ видомъ: — вѣдь это женщина! Наконецъ ручей слезъ оросилъ лице несчастливца. Оставивъ въ заведеніи доказательства своей благотворительности,

Марія, грустная, растроганная, продолжала путь до Венеціи.

VII.

«Наконецъ, мы въ Венеціи», писала Марія, «невозможно изобразить восторга, который предшествовалъ моему прѣзду. Расскажу одинъ случай. Вы знаете, что здѣсь играютъ въ лоттерію столько же, сколько въ Неаполѣ, если еще не болѣе. Представьте же—простой народъ бралъ билеты на мое имя и всѣ нумера выиграли и самый меньшой выигривъ 9,000 австрійскихъ ливровъ. Отъ этого венеціанцы считаютъ меня «bon augurio» и слѣдуютъ за мною, какъ собачки. Вышло множество литографій, изображающихъ мое паленіе, выѣздъ изъ Неаполя, мой прѣздъ сюда, и пр. и пр. Я ввела здѣсь новизну, которая сдѣлаетъ эпоху въ моихъ *льтопислхъ*. Я измѣнила уставъ гондолъ и каваловъ. Моя гондола сѣрая съ золотыми шишечками и застежками,—гребцы въ красныхъ курткахъ и соломенныхъ шляпахъ съ черными бархатными лентами, панталоны синіе, рукава и воротникъ черные бархатные. Внутренность гондолы пунцовая съ голубыми шторами. Дѣло въ томъ, что у меня не стало бы духа похоронить себя заживо въ ихъ отвратительныя гондолы, черныя снаружи и внутри.»...

Въ самомъ дѣлѣ,—остававливалась ли Марія въ магазинѣ, народъ стекался въ такомъ множествѣ, что стражи вступались въ дѣло; вѣдала ли она въ гондолѣ, за нею слѣдовала цѣлая свита другихъ гондолъ. На берегу толпа ждала ея появленія, какъ какой нибудь королевы. Въ это время, Марія получила извѣстіе о своемъ разводѣ. Она захотѣла ознаменовать свое счастье благодѣаніемъ. Галло, содержатель одного изъ второстепенныхъ театровъ, отецъ большого семейства, готовъ былъ обанкрутиться. Марія обвѣдила чрезвычайное представленіе пьесы «Идешица Лунатикъ», въ его же театри. Актеры, оркестръ—были самыя жалкіе, но Марія не теряла духа и большую часть дѣи сама съ ними ренетировала. Въ день представленія волны народа съ развѣтв устремились къ театру. Только и рѣчей было о великодушн бла-

готворительной пѣвицы. Отворили театр; народъ хлынулъ въ него рѣкою и въ одну секунду наводнилъ балконы, ложи партеръ. Взоры всѣхъ выражали нетерпѣніе и оживленіе живѣйшаго наслажденія. Заванѣсь полялся. Но лишь только те-вортъ, исполнявшій ролю Эльвино, явился пѣть съ нею дуть: невольный трепеть овладѣлъ имъ. Онъ забылъ свою партію. Кой-гдѣ уже слышался ропотъ и смѣхъ. Но Марія сказала ему тихо: «Не бойся, я помогу тебѣ.» И соединивъ его партію съ своею, она очень искусно составила изъ нихъ арію. Между тѣмъ теноръ имѣлъ время оправиться. Слушатели, изумленные, очарованные ея дарованіемъ и присутствіемъ духа, аплодировали съ изступленіемъ. Когда Марія начала послѣднюю арію, всѣ встали на лавки, и павѣсивъ платки на трости, составили въ честь ея, какъ-бы, побѣдоносныя знамена, провозглашая ее царицею искусства, а между тѣмъ букеты, стихи, золотые и серебряные листья падали къ ногамъ ея. У подъезда народъ ожидалъ ея съ факелами. Утомленная, она боится вытти, медлитъ; восклицанія толпы усиливаются, а съ ними и ея страхъ. Она рѣшается съѣсть въ другую гондолу... Вотъ, она уже отчалала отъ берега какъ вдругъ народъ замѣтилъ свою ошпбку и бросился ей въ слѣдъ. По обѣимъ сторонамъ канала заблистали факелы и свѣчи. Ее внесли въ домъ на рукахъ; шаль и платокъ ея были разрѣзаны на тысячу кусковъ и раздѣлены между народомъ. Лишь только она нѣсколько отдохнула въ своей комнатѣ, ей доложили о прибытіи депутации отъ гондолеровъ. Они были въ варьяхъ: въ бѣлыхъ камзолахъ съ пунцовыми кушаками, и въ соломенныхъ шляпахъ. Ученѣйшій изъ нихъ въ простыхъ, но почтительныхъ выраженіяхъ, просилъ ее коснуться губами по-золоченой чашы, которую онъ ей подавалъ. Исполнивъ его желаніе, Марія вышла съ друзьями на балконы. Все словіе гондолеровъ въ порядкѣ, покрывало набережную. Ярко отражались среди мрака ихъ мужественныя, смуглыя лица, озаренныя красноватымъ пламенемъ факеловъ, въ противоположность

которому, разливался блѣдный свѣтъ луны, выходящей изъ за мраморныхъ стѣнъ дворцовъ. Депутаты сошли къ своимъ товарищамъ, а начальникъ ихъ съ торжественнымъ видомъ обносилъ всѣмъ чашу и каждый коснулся къ ней губами.

Для спасенія Галло требовалось 14,000 фравковъ. Сборъ простирался до 11,000. Марія прибавила отъ себя остальное. Съ тѣхъ поръ театръ его принялъ названіе театра Малибранъ.

На канушъ отъѣзда Маріи, городъ поднесъ ей діадиму. Такъ чтвили ее италянцы, столь доступные впечатленіямъ изящнаго.

Тѣ же успѣхи ожидали ее въ Англии. Для нея, казалось, англичане измѣнили своей природѣ и выражали восторгъ съ изступленіемъ, достойнымъ италянцевъ. Дѣятельность ея въ Лондонѣ превосходила всякое вѣроятіе. Каждый день, послѣ занятій дома и репетицій, она пѣла въ публичномъ концертѣ, въ оперѣ, въ 2-хъ или 3-хъ частныхъ концертахъ; — все это начиналось въ 9 часовъ утра и кончалось на разсвѣтѣ.

Марія возвратилась въ Италію во время гибельныхъ опустошеній холеры. — Не смотря на свой страхъ и горестъ, жители Лукки приняли ее какъ ангела-утѣшителя.

Въ послѣднее представленіе, молодые люди выпрягли лошадей и везли ее карету до самаго дома, гдѣ ее ожидали знатнѣйшія особы города. — Музыка гремѣла; народъ оглушалъ воздухъ криками; Марія должна была показаться у окна и проститься съ ними.

Это было въ августѣ, а въ сентябрѣ обязанность призвала Марію въ Миланъ. Между тѣмъ, всѣ сообщенія были прерваны; везлѣ стояли карантинныя и цѣпи. Марія рѣшилась пробраться въ Миланъ узкою и опасною дорогою, проложенною по крутизнамъ Каррарскихъ горъ поговщиками муловъ. Нѣсколько друзей отважились провожать ее. На каждомъ шагу встрѣчались имъ пропасти, овраги. Горды, никогда не выдавшіе каретъ, разбивали рты при появленіи этихъ чудныхъ машинъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, лежащихъ по дорогѣ, улицы такъ узки, что они принуждены были от-

прягать одну Пару лошадей и тащить карету на заднихъ колесахъ, подвѣвъ къ верху переднія и лышло. Въ другомъ мѣстѣ, дорога на краю бездны была такъ узка, что устанавливались одни колеса, а другія висѣли надъ пропастью на веревкахъ, которыя держали 30 работниковъ, наплатыхъ провожать путешественниковъ и очищать имъ путь.

Маріи, спокойная, безопасная слѣдовала, или предшествовала верхомъ, смѣясь надъ страхомъ и безнадежностію своихъ спутниковъ. Когда ихъ останавливали таможенные, то вмѣсто всѣхъ осмотровъ, только просили Марію спѣтъ имъ что нибудь. Бѣдные горные жители, изумленные ея благотворительностію, считали ее какою нибудь привидѣніемъ. — Глупцы! говорили они: — думаютъ насъ увѣрить, что такая благородная дама — пѣвица!

Наковецъ, она нашла сладостное вознагражденіе столькихъ опасностей и трудовъ въ приѣмѣ, который ожидалъ ее въ Миланѣ.

Герцогъ Висконти, содержатель театра «della scala» предложилъ ей 400,000 фравковъ, за 120 представленій, распределенныхъ на пять терминовъ. Два только изъ нихъ суждено ей было выполнить.

Она оставила Италію въ послѣднихъ дняхъ марта. Въ послѣдній вечеръ, народъ проводилъ ее съ факелами до самаго дворца Висконти, гдѣ она жила. Сады дворца были иллюминированы; военная музыка играла въ честь ея блестящія мелодіи.

Въ воспоминаніе о пребываніи Маріи въ Миланъ выпустили множество золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей.

Между тѣмъ, въ Парижѣ все ужасно готово къ ея браку. — Кромѣ того, что этотъ бракъ долженъ былъ успокоить ея совѣсть, прекратить странное положеніе, которое безпрестанно тяготило ея душу, любовь ея къ Беріо сохраняла всю силу, всю пылкость первыхъ впечатлѣній. Бракъ совершился въ присутствіи немногихъ короткихъ друзей. Вечеромъ небольшое, но восхитительное музыкальное общество праздновало его въ маленькой квартирѣ Маріи. Его составляли Тальбергъ, Россини, Беріо и Марія. Удив-

левая, тронутая игрою Тальберга, котораго она слышала въ первый разъ, Марія дѣлала чудеса своимъ голосомъ. Но вдругъ въ самомъ трогательномъ мѣстѣ Нормы, она вскричала: пѣтъ, не могу пѣтъ! Боже, Боже, чтобы пѣтъ хорошо, мнѣ должно бы имѣть теверь вокругъ себя все мое семейство, родныхъ, друзей!..

Вечеромъ, она роздала бѣщымъ 1000 франковъ.

Съ мѣсяцъ провела Марія въ своемъ помѣстьи, въ окрестности Брюсселя. После двухъ концертовъ, незабвенныхъ для жителей тѣмъ, что они были послѣдніе, она поѣхала въ Лондонъ. Тамъ совершила она свое поприще еще блистательнѣе прежняго, потому что, не смотря на свое необъятное дарованіе, эта гениальная жепщина не переставала совершенствоваться и побуждать трудности, которыми приводила въ изумленіе самыхъ смѣлыхъ артистовъ. Тогда-то, достигнувъ высшей точки искусства, счастья и славы, эта незабвенная артистка, блестящая красотою и свѣжестью, была похищена у земли ужасною смертію.

VIII.

Лордъ Л' предложилъ Маріи прогулку верхомъ. У нея не было лошади; онъ далъ ей свою. Беріо сначала противился этому распоряженію; но наконецъ съ сожалѣніемъ долженъ былъ уступить Маріи, у которой всякое желаніе обращалось въ страсть. Марія ѣздила верхомъ прекрасно и никогда не чувствовала ни тѣни боязни. Но въ этотъ разъ, лишь только она сѣла на лошадь, ей стало страшно. Чувствуя, что руки ея слава держатъ повода, Марія сдѣлала знакъ случившемуся тутъ крестьянину, чтобы онъ удержалъ ея лошадь. Тотъ, по недоразумѣнію или по глупости, бросаегъ вверхъ свою шапку. Испуганная лошадь закусываетъ удила и уноситъ Марію изъ глазъ ея спутниковъ. Проскакавъ нѣсколько секундъ, она чувствуетъ, что полноруга ослабла... Едва дыша, бѣдная жепщина, видитъ ва дорогѣ загорюлку, по возлѣ ни души. Одишь конецъ бревна, которымъ ее задвигали, былъ вынутъ и, подвѣсившись, оставяляя довольно узкій проѣздъ съ одно-

го края. Марія видѣла одно средство къ спасенію — схватиться обѣими руками за перекладину, удержаться на ней и оставить лошадь скакать одну.

Но въ ту минуту, какъ она протянула руки къ бревну, нога ея зацѣпилась за стрѣмя; она падаетъ навзничъ на спину лошади, скользитъ, бьется о землю; — лошадь на всюмо скаку влечетъ за собою несчастную до тѣхъ поръ, пока нога ея не освободилась изъ стремени. Ее подняли на дорогѣ, безъ чувствъ, съ проломленною головою, израпленнымъ лицомъ до такой степени, что се невозможно было узнать. Когда она пришла въ себя, то первымъ ея движеніемъ было освѣдомиться, возвратился ли ея мужъ; ей отвѣчали, что нѣтъ. Тогда она вѣзла полать зеркало, и спокойно разсмотрѣла свое лице и голову. Видъ ея былъ ужасенъ. Одишь изъ ея друзей вошелъ въ эту минуту въ комнату. Взглянувъ на ея лице, почернѣвшее, обезображенное ранами и кровію, онъ вскрикнулъ отъ ужаса.

— Не пугайтесь, сказала Марія; главное, чтобы не узналъ Беріо.

Не теряя времени, она принялась мыть лице; закрасила пятна и раны; положила пластырь на голову; написала тутъ же къ лорду Л., чтобы онъ скрылъ отъ мужа ея паденіе. Когда Беріо возвратился, Марія сказала ему, что упала съ лѣстницы и ушибла голову, во что болъ уже мнивала.

Вечеромъ, она по обыкновенію поѣла въ театрѣ. Поѣла также проѣдомъ въ Брюссель въ Литтихъ; поѣла потомъ въ Ахель. Но со времени своего паденія, она непрерывно страдала жесточайшею головною болью, и нервными припадками.

Въ первыхъ числахъ сентября, Марія возвратилась въ Англію. Приѣхавъ въ Манчестеръ, гдѣ она должна была дать нѣсколько концертовъ, она непремѣнно захотѣла остановится въ одномъ домѣ съ Лаблшемъ, ея любимымъ товарищемъ.

Вечеромъ того дня, Марія была весела до чрезвычайности. После тыщли дѣтскихъ шалостей, она сѣла за фортепьяно, желая слышать мѣтніе Лаблаша о двухъ романахъ, недавно положенныхъ ею на музыку. Сыгравъ прелюдію, она пришла въ необыкновенное состояніе восторженности. Блескъ ея очей, трепетъ

голоса, содроганіе губъ, производили удивительное, но вмѣстѣ страшное впечатлѣніе. Встревоженный Лаблаш едва уговорилъ ее идти успокоиться. На другой день, Марія отправилась на репетицію духовнаго концерта. Но едва заигралъ органъ, она залилась слезами. Такъ какъ она излѣива была подвержена первическимъ припадкамъ, то этотъ случай не возбудилъ большихъ опасеній.

На слѣдующій день, лишь только Марія вошла въ залу, которую оглашали уже торжественныя, мелодическіе звуки органа, то привалась хохотать, и черезъ нѣсколько минутъ упала въ обморокъ. Однако же, она скоро пришла въ чувство и имѣла довольно духа, чтобы пропѣть арію «Авраамъ», соч. Чимарозы.

Глубокая печаль, ушшіе различіе во всемъ существѣ исподражаемой артистки, трогательный, провицающій звукъ ея голоса, ея потухшій взоръ, произвели глубокое впечатлѣніе на слушателей.

Въ слѣдующее утро она опять явилась въ концертъ, опять лишилась чувствъ и не была уже въ состояніи пѣть. Казалось, все кончилось; между великой артисткой и міромъ, который она приводила въ сотрясеніе своимъ волшебнымъ голосомъ. Но не такъ хотѣла умереть она. Одушевленная чувствомъ долга, провикнутая энергією, которая не оставляла ея и въ послѣдніи минуты, она упростила вечеромъ свезти себя въ театръ. Передъ появленіемъ на сцену, съ нею было нѣсколько жестокихъ припадковъ; но она непремѣнно рѣшилась пропѣть свой дуэтъ изъ «Андроника» съ г-жею Карадори. Едва въ состояніи держаться на ногахъ, какъ тѣмъ явилась въ залу любимница искусства. Подобно тому, какъ пламя готовое угаснуть, вскипываетъ ослѣпительнымъ блескомъ, — голосъ Марія звучалъ чище, серебристѣе, нежели когда нибудь.

Въ трогательной меланхоліи его звуковъ, въ выразительныхъ и блѣдныхъ ея чертахъ сіяла уже душа, готовая отлетѣть въ жилище вѣчнаго блаженства. Публика, упоенная неизъяснимою прелестью ея лица, волшебною гармонією ея голоса, который, казалось, напоминалъ уже имъ собою голоса безплотныхъ, — забывъ

состояніе бѣдой Марія, съ изступленіемъ требовала повторенія дуэта.

Звукъ рукоплескавіи, какъ будто, электрическимъ ударомъ, поразилъ сердце гениальной артистки. Щеки ея покрылись румянцемъ; повисшее чело горделиво поднялось; очи, блестящіи невыразимымъ огнемъ, пробѣгаютъ залу... Въ величественномъ положеніи, внушенномъ ей неземнымъ чувствомъ, она начинаетъ дуэтъ. Голосъ ея гремѣлъ; душа овладевала каждымъ звукомъ и поддерживала его своею силою. То лились изъ устъ умирающей звуки тихіе, тихіе, какъ отдаленныя отголоски небесной гармоніи; то, снова наполнили пространство громкими пронизающими звуками; она, казалось, хотѣла въ послѣдній разъ пролить все могущество роскошной жизни, дарованной ей Создателемъ... По выходѣ изъ театра, Марією овладѣли страшныя конвульсіи, прерываемыя судорожнымъ хохотомъ и частыми обмороками. Угасало небесное пламя гениа; благородное сердце артистки билось послѣднимъ бисніемъ. Докторъ, вопреки мѣтвію друзей, настаивалъ, чтобы пустили ей кровь. Беріо, который одинъ могъ рѣшить споръ, игралъ въ это время въ концертъ. Марія пришла въ себя, и съ улыбкою, въ которой съ покорностію къ Провидѣнію, выражалось предчувствіе близкой кончины, согласилась на кровопусканіе... Но ни какіи человѣческіи средства не могли спасти ея. Весь городъ приходилъ осведомляться о здорровьи Марія. Извѣстія о ея болѣзни наполняли журналы. Однако никто не подозревалъ опасности. Все надѣялось. Между тѣмъ, успѣхи болѣзни возрастали съ ужасною быстротою. За болѣзненнымъ припадкомъ наступало состояніе безчувствія и окаменѣлости. По цѣлымъ часамъ сидѣла Марія, блѣдная и неподвижная, какъ мраморная статуя. Рѣдко, и то на одну минуту, выходила она изъ этого состоянія, и подавала какой нибудь приznakъ жизни. Въ одинъ изъ такихъ промежутковъ она спросила — хорошо ли игралъ Беріо, и много ли ему аннонсировали. Такимъ образомъ, послѣднее бисніе ея страстнаго сердца, послѣдній вздохъ ея жизни принадлежали возлюбленному ея и искусству. Тихъ былъ конецъ Марія; ни-

какой признак страданія не разрушилъ ея красоты; послѣдній взоръ ея былъ ясенъ, какъ воздушный, свѣтлый путь, по которому душа ея улетѣла въ небо... Въ Иссель, помѣсть въ усопшей, лежащемъ недалеко отъ Брюсселя, погребены ея тѣлныя остатки. Надъ ними возвышается прекрасная мраморная статуя, въ нарочью для того выстроенной часовни: Озаренный однимъ лучемъ свѣта и утопая въ массахъ тѣни, образъ ея поражаетъ взоръ, какъ возвышенная мысль, какъ мечта поэта!...

СВѢТОСАЯ ЖЕНЩИНА.

Эскизъ В. Несторенко.

Сердце женщины—ларецъ, ключъ отъ котораго заброшенъ въ море.

Кто—то.

I.

РЕБЕНОКЪ.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей —
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Ръзвой, ласковой Мери.

А. ПУШКИНЪ.

Не знаю какъ для другихъ, а для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ любоваться на игры дѣтей. Глядя на ихъ прыжки, бѣготню, слушая ихъ лепетъ, переношусь я мыслью въ прошедшее, и оно рисуется въ воображеніи пестрыми, радужными цвѣтами. Передо мною тянется длинная вереница куколъ, лошадокъ, барабачиковъ и погремушекъ; отъ меня отлетаютъ въ это время заботы, опасенія, надежды, *всѣ суеты міра сего*, и я, веселый, и безпечный, дѣлаюсь снова шалуномъ, забіякой, какимъ описываетъ меня моя добрая нянька. Я такъ привыкъ къ этимъ мечтамъ, къ этимъ воспоминаніямъ, что поставилъ себѣ непремѣннымъ долгомъ, каждое утро часа два проводить въ Лѣтнемъ Саду, на площадкѣ, по серединѣ которой такъ гордо смотритъ на маленькихъ шалуновъ, статуя Дианы. Малютки привыкли ко мнѣ, и всегда въ спорныхъ пунктахъ бѣгутъ

искать суда и рѣшенія дяди. Много между ними есть у меня любимцевъ, но болѣе всѣхъ люблю я малютку Евгению. Каждый день смотрю я на эту миниатюрную пери, и всякій разъ нахожу въ ней новыя совершенства. Ея большіе черные глаза, длинные, черные—же, локоны, овальный окладъ лица, умное выраженіе, которое такъ восхищаетъ меня, необыкновенная живость,—все, все въ ней такъ мило, прелестно, что взоры хорошенькихъ дамъ, (а на ихъ вкусъ можно положиться), скользя по головкамъ дѣтей, всегда останавливаются на одушевленномъ личикѣ Евгени, и «какая милашка» и поцѣлуй неминуемо слѣдуетъ за безмолвнымъ созерцаніемъ. Счастливица! будущность ея, вѣроятно, такъ же свѣтла, какъ и ея настоящее. Сколько жертвъ принесется на алтарь ея крошечнаго сердца, сколько вздоховъ улетитъ на вѣтеръ, сколько комплиментовъ истратится для нея, изъ запаснаго магазина вѣжливостей!.. И кто будетъ этотъ избранный, этотъ счастливецъ, который положитъ ея сердце, который поведетъ ее вокругъ брачнаго наоя? Любопытный вопросъ!.. И сохранить ли ея сердце, это чистое, прекрасное сердце, свою первобытную святость? Богъ въдаетъ! Сердце женщи-

вы не разгадаемо... Не разгадаемо? же ребенокъ, все та-же рѣзвуха, ша- Но кто-же доказалъ это? Вся—сомни- лувья Евгенія. Посмотрите съ какою тельно!.. Эти *есть* повторяютъ лишь чу- легкостію порхааетъ она по комнатѣ; съ жія слова, полагаясь на авторитетъ ихъ какую дѣтскою! беззаботностію дразнить лавности, не принимая на себя труда попугая, хохочетъ отъ души, слушая его вникнуть въ дѣло собственнымъ разсуд- пискливые крики, и потомъ, схвативъ комъ. Сердце женщины! Полно, не на руки косматую болонку, вихремъ не ларчикъ ли это Крылова, прельстясь летится по залу, въ кружкахъ вальса, на наружной отдѣлкѣ котораго, мы поло- пѣвая въ полголоса игривые мотивы Ла- зрѣваемъ въ немъ скрытый механизмъ? бицкаго. — Счастливица! свѣтъ не ус- не цѣпочка ли это, концы которой дер- пѣтъ еще пахнутъ своимъ тлетворнымъ жить прелестная ручка; и мы, заглядѣв- холодомъ на ея сердце; оно чисто, свѣ- шись на эту ручку, забываемъ все, не жо, непорочно, какимъ впервые заби- хотимъ видѣть ничего, кромѣ ея; и ут- лось подъ сердцемъ матери... Полно- верждаемъ, что цѣпочка непрерывна?.. такъ-ли?.. Доложили о пріѣздѣ Марьи Сердце женщины! Боже мой, да не Ивановны Горской.

— Ахъ, Marie, душечка, какъ я рада! и подруги сплелись руками; — посыпались поцѣлуи.

— А я только что хотѣла ѣхать къ тебѣ, думала, ужъ не больна ли... цѣлая неделя.. не была даже на балу у М... А какъ тамъ было весело!.. ахъ, топ- ange, сколько кавалеровъ, военныхъ, все въ красныхъ мундирахъ, да какіе хоро- шенькіе, какіе милые; не то, что ва- ши учителя, особенно тотъ, помнишь: «когда опустимъ перпендикуляръ, то сто- роны будутъ равны». И подруги хохота- ли, прыгали, передразнивали своихъ злосчастныхъ наставниковъ... Особенно былъ тамъ одинъ.. Ахъ, Мари, какіе усики; я его видѣла во снѣ въ прошед- шую ночь.. Ты видишь, я отъ тебя ни- чего не скрываю, а ты?... нечего, нече- го, зваю!. хороша подруга! Если бы не Катись, мнѣ-бы и въ голову не приш- ло.. Этакъ, madame, не дѣлается между друзьями.. и Евгенія надула губки; но и сердиться не могла она долго. Черезъ иѣсколько секундъ она засмѣялась, снова обняла скрытую Мари..

— Ну, ну, прощай, на первый разъ... извольте скорѣй говорить, кто *этотъ сча- стливецъ*, какъ говорятъ мужчины, кто этотъ негодный, которому удалось завое- вать сердце, у нашего институтскаго ми- зантропа?

II.

въ семнадцать лѣтъ.

Она и въ семнадцать лѣтъ все тотъ-

— Но, Eugénie, ты право ребенокъ; и посмѣялась Катинь, а та, болтушка, ужъ всѣмъ разсказала...

— *Всѣмъ!*.. это что значить? Такъ и я принадлежу по вашему къ этимъ *всѣмъ!* Евгенія собиралась сердиться снова; но на этотъ разъ подруга ее предупредила.

— Ну, не сердись, *mon ange*, ты всекое слово толкуешь по-своему. Ну, дай-же руку... *sarcisieuse*... ну, скажу, скажу; по съ условіемъ—не говорить.

— Никому, никому! и Евгенія, горлабодитствомъ, прижалась къ подругѣ, боясь проронить малѣйшій звукъ ея голоса. Ну, кто же? да, ну же!..

— Ты его знаешь—да!

— Военный?

— Нѣтъ.

— Такъ ужъ не *cousin* ли?

— Нѣтъ.

— Петръ Ивановичъ?

Марія покачала отрицательно головою.

— Но кто-же, Боже мой?

— Сержъ.

— Сержъ?.. Вотъ мило! ну, ни какъ не угадала бы сама. Но какъ же это было? Разскажи мнѣ все, все...

— Боже мой! все... онъ любить меня, я люблю его, мы оба знаемъ объ этомъ; поклялись принадлежать другъ другу—вотъ тебѣ всѣ подробности. А если бы ты знала, Эйжени, какая у него душа, какъ онъ любитъ меня!..

— Что-жъ, папа твой знаетъ объ этомъ?

— Какъ-же! Сержъ дѣлалъ ему предложеніе по формѣ; но, вообрази... и счастливая Марія залилась слезами... вообрази, онъ хочетъ, чтобы я вышла за этого свѣршаго, гадкаго старичишку, князи Карельскаго! — Я отказала на отрѣзъ; и сказала, что не выйду ни за кого, кромѣ Сержа; что пойду въ монастырь, что уморю себя съ голода... Папаша поворчалъ, поворчалъ и, кажется, согласился. И ясное солнышко снова выглянуло на пасмурномъ личикѣ Маріи.

— Какъ ты счастлива! пролепетала

Евгенія, сдѣлавъ томные глазки и слегка вздохнувъ. Дѣвушки не могутъ безъ вздоха слышать о замужствѣ своихъ подругъ,—даже самыхъ искреннихъ!..

Поболтавъ еще нѣсколько времени, подруги разстались пріятельницами по-прежнему. Но были ли онѣ ими въ душѣ?

Нѣсколько недель спусти, наша рѣзвушка Евгенія сидѣла что-то довольно смирно въ большомъ, зеленомъ вольтеррѣ, своего папа. Если-бы кто-нибудь повнимательнѣе всмотрѣлся въ лице ея, то, можетъ быть, нашелъ бы на немъ слѣды думы, душевной тревоги и даже борьбы страстей; — стало-быть она уже не *ребенокъ*?.. Ай, ай, посмотрите, она ужъ украдкою читаетъ что-то, и глазки ея горятъ, щечки рдѣютъ, грудь бьется подъ кружевною косылкою, какъ голубь въ силкахъ; а она читаетъ эту бумажку ужъ не въ первый разъ; то известно вамъ по достовернымъ свидѣніямъ. Плохо, плохо!.. Но вотъ, — Творецъ небесный! не морочить-ли насъ миленьная шалуныя,—посмотрите, ради Бога: передъ врю на колыняхъ мужчина; да это бы еще куда ни шло, а то этотъ мужчина—Сержъ, женихъ ся подруги!..

— Благодарю, благодарю, ангель мой! вы воскресили умиравшаго, вы подали руку спасенію тонувшему. Эти слова, Боже мой! и я не сошелъ съ ума отъ счастья... Евгенія, Евгенія! полно не сошь ли это, не брежу-ли я?.. О, увѣрьте успокойте меня; дайте мнѣ изъ этихъ устъ услышать что вы не шутите, что вы точно любите меня; любите тою же пылкою, бѣшеною любовью, которою полно мое сердце, которая высказывается сама въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи... и пр. и пр. и пр.

Онъ ужъ благодарить ее, какъ видите, — часъ отъ часу не легче!.. Она не отвѣчала на эту восторженную безсвязицу, но подала ему свою крошечную ручку,

опъ сжигала ее своими поцѣлуями. Ангелъ Евгеніи приняло особенное выраженіе; все черты его озарились какимъ-то тихимъ, ровнымъ свѣтомъ: такъ огонь просвѣчиваетъ сквозь мраморную вазу. Она улыбалась; но этою улыбкою выражалась не одна любовь; это была смѣсь насмѣшки, блаженства, удовлетворенной гордости, погорга, кокетства, и Богъ вѣдаетъ, чего не было въ этой улыбкѣ.

Да, трудно читать въ сердцѣ женщины; еще труднѣе разгадать значеніе ея улыбокъ... Въ это самое время другая ручка, такая-же прелестная, какъ и ручка Евгеніи, дрожала надъ цвѣтною бумажкою, влажною отъ слезъ, и чертила на ней слѣдующія строки...

«Отецъ мой правъ: я была глупа. Я рѣшилась... прощай, Сержъ, другъ мой! За чѣмъ думать о томъ, что предстоитъ мнѣ въ будущемъ, я рѣшилась, и не переѣню своего рѣшенія... Между прошедшимъ и настоящимъ—цѣлая вѣчность. То былъ одинъ сонъ, рѣдкій, завидный сонъ, ужасный сонъ... И постараюсь забыть его... Но будутъ ли имѣть на то довольно силы? Богъ вѣсть.—Мнѣ кажется, я могу быть теперь лучшимъ другомъ Евгеніи... Страданія, какъ мудрость, наставляютъ и укрѣпляютъ человека...

«Прощай, прощай Сержъ, люби ее, не отнимай у Евгеніи ея будущаго; она такъ прекрасна. Мнѣ не въ чемъ упрекать тебя; не за что и прощать; человеку не дана власть управлять своимъ сердцемъ.»

«Марія».

Черезъ часъ вышелъ отъ нея родственникъ, потирая отъ удовольствія руки, и бормоча себѣ подъ носъ: «накоонецъ, слава Богу, согласилась... и буду тестемъ князю... я буду камергеромъ... и буду» остальные будущія блага скрылись вмѣстѣ съ нимъ, въ дверяхъ слѣдующей комнаты.

А Евгенія? была-ли она вполне достойна этого пожертвованія, этого героическаго поступка, своей бѣдной подруги?

Съ стѣсненнымъ сердцемъ должны мы сознаться, что нѣтъ. Избалованная похвалами, потворствами и комплиментами вздыхателей, она закидывала счастью своей подруги. Эгоистка! она не могла простить ей, что шелся человекъ, который предпочиталъ красоту Маріи ея красотѣ. Струпа оскорбленнаго самолюбія зазвучала; а что можетъ заглушить звуки ея-наго сердца женщины?..

И вотъ она удовлетворена исполнѣн—возлюбленный Маріи у ногъ ея; Марія забыта, отпущена, и принуждена раздѣлить свою будущность съ старикомъ, подагрикомъ; но этотъ старикъ князь, миліонеръ. Марія будетъ одна изъ первыхъ дамъ столицы; Марія затмитъ ее своимъ блескомъ, втопчетъ ее въ грязь... И суетность слова охватила ея сердце... мысли заронились въ ея головѣ, *крошечныя свѣтскія страсти* закопошились, и, какъ вы думаете, на что рѣшилась наша Евгенія?.. Это разгадаетъ намъ послѣднее число дневника Сержа, (опъ, какъ и всякій порядочный человекъ, велъ дневникъ); нѣсколько страницъ, исписанныхъ самымъ варварскимъ почеркомъ, заняло это число... Постараемся разобрать эту китайскую грамоту...

24 сентября, 7 час. вечера. И такъ все лучшія мечты, надежды, отрады сердца, заря счастья, цвѣтная будущность,—все это слилось вмѣстѣ, чтобы съ большимъ эффектомъ лопнуть, лопнуть подъ носомъ, и показать тѣмъ всю свою ничтожность, всю дѣтскость моего ума, всю глупость сердца!.. Предчувствіе необмануло меня, все сбылось, все. Боже мой!.. Сходи съ ума, глупецъ, бѣйся объ стѣну, катайся по полу.—чѣтъ ужъ твоей Евгеніи. *Твоей!*.. Прочь надежда, мечты!.. О, если бы втрена дѣвченка, вмѣстѣ съ надеждою вырвала изъ сердца и любовь! нѣтъ, она зарыла сердце: снова забѣсновалось оно!.. Боже мой, Боже мой! какъ минута можетъ измѣнить наши чувства, мысли, лишить насъ спокойствія, счастья... Счастье, спокойствіе

—какъ эфемерны, какъ пусты эти слова!.. Еще сегодня поутру любовался я ею, считалъ ее *своею*. уже свыкался съ мыслью, о соединеніи... и между тѣмъ, въ ту самую минуту она, вѣроломная!.. она лишила меня всего, всего... она промѣняла меня, и на кого!!.. Самый адъ не выдумалъ бы мученія, подобнаго тому, которое вотъ здѣсь, въ груди...

Если бы могъ я уничтожить его однимъ словомъ, однимъ взглядомъ, чтобы онъ, сожженный этимъ взглядомъ, рассыпался въ прахъ: и бросилъ бы имъ въ лице Евгеніи... Пусть она вдохнетъ въ себя этотъ прахъ; пусть онъ прильнетъ къ ея безчувственному сердцу, въстанетъ въ него, изсушитъ его... Нѣтъ, пѣтъ, пусть будетъ она съ *тѣмъ* счастлива; пусть любитъ онъ ее; и, потомъ, когда она будетъ считать себя на верху блаженства, когда бросится къ нему, чтобы перелить въ него жаръ своего сердца въ жгучемъ поцѣлуѣ; пусть онъ съ холодностію оттолкнетъ ее, нарушается надъ ея любовью, пусть въ глазахъ ея обоньетъ своими руками другую, — но онъ старикъ, гадкій, хилый старикъ!.. Воображаю, какъ весело мнѣ будетъ видѣть ее подъ вѣнцемъ съ другимъ; а если бы случись мнѣ держать этотъ вѣнецъ! О, какъ весело!.. Я бы патиснулъ его ва ея миленькую головку, онъ вѣззался бы въ ея высокое бѣлое чело; изъ него выступила бы алая кровь; она зарумянила бы нѣжныя щечки, окапала бы подвѣчное платье; и я снялъ бы тогда вѣнецъ; свій обручъ на лбу замѣнилъ бы его. Какъ хороша была бы тогда невеста!.. Нѣтъ, нѣтъ, что я говорю? я бы съ твердостію выдержалъ этотъ тяжелый, накаленный вѣнецъ; первый бы поздравилъ счастливыхъ повобрачныхъ; я бы весело улыбнулся, и сказалъ ей: — Богъ съ тобою, Евгенія!.. будь счастлива, Евгенія!.. люби — *ею*.. нѣтъ, я вырвалъ бы скорее языкъ, чтобы онъ не произносилъ этого ужаснаго слова...

— Я познакомился бы, подружился бы съ ея мужемъ; сдѣлался бы ихъ семей-

нымъ другомъ; нянчилъ бы ихъ дѣтей — *ихъ* дѣтей!.. мои объятія смяли бы ихъ, мои поцѣлуи задушили бы ихъ; и она бросилась бы ко мнѣ, стала бы вырывать ихъ изъ рукъ моихъ; и я бросилъ бы мертвымъ ребенкомъ въ ея мужа... Страшно!.. нѣтъ! я не былъ бы такимъ извергомъ; я выянчилъ бы этихъ малютокъ на рукахъ своихъ; и образовалъ бы ихъ вдовствіемъ; я научилъ бы ихъ быть вѣрными, постоянными; или нѣтъ, научилъ бы ихъ вовсе не любить никого; никого!..» Но довольно. Читая эту галиматію, невольно призадумался, и пожалѣешь искренно бѣдняковъ, у которыхъ страсти отнимаютъ драгоценнѣйшій даръ неба, даръ, которымъ Творецъ отличилъ челоуѣка отъ безсловесныхъ... Черезъ мѣсяцъ Евгенія вышла за князя Карельскаго. Въ тотъ же самый день *отринутой* Сержъ, соединилъ судьбу свою съ *отринутою* имъ Маріею.

Vanitas vanitum et omnia est vanitas!

III.

Супруга.

Le coeur est aussi sujet aux variations que le visage.

La Beaumelle.

Таинственный, сладострастный полусвѣтъ будуара, придаетъ Евгеніи какую то неизяснимую, фантастическую прелесть. Густыя складки ея кисейнаго negligee, волнами сбѣгающія съ кушетки, на которой она полулежитъ, полусидитъ, — ея бѣлое, томное личико, слегка наведенное розовымъ отсвѣтомъ отъ спущенныхъ завѣсокъ, ея полузакрытые глазки и крохотка-ручка, небрежно перелистывающая богато-переплетенный кипсекъ, довершаютъ очарованіе... Кто видѣлъ Евгенію за два года до этого, изумится, увидѣвъ ее теперь: такъ перемѣнили ее два года замужства. Самый зоркій, наблюдательный глазъ не замѣтитъ въ этихъ медленныхъ, уповательно-роскошныхъ движеніяхъ тѣни той рѣзвой,

беззаботной, павивной пансіонерки, какую оставили мы ее въ предыдущей главѣ. Женщины совершенствуются въ науку *свѣта* съ непостижимою быстротою. Евгенія вздохнула; кипсекъ выскользнулъ изъ ея ручки, и упалъ на богатый коверъ. Евгенія ужъ вздыхаетъ. Невѣроятные успѣхи!

О чемъ же вздыхаетъ она?

Вѣрно какойнибудь сантиментальный рассказъ навелъ легкое облако грусти на ея чистое сердце. Нѣтъ!

Вѣрно старый мужъ отказалъ ей купить новую шаль, новый фермуаръ, новую карету, новыя...

Нѣтъ, нѣтъ!

Вѣрно взбрѣла ей на мысль институтская жизнь; вспомнила она о своихъ подругахъ; а можетъ быть, объ своей первой любви, объ Сергѣ...

О, нѣтъ!

Въ сосѣдней комнатѣ раздался пискъ дитяти.

А, такъ вотъ причина ея грусти; вѣроятно, ребенокъ ея боленъ, и материнское сердце...

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!..

Но вотъ дверь тихо отворяется, и въ ней появилась какая то черная фигура... Евгенія быстро подняла свою головку; посмотрите, какъ засверкали глаза ея, какая свѣтлая улыбка заиграла на ея устахъ. Неужели Евгенія—супруга, мать...

Ахъ, да!..

—О, Александръ! ты просто варваръ... Три часа, Боже мой, цѣлыхъ три часа заставлялъ ждать себя... Ты хочешь убить, уморить меня?..» и она досказывала свои упреки жаркими, жаркими поцѣлуями; и эти предательницы ручки притягивали черное существо, ближе, ближе къ сердцу... Черное существо было, разумѣется, мужчиною; разумѣется не старый мужъ ея; разумѣется... ахъ, къ сожалѣнію въ наше время въ подобныя случаяхъ вовсе не нужны подробныя объясненія: намъ это такъ знакомо. Ограничимся однимъ—*разумѣется!*..

—Ну, скажи же, негодный, что могло такъ долго задержать тебя: вѣдь я тебѣ писала въ шесть, а теперь, смотри, теперь скоро девять!..»

—Ахъ, топ апге, хорошо тебѣ рассчитывать; а я, что могъ сдѣлать я, принужденный все это время умирать отъ скуки, и сходить съ ума отъ злости, слушая, адски-невыносимыя увѣщанія и *натягиванія* стараго воркуна дяди!.. Не смотря на все мои продѣлки, на все мои хитрости, онъ не выпускалъ меня изъ своихъ когтей во все это время... но наконецъ... Онъ поцаловалъ Евгенію; и забыты все пытки, все непріятности... Онъ протянулъ съ самодовольствомъ ноги, вздохнулъ, какъ обыкновенно вздыхаютъ, садясь въ эластическія кресла, — послѣ трехъ часовой ходьбы, откинувшись на подушку, и по видимому вовсе не расположенъ былъ отвѣчать на жгучія ласки Евгеніи.

—Бѣдвенькій! и она положила свою голову на плечо его, и глазами, полными блаженства, упоенія и восторга, смотрѣлась въ безжизненные глаза *чернаго*... видно она ужъ привыкла къ этой холодности!

—Ахъ, да! наконецъ началъ онъ: «представь... о, какъ онъ уморилъ меня.. И громкій хохотъ мѣшалъ ему говорить.

—Вчера встрѣтилъ я въ театрѣ твоего старика... Подходить ко мнѣ, улыбается жметъ руку, и голосомъ дребезжащимъ отъ ввутренняго удовольствія, сообщаетъ мнѣ новость, что я могу поздравить его съ наследникомъ!..

—Александръ!—И, вспыхнувъ яркимъ румянцемъ стыдливости, она погрозила ему; потомъ захохотала какимъ-то стравнымъ, особеннымъ образомъ, и обливаясь слезами, бросилась къ нему на шею... Что за стравныя существа эти женщины: смѣются и плачутъ, въ одно и то же время!..—Александръ! не говори мнѣ объ этомъ, другъ мой!.. я право такъ глупа, такъ смѣшна... но все равно, сдѣлай милость не говори объ этомъ.

Она стыдится доброй черты ея прекраснаго, хотя заблудшаго сердца; Боже мой! какъ ужасно, какъ дорого стоитъ намъ это *знаніе свѣта*. Въ сосѣней комнатѣ снова раздался пискъ. Лице Евгеніи приняло какое-то ангельское, неземное выраженіе. Она выпорхнула за дверь, и чрезъ секунду стояла уже прелѣ Александромъ, съ маленькимъ крикуномъ на рукахъ; она была прекрасна, какъ мадонна Рафаэля.

Малютка ужъ не плакалъ: онъ барахтался руками и ногами... Она приблизила его къ Александру, и крошечныя рученки оплелись во кругъ его шеи... Если бы любовь не была слѣпа, нѣжная мать замѣтила бы, какую гримасу сдѣлалъ топсіенг, принимая ребенка изъ рукъ ея и едва касаясь губами его розовенькой щечки. А она плакала отъ полноты сердца; она впивала въ себя звукъ этого поцѣлуи, и, вырвавъ малютку изъ рукъ его, привилась поцѣлуемъ къ пухленькой щечкѣ; такъ пчела высасываетъ киплю меда изъ цветка, въ чашечку котораго только что упала росинка небесная... Бѣдная, слѣпая мать! нѣтъ, счастливая мать!

— Да смотри жъ на него, Александръ; посмотри на его глазенки, на его носикъ, губки—не правда ли, вѣдь онъ похожъ... Зарвво стыдливости снова набѣжало на ея блѣдныя щеки; она не договорила, на кого походилъ крошка...

— Но Eugénie, ребенку нуженъ покой; смотри, онъ совсѣмъ спитъ, отдай его кормилицѣ.

Евгенія жалобно посмотрѣла на малютку; ей жаль было разстаться съ нимъ, къ тому же онъ смотрѣлъ во все глаза, вовсе не чувствуя расположенія ко сну. Но она повѣрила, что ему хочется спать, и отвесла малютку.

Онъ пребылъ у нея до поздней ночи.

— Пора, топ анге; старикъ скоро воротится изъ клуба.

— Но когда же опять... душечка? И она сжала его въ объятіяхъ, и слезы текли ручьями, на бездушное лице Александра.

Ребенокъ! — Онъ сказалъ ей: только ребенокъ!

И ребенокъ, стыдясь своей слабости, пересталъ плакать: довольно спокойно простился съ своимъ *наставникомъ*; но не утерпѣлъ таки, чтобы не прошептать «завтра» и сколько чувства, сколько грусти, молюбы, ожидашія было въ этомъ завтра!..

— Если можно будетъ... было отпѣтомъ на это *завтра*. Онъ ушелъ. Она осталась на одномъ и томъ же мѣстѣ, безъ движенія, съ склоненною головою, опущенными руками... вздохнула, какъ вздыхала до его прихода, и снова винулась на кушетку.

Теперь вы знаете—о чемъ вздыхаетъ Евгенія.

Прошло два днѣ. Въ гостиную вошелъ нашъ общій знакомецъ — Александръ. «Какая досада! и здѣсь ея нѣтъ! Но все равно, вотъ ея рабочая корзинка»—и онъ опустилъ въ корзинку искусно свернутую розовую бумажку... «А, дружище, сколько лѣтъ, сколько зимъ!» воскликнулъ лысый старичекъ, низенькій, приземистый, съ самою наиполю улыбкою на губахъ,—входя въ комнату и протягивая руку Александру. «Насилу-то! А мы, съ женой, ждали васъ, ждали; да и ждать перестали!» И онъ смѣялся отъ души своею *риемль*. «Шутка, чай, мѣсяца два не бывали ужъ у насъ. Дорогой гость, рѣдкій гость!—прошу садитьсяя». Подобнаго рода восклицанія и шуточки сыпались градомъ одна за другой, и не давали ошоломѣвшему гостю выговорить ни одного слова.

—Что, ужъ неженился-ли собираетесь, что зажали такимъ пустышкикомъ—а? Чтожъ, доброе дѣло, доброе дѣло... На комъ? сколько душъ?» и пошло, и пошло. —Помилуйте, съ чего вы... бормоталъ тотъ, и снова долженъ былъ молчать, перебиваемый догадками и предположеніями старика.

Приходъ Евгениі прекратилъ наконецъ эту пытку для Александра. «А, Александръ Васильевичъ! а мы думали, что вы совсѣмъ пропали изъ Петербурга!» И она съ такою естественностию, съ такою непринужденною простотою говорила это, что обманула бы и не старика мужа. Вы видите, она далеко ушла въ искусствѣ притворяться. Думаю, читатели не много потеряютъ, если я избавлю ихъ отъ пересказыванія всего того, что говорилось княземъ, Евгениею и Александромъ. Послѣдній съѣздъ имъ визитъ для отвращенія подозрѣній, а, можетъ быть, тому была и другая причина; но объ этомъ послѣ. Визитныя посѣщенія холодны, натянуты, бездушны, а потому и не удивительно, что не прошло и получаса, какъ гость всталъ, раскладывая и вышелъ изъ гостиной, не слишкомъ-то довольный, и бормоча подъ носъ: — Чертъ возьми, она и не показывалась...

Евгения по выходѣ его осталась съ мужемъ. Онъ барабанилъ пальцами по стеклу; она съѣла за рабочій столикъ.

— Славный малый! проговорилъ онъ наконецъ. Жаль, что скоро ушелъ, я бы показалъ ему *своего сына*. Онъ спитъ, душечка?»

Евгения кивнула головою, и чтобы не отвѣчать, начала чего то искать въ корзинкѣ. Подъ руку попалась ей розовая бумажка. Личико ея вспыхнуло любопытствомъ; то была корзинка ея компаньонки, бѣдной дѣвушки, которую взяла она въ домъ, больше изъ состраданія, чѣмъ собственно для себя.

Старикъ вышелъ въ другую комнату; — онъ не подозрѣвалъ, что исполнялъ неумышленно сердечное желаніе жены своей. Добрый человекъ!

Она торопливо развернула бумажку.. Бѣдпал, бѣдпал! что бы ей послушаться русской пословицы: *много будешь знать — скоро состаришься!* И точно, одна минута состарила ея сердце тридцатью годами; въ рукахъ ея бы ло стра-

стное посланіе Александра къ ея компаньонкѣ.

IV.

МАТЬ.

The future never renders to the past
The young beliefs entrusted to its keeping.
Inscribe one sentence, life's first truth and last
On the pale marble Where our dust is sleeping.
We might have been.

Miss Landon.

Прошу читателей извинить за маленькую романическую вольность; мы съѣдаемъ небольшое *pas de chat* на двадцать лѣтъ впередъ, и посмотримъ, что подъявляетъ наша любовница, Евгениа. Не бойтесь, она жива, здорова, даже весела; да это и въ порядкѣ вещей, не правда-ли? Прошло двадцать лѣтъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ; Евгениа сорокъ первый годъ; Евгениа потолстѣла; роскошная свѣжесть лица ея увяла; огонь глазъ потухъ; въ теперешней Евгениі, Евгениі вамъ не узнать, страстной Евгениі, вздыхающей по своемъ Александрѣ... Сердце ея перегорѣло въ горнилѣ страстей; оно холодно, безчувственно, неподвижно; грустно видѣть, какъ время обкрадываетъ насъ; но это будущая участь — утѣшимся.

Миленькій пискунъ — теперь ужъ красавецъ-мужчина, съ красивѣйшими усиками, въ гусарскомъ долманѣ, онъ одинъ изъ первыхъ наѣзтниковъ въ полку; одинъ изъ первыхъ любезниковъ въ гостивыхъ; одинъ изъ первыхъ счастливецевъ — въ будуарахъ... Матушка не палюбуется на своего сынка, и если-бы я могъ пересказать вамъ всѣ надежды, всѣ планы, которые родятся въ головѣ ея, въ то время, когда онъ безъ надеждъ, безъ плановъ, полною чашею пьетъ радости настоящаго, не думая оставить драгоценной влаги на будущее... Завидные годы!.. Но родникъ удовольствій для него еще далеко не исчерпанъ; драгоценнѣйшій алмазъ его еще не освобожденъ изъ-подъ коры равнодушія: сердце Владимира еще

не извѣдало любви. Разумѣется подѣ этимъ я понимаю не то, что привыкли мы называть *любовью*;—нѣтъ я говорю про то чувство, для котораго впервые изобрѣтено это слово.

Но алмазу трудно укрыться отъ глазъ рудокопа; блескъ его измѣняетъ ему и подѣ слоями земли и грязи. Сердце Владимира не долго искало любви; желанная гостья спорхнула съ неба, и обвила его своими розовыми крылышками... Но какъ алмазъ съ незапамятныхъ временъ слѣпъ, не смотря на всѣ усилія заботливыхъ матушекъ и разчетливыхъ батюшекъ отстранить это ужасное неудобство; то и не удивительно, если и на этотъ разъ стрѣла его пущена была не въ-попадъ: княжескій сынокъ влюбился въ въ бѣдную, безвѣстную дворяночку. Съ сыновьями не такъ-то легко управиться, какъ съ дочками. По милости вѣка, безусловная покорность волѣ родительской, одна изъ добродѣтелей нашихъ предковъ, теперѣ далеко не безусловна. Ни мольбы ни угрозы, ни *резоны*, ни примѣры, какъ ни прекрасны были они, не могли подвѣствовать на упорнаго гусара. Евгенія Александровна, (пора дать ей и отчество,) была въ отчаяннѣ; упорство сына перевернуло вверхъ дномъ всѣ ея воздушныя замки; а они были такъ затѣйливы, такой приманчивой архитектуры... Она отъ души проклинала любовь и глупцовъ, которые подставляютъ свои шеи подѣ ея ярмо,—полобно одному изъ героевъ *Тысячи и Одной Ночи*, таскавшему на плечахъ морскаго старика. Неблагодарная!.. неужели такъ скоро изглаживается изъ памяти сердца прошедшее? О, если-бы это было такъ! къ несчастію, оттиски, которые оставляетъ оно на сердцѣ, неизгладимы!.. Но если такъ, отчего-же она, болѣе многихъ достойная обвиненнѣ въ глупости, которую считаетъ непростительною въ другихъ,—отчего она забываетъ свое прошедшее?.. Но кто сказалъ вамъ, что она забыла его? она его помнитъ; но за сорокъ лѣтъ голосъ разсудка беретъ

верхъ надѣ голосомъ сердца! Она, которая принесла въ жертву честолюбію себя, она-ли допустить ребенку въ одну минуту обратитьъ въ ничто годы жизни, безъ любви, безъ счастья, такъ сказать, годы жизни—безъ жизни?..

Но Владимиръ влюбленъ не на шутку; стало-быть *узырненныя средства* тутъ не помогутъ; нужно дѣйствовать рѣшительно. И она рѣшилась, она рѣшилась, для достиженія своей цѣли, лишить сына сердца, отнять у него лучшій даръ неба, составляющій цѣль земной жизни человека; частяцу небснаго на землѣ; отнять у него любовь... Боже мой, Боже мой! удивляться ли послѣ этого, что честолюбіе заставило ангеловъ возстать противъ Творца своего?..

Евгенія Александровна написала отъ неизвѣстнаго къ отцу возлюбленной своего сына письмо, въ которомъ выставила послѣдняго съ самой невыгодной стороны. И материнская рука ея могла подвѣяться на не запятанную честь своего любимаго сына!.. Нѣтъ, нѣтъ! глупецъ я, усомнившись въ неразгаданности женскаго сердца, отрѣкаюсь отъ словъ своихъ во всеуслышаніе...

Она описала его самыми черными красками; чистую любовь его осквернила названіемъ волокитства, желаніемъ обольстить невинную дѣвушку. Она клялась, что онъ любитъ другую, что онъ ужъ женихъ, что онъ чуть не обвѣнчанъ; и чего не насказала она въ этомъ письмѣ.

Планъ былъ хорошо обдуманъ. Отецъ бѣдняжки былъ честный человекъ; онъ ужаснулся, увидѣвъ бездну, въ которую готовились столкнуть его родное дѣтище; онъ запылалъ праведнымъ гнѣвомъ; родительское сердце заговорило и подѣ засаленымъ вицъ-мувліромъ; онъ выгналъ изъ дому обольстителя, *не принимая въ уваженіе* никакихъ оправданій, никакихъ клятвъ... А чтобы положить совершенную преграду между имъ и дочерью, или, какъ выражался старикъ, *не ввести изъ во искушеніе*,—онъ отдалъ ее за пернаго

присваивающагося къ ней челоуѣка. Добрякъ не могъ придумать ничего остроумнѣе этого во всю жизнь свою!

Я влюблю описывать отчаянія мужичвъ — ихъ слабость; — и Владиміръ въ этомъ случаѣ далеко не оправдалъ имени *храбреца*, которымъ величали его полковые товарищи. По крайвей мѣрѣ онъ счастливъ тѣмъ, что не подозревалъ поступка матери; онъ любилъ и уважалъ ее по прежнему. Но Евгенія Александровна: отъ того было не легче; желая спасти сына отъ заблужденія, она потеряла его со всѣмъ. Онъ уѣхалъ на Кавказъ, куда отправляются всѣ *разочарованные*, — и былъ убитъ въ первой схваткѣ съ горцами. Такъ-то не сбыточны надежды челоуѣческія! Къ чему всѣ титулы, всѣ почести и богатства женщины, отжившей для радостей, безъ надеждъ, безъ будущаго, безъ существа, которое-бы хотя не много усладило ей горечь настоящаго? Бывшая, слѣпая мать!..

Продолжать-ли мнѣ мой грустный рассказъ; да и что разказывать вамъ? Какъ протекли остальные годы жизни Евгеніи, а она жила еще долго; но тогда мнѣ придется лишиться ее и послѣдней черты, приязывающей васъ къ пей — состраданія. Неужели ввести васъ въ омутъ,

сплѣтней, пересудовъ и злословія, — сѣру старухъ? вѣтъ, вѣтъ! избавьте меня отъ этой тяжкой обязанности. Мнѣ стыдно стаетъ за своего идола, который разсыплется съ такимъ трескомъ въ глазахъ вашихъ.

Евгенія Александровна *почила сползъ вѣчными*, посреди мосекъ, шиндовъ и болонокъ, на глазахъ чужихъ, которые съ жадностію считали, не послѣднія минуты умирающей, а то, что оставляетъ имъ она...

Евгенія умерла. Какъ, мы уморили ее въ то время, когда она, этотъ маленькій ангелычикъ, такъ весело прыгаетъ передъ нами?.. Это глупо, пошло, безнравственно!.. Но, госнода, вѣдь все, разказанное мною, легко можетъ быть... Можетъ быть, можетъ быть!.. Къ чему же вилѣть вездѣ одну черную сторону? По чему не предположить, что жизнь этой малютки протечетъ тихимъ, прозрачнымъ ручейкомъ; что ни малѣйшій вѣтерокъ неудачи или непріятности не зарыбитъ его зеркальной поверхности; что она будетъ жить и умереть все тѣмъ-же ангеломъ, все тою-же чистою, девинною Евгеніею?..

О, дай-то Богъ!

ВЪРШНІЙ СКРИВЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ СИЛЮЭТЪ

О. Кони.

У насъ вошло въ моду вооружаться прѣтивъ водевиля. Бѣдный, робкій, веселый водевиль! Что онъ вамъ сдѣлалъ, господа критики? За что такое неутомимое преслѣдованіе, такое кровожадное гоненіе, такое отъявленное бѣшенство на бѣдный водевиль, который, кромѣ колотій въ бѣкахъ, никому никакого вреда доселѣ не причинялъ? «У насъ не можетъ быть, не должно быть волевиля!» восклицаете вы. «Это достоиніе Франціи, это дитя французской веселости! Мы не терпимъ пріемышей! Долой его со сцены!» Ваша рѣчь впереди, господа! Но позвольте: за что же тотчасъ и сгонять. Допросимъ сперва водевиля, не имѣетъ ли онъ законныхъ видовъ, съ которыми является на сценѣ цѣлаго міра, и по которымъ ему дають права гражданства во всѣхъ странахъ Европы. Водевиль, выбираетъ меня своимъ адвокатомъ, попытаюсь защитить его права, какъ умью.

Ковечпо, вы правы, волевиль—родомъ французъ. Буало говоритъ:

Le Francais ne malin crѣa le veaudeville.

И на этомъ стихѣ вы основали всѣ ваши обвиненія. Но знаменитый историкъ французской литературы разумѣлъ, подъ словомъ *водевиль*, не тотъ родъ драматическаго сочиненія, который теперь въ ходу и который хотятъ сбить съ ногъ, а особеннаго рода сатирическія пѣсни, извѣстныя подъ названіемъ пѣсень *Вирской долины* (du vaux de Vire). Веселый

старичекъ Оливье Басселень, въ началѣ XV вѣка, живя въ Нормандіи, въ долинѣ, на берегахъ рѣчки Вира, забавлялся сочиненіемъ остроумныхъ пѣсень на всѣхъ и на все. Пѣсни его потомъ перешли въ уста народа и стали называться Воде-вирами. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняютъ это французы. Но мнѣ кажется, что названіе водевиля можно произвести отъ гораздоближайшаго корня. Въ 1825 году, я читалъ въ какомъ-то французскомъ журналѣ письмо Адриана ле Руа, писанное въ половинѣ XVI вѣка*, въ которомъ онъ говоритъ, что при дворѣ сочиняють и поють множество остроумныхъ куплетовъ, подъ названіемъ *airs de cour, придворныхъ пѣсень*, что народъ съ жадностію ихъ подхватываетъ, пускаетъ по рукамъ и называетъ ихъ *voix de ville, городскими голосами*. Вѣроятно изъ очень естественнаго названія *voix de ville* (пѣсни, холящія по городу) родилось сокращенное слово *veaudeville*. Какъ бы то ни было, эти пѣсни имѣли огромный успѣхъ во Франціи. Ихъ пѣли на улицахъ и площадяхъ старики, не рѣшавшіеся просить милостыни, стоя на бочкахъ и сопровождая пѣніе скрипкою

* Въ царствованіе слабаго Карла IX и грозной Екатерины Медичи, когда п дворѣ, и народѣ, и духовенствѣ были раздѣлены на партіи. Разумѣется эта эпоха была весьма удобна для сарказма.

или другимъ инструментомъ. Народъ оставался, слушалъ, смѣялся колкимъ замѣткамъ и остроумнымъ приваровленіямъ въ куплетахъ, — и охотно клалъ лепту въ старую шляпу пѣвца. *Валь де Вири* или *Вуа-де-вилли*, вошли во всеобщее употребленіе и сдѣлались народными. Въ куплетахъ осмѣивались нравы того времени, интриги двора и партія гугенотовъ. Варолюмеевская ночь приучила французовъ къ спектаклямъ сильнымъ. Итальянцы играли значительныя роли при дворѣ и вскорѣ фамалин Медичи и Кончини перенесли итальянскую комедію во Францію. Французскій театръ родился изъ итальянскаго: Пульчинелло и Арлекинъ, народные типы Италіи, перебрались на ярмарки во Францію. Арлекинъ приобрѣлъ права гражданства: онъ былъ веселъ, остеръ, плутовать и насмѣшливъ, онъ былъ въ душѣ французъ. Въ контрасть къ нему явился Пьерро, потомъ къ нимъ присоединились Жокрисы, Крипины, Скапины, ужъ чистые французы, и пѣся веселая компанія на театрахъ, основанныхъ на вишнихъ бочкахъ, тѣшила честной людъ невинными шутками. Но въ шуткахъ скрывалась тайная насмѣшка, въ нихъ было много указаній на злоупотребленія, на предразсудки и пошлости вѣка. Это родило ихъ съ Вуа де Виллями и вуа-де-вилли скромно приидлись къ концу ярмарочныхъ шутокъ. Итальянецъ *Францискъ*, отличный арлекинъ и еще лучший спекуляторъ, первый началъ прибавлять *водевилы* въ концѣ арлекинада, который давалъ съ своей труппой на ярмаркахъ Сенжерменской и Сенлоренской. Представленія его славились и даже многіе изъ знаменитыхъ писателей XVI и XVII вѣковъ трудились для *ярмарочнаго театра* (*théâtre de la foire*). Отъ пѣсенъ названіе *водевилы* перешло и на піесы, въ которыхъ пѣлись эти пѣсни.

Великій гений Мольера осмѣивалъ пороки своего вѣка гуртомъ. Онъ осмѣивалъ ихъ въ созавіяхъ большихъ, смѣшныхъ

по наружности, но въ самомъ дѣлѣ глубоко ихъ. Обще-человѣческія страсти требовали широкаго разгула и Мольеръ рисовалъ свои характеры широкою кистью. Онъ такъ сказать, все осмѣивалъ, а казнилъ пороки, выставляя ихъ на позоръ насмѣшки и презрѣнію. Но кометы на горизонтѣ литературы также рѣдки, какъ и на небѣ; а Мольеръ былъ кометою первой величины. Послѣ него во Франціи остались люди съ талантомъ, но не было гениевъ, равныхъ ему.

Новые комическіе писатели обратились къ роду болѣе легкому и понятному для народа: къ *комедии гражданской* (*comédie bourgeoise*), какъ ее тогда называли, въ различіе отъ большихъ твореній Мольера, прозванныхъ *высокою комедіей*. Принаровляясь къ духу времени и праву народу, новые авторы начали приправлять общій сатирическій тонъ своихъ созавіи мелкими эпиграмами, легкимъ сарказмомъ высказаннымъ въ куплетѣ. Это называлось пересыщать комедію *аттическою солью*. Вотъ начало *водевилы*. Настоящими отцами *водевилы* во Франціи были два остроумнѣйшіе писателя своего вѣка Лесаажъ и Пиронъ, авторы «*Турка-рета*» и «*Метроманинъ*».

Лесаажъ былъ счастливъ, какъ комическій писатель и еще счастливѣе, какъ куплетистъ: двухъ счастлихъ было для него слишкомъ много, онъ слилъ ихъ въ одной сдѣлался вѣсчастливѣйшимъ *водевиллистомъ*. Какъ комическій писатель онъ ставилъ лучшія піесы на сцену *французской комедии*. Успѣхъ его піесъ — самолюбіе актеровъ приписывало себѣ, это его бѣсило; онъ сталъ писать язвительные куплеты на актеровъ, это бѣсило ихъ — и вотъ послѣдовала рѣшительная ссора Лесаажа съ театромъ. Но у Лесаажа не было денегъ, онъ былъ богатъ только славою, на славу хлѣбникъ не отпускалъ ему пяткопѣчной булки; а надо было жить, чтобы писать, и ѣсть, чтобы жить. И вотъ великій Лесаажъ пустился писать для *ярмарочнаго театра*. Онъ работалъ на него 20 лѣтъ, обогатилъ его, но ярмарочный театръ не обогатилъ Лесаажа: онъ умеръ въ нищету. Пиронъ былъ счастливѣе своего соперника, котораго не вавидѣлъ; онъ писалъ, чтобы пить и пропивалъ все заработав-

* Интересную исторію арлекинада въ Италіи и Франціи, я постараюсь сообщить читателямъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ Пантеона.

ное также скоро, какъ писалъ. Отличный трагикъ, умный комикъ любилъ *три наслаждения въ жизни нашей*: любовь, вино и игру. Цель водевиля, имъ основаннаго, ясно видна изъ одной его пьесы, называемой: «Дети веселья» (*les enfants de la joie*). Онъ требуетъ, чтобъ эти «дети веселья» (т. е. куплеты) помогали *исправить пороки и вынуть скуку изъ сердецъ несчастныхъ смертныхъ.*» Даже Кардипаль Ришельё, великій политикъ, поощрялъ водевилистовъ. Онъ звалъ пользу, какую приносятъ ихъ насмѣшки, часто игравшія и на политическихъ струнахъ, а Ришельё, какъ извѣстно, былъ такъ высокъ, что даже Петръ Великій преклонился предъ его статуею.

Позднѣе, преобразователемъ водевиля явился Панаръ. Онъ согналъ со сцены арлекина съ его причетомъ и замѣнилъ ихъ чисто французскими характерами, восемьдесятъ четвертой пробы. Вотъ его опредѣленіе водевиля: «Этотъ родъ поэзи, любимый французами, уважаемый иностранцами, лучше всего способствуетъ показать игривость и остроту ума (*les saillies de l'esprit*), къ развитію смѣшныхъ сторонъ въ народѣ и къ исправленію нравовъ.» Мармонтель называлъ Панара *отцемъ нравственнаго водевиля, Лафонтеномъ куплета.*

Вотъ вся исторія происхожденія *водевиля*. Почему же онъ принадлежитъ Франціи исключительно? Основаніемъ ему служитъ легкая сатира на нравы и веселость; цѣль его, по Широну и Панару, «*исправление пороковъ, осмысленіе предразсудковъ народа, и развеселеніе честныхъ людей шривостью и остротою ума.*» Форма его есть общая форма комедіи, съ тою только разницею, что его капва легче набросана, а характеры очерчены эскизно. Отчего же послѣ этого такому роду творчества не принадлежать всѣмъ и каждой странѣ, всѣмъ народамъ вообще и каждому въ особенности? Развѣ мы можемъ пожаловаться на недостатокъ веселости въ характерѣ? Развѣ мы не имѣемъ семейныхъ пороковъ, которые надо исправлять, народныхъ или мѣстныхъ предразсудковъ, которые должно осмѣивать? Развѣ шривость и острога ума не есть достоинствіе русскаго человѣ-

ка, такъ же, какъ и француза? Я думаю даже, что по характеру нашему, мы болѣе всѣхъ другихъ народовъ схожи съ французами. Почему же не быть у насъ водевилю, рожденному во Франціи и нынѣ слѣдующему космополитомъ цѣлаго міра? Воля ваша, нѣтъ никакой причины.

Водевиль состоитъ изъ двухъ элементовъ: драмы и куплетовъ. Первая должна имѣть собственное достоинство, какъ созданіе творчества. Въ существованіи драмы у насъ—никто не отперется. Куплеты—суть эпиграмы, которыя даютъ ей рельефъ, которые для того вставляются въ драму, что онѣ вѣрнѣе западаютъ въ сердце и въ память. Вотъ откуда поясняется неизвѣстный успѣхъ водевилей во всей Европѣ. Французскій водевиль Мелевиль правъ, говоря:

Souvent les plus graves leçons
Endorment tout un auditoire,
Mettons la morale en chasons
Pour la graver dans la mémoire.
A ses vœux chanteurs, dit-on,
Rendant l'enfer même Jocile, и пр.
то есть:

Страхъ усыпительны для всѣхъ
Черезъ-мѣру строгіе уроки;
Но, чтобъ урокъ имѣлъ успѣхъ,
Браните въ пьескахъ пороки.
Намъ доказалъ пѣвецъ Орфей,
Весь адъ куплетомъ пересилъ,
Что толки нравственныхъ рѣчей
Не стоятъ съ толкомъ водевиля.

Дадимъ же мѣсто водевилю въ быту русскаго творчества, примемъ его въ подданства русскаго сцены, потому что онъ у насъ возможенъ, какъ и вездѣ. Можетъ быть, мнѣ возражатъ, что водевиль потому французскій, что въ французскомъ водевилѣ много остротъ, основанныхъ на гибкости языка, на двусмысленныхъ оборотахъ рѣчи, на каламбурахъ, къ которымъ нашъ языкъ неслишкомъ способенъ. Совершенно справедливо: но это частности въ водевилѣ. Драма и остроуміе, комизмъ характеровъ и эпиграма могутъ существовать и безъ каламбура. Если разсуждать такъ, то намъ придется отказаться отъ

многого. На-примѣръ, опера есть такъ же неестественный родъ сценическаго представленія. У насъ въ пародъ никто не поетъ, когда у него на сердцѣ скребутъ кошки, никто не распускается въ руладахъ въ минуту предсмертныхъ судорогъ, или по крайней мѣрѣ, такіа рулады весьма не изящны; а въ оперѣ все это дѣлается. Къ тому же опера урожденная италянка. Однако мы приняли же ее и призвали ея законность на сценѣ. Балетъ такъ же родился между глухо-нѣмыми, а мы слушающіе и вонющіе—смотримъ же его и восхищаемся имъ. Искусство имѣетъ свою область, въ которой и анти-нормальность природы допускается, потому что цель искусства говорить воображенію и чувству. Можетъ быть водевиль у насъ не уважаютъ потому, что этотъ родъ творчества кажется слишкомъ легкимъ, эфемернымъ; но въ сущности онъ не такъ легокъ, какъ думаютъ. Сочиненіе водевиля требуетъ отъ автора многого, безъ чего легко можетъ обойтись сочинитель драмъ и комедій. Въ тѣсноту своей рамы и разгулу меньше, а палло поражаютъ оковчателъностію и полнотою создавша паровъ съ другими. Водевиль, особенно въ той формѣ и съ тѣмъ направленіемъ, которое ему нынѣ далъ Скрибъ, требуетъ много ума, творческаго таланта и знанія сердца, нравовъ и сцены. Это рѣшительно новый родъ сценическихъ произведеній, которымъ надо дать приличное мѣсто въ области поэзіи. Магаринъ, въ своемъ «Курсѣ литературы» говоритъ: «Если этотъ родъ сочиненія умѣлъ найти себѣ мѣсто между произведеніями изящной словесности, то ему надо отвѣсть мѣсто и въ курсѣ литературы.—Въ искусствахъ не должно ничего отвергать. Всякое творчество, въ какой бы оно формѣ не выливалось, должно быть уважаемо и чѣмъ больше будетъ формъ въ искусствахъ, тѣмъ они становятся выше и разнообразнѣе.»—И въ самомъ дѣлѣ, почему Орловскаго не уважать также, какъ Брюлова. Развъ превосходный головки и рѣзкія черты изъ нашего народнаго быта, набросавши вольнымъ, разгульнымъ, удалымъ карандашемъ Орловскаго не столь же важны для искусства, какъ и произведенія кисти Брюлова?—Такое-же срав-

неніе можно сдѣлать между водевилемъ и другими сценическими произведеніями. Если водевиль уменъ, остеръ и хорошъ, онъ стоитъ любой драмы и любой комедіи. Конечно это легкій родъ въ произведеніяхъ творчества, но и легкій родъ, если онъ достигаетъ апогея совершенства — достоинъ уваженія и признательности. Музыкантъ Шубертъ писалъ только пѣсни; пѣсня есть самый легкій родъ музыкальнаго творчества, однако Шуберта ставятъ на ряду съ величайшими гениями музыкальнаго міра.

Евгеній Скрибъ далъ современному водевилю значеніе важное въ области искусства. Суля воссозданіемъ Скриба, пѣтъ сценическаго рода пѣсь, который бы не могъ быть обработанъ въ формѣ водевиля. Скрибъ сдѣлалъ значительный переворотъ въ обихѣ стихіяхъ водевиля: и въ драмѣ, и въ куплетахъ. Въ драмѣ онъ началъ выставлять сюжеты, основанные на развитіи какой нибудь нравственной или гражданской идеи—въ жизни семейной или общественной. Это поставило его пѣсы въ параллель съ требованіями вѣка и выше прежняго ихъ назначенія. Судя по ходу дѣйствія, водевиль у Скриба бываетъ или драмою, или комедіею, или просто шуткою. Но во всякомъ случаѣ основой ему служитъ мысль нравственная или современный вопросъ, котораго драматическое рѣшеніе есть результатъ глубокихъ соображеній и чистѣйшей философіи. Зрители смѣются въ его пѣсахъ, или падъ невѣримымъ положеніемъ людсй въ свѣтъ, какъ на-пр. въ «Семействѣ Рихсбургъ», или надъ предразсудками вѣка, какъ на-пр. въ «Мадамъ де Сент-Аньесъ», или надъ ложнымъ направленіемъ воспитанія, какъ на-пр. въ «Душиемъ дит моею жизни». Выходя изъ театра, каждый зритель остерегается того, что дѣлало скрибовы лица столь смѣшными въ глазахъ толпы. *Послѣдніе дѣйствуетъ сильный закона*—сказалъ кто-то изъ философовъ и мысль эта въ полной мѣрѣ справедлива. Когда Скрибъ касается предметовъ болѣе важныхъ изъ общественной жизни—онъ поэтъ высокій. Глубокое знаніе сердца, полнота мысли, выраженной въ словами, а дѣйстви-емъ, глубина чувства и естественность

расположенія дѣйствія, даютъ ему рѣшительное право на первое мѣсто между драматургами нашего вѣка. Драммы его *Une faute*, (Вина) «Флиппъ»—«Мальвина»—» *La seconde année*» (Второй годъ,)—носятъ на себѣ слѣды высокаго поэтическаго дарованія. Даже многія изъ его оперъ написаны съ художническою отчетливостію: «Фенелла»—«Невѣста»—«Лейстеръ»—«Робертъ»—превосходныя, высокія драмы.

Теперь посмотримъ какую перемѣну произвелъ онъ въ куплетѣ. Прилагая, куплетъ не только къ роду шуточному, но и къ серіозному, патетическому и высоко-комическому, онъ необходимо долженъ былъ сдѣлать перемѣны и въ составъ куплета. Куплетъ у Скриба раздѣляется на—

эпиграмматическій,
лирическій,
описательный,
куплетъ *игры словъ* в
куплетъ *по положенію*.

Первый родъ куплета, заключающій въ себѣ простую насмѣшку, употребляетъ онъ въ пѣсахъ чисто комическихъ и въ шуткахъ, *фарсахъ*, которыхъ прямая дѣль смѣшить зрителя, безъ всякой агіере pensée. На-пр.

La mode.

Bizarre et changeante en ses lois,
Et prenant le plaisir pour code,
Sur le sage elle étend des droits;
En un mot, son nom est—la *Mode*.
En tous les temps, de la beauté
Elle sera la protectrice;
Car son guide est la vanité,
Et son ministre—le caprice.

Или:

Du temps l'irréparable outrage
Chez nous se répare aisément;
On déguise un ancien visage
Avec du rouge, avec du blanc;
Et par cette ruse innocente,
Malgré soixante ans accomplis,
On ne s'en donne plus que trente:
Sous le masque tout est permis.

Лирическій куплетъ Скрибъ помѣщаетъ тамъ, гдѣ дѣйствующее лице, провинитое глубокимъ чувствомъ любви или патриотизма, возвышается до поэти-

ческаго увлеченія. Такого рода куплетъ у него всегда бываетъ или одою или романсомъ, и часто исполненъ высокаго патетизма. На-пр.

Quoique gravé sur l'airain le plus dur,
Que de nous le temps sut détruire!
Mais nos exploits ont un registre air,
Qui des ans peut braver l'empire.
Tous ces pays, ces cités et ces champs,
Illustres par tant de victoires,
Voilà le livre où, sans erandre le temps,
L'honneur écrivit nos mémoires!

Или:

Charmant pays de France!
Tu plais au brave, au galant trouhadour:
L'un au combat pour toig's d'élance,
L'autre pour toi redit les chants d'amour!
Pourrai-je encor te voir un jour,
Charmant pays de France!

Куплетъ описательный есть пчотиннов, какъ описаніе красотъ природы или како-го нибудь происшествія. Это по большей части *баллада*. На-пр.

D'ici voyez ce beau domaine
Dont les créneaux touchent le ciel;
Une invisible châtelaine
Veille en tout temps sur ce castel.
Chevalier félon et méchant
Qui tramez complot malfaisant,
Prenez garde!

Или:

Dans les beaux vallons de Clarence,
Au fond de son noble castel,
La dame d'un preux ménestrel
Exprimait, hélas! sa souffrance.
Quand elle entend près de la tour
Un ménestrel disant ce chant d'amour:
Pour la patrie,
Quitter sa mié,
C'est un devoir;
Mais quel délire,
Quand on peut dire:
Vais la revoir!

Куплетъ *игры словъ* основанъ на игривомъ оборотѣ рѣчи или каламбурѣ, какъ на-пр:

Le bal d'aujourd'hui.

On vient danser, on vous offre une carte
Et vous perdez au son du gaboulet;
Enfin il faut bien que l'on parle,
On rentre au bal sans argent au gousset

Oui, le bon ton qui maintenant existe,
A ses plaisirs ainsi que ses dangers,
Le bal, peut-être, en est un plus triste,
Mais les danseurs en sont bien plus légers.

Наконецъ послѣдній родъ куплета, который я называлъ куплетомъ по *положенію*, есть нечто иное, какъ сцена въ пьесѣ, принадлежащая къ ходу дѣйствія, но написанная стихами.

До Скриба водевили украшались только правоучительными сентенціями въ стихахъ и пѣсенками съ веселыми припѣвами, въ которыхъ главную роль играли Венеры, Амуры, Адонисы, Хлои, Дафны, Приды и другія милыя нимфы, съ получеловѣческими страстями; вотъ въ этомъ родѣ на-пр:

Jris! l'instant s'envole
Pour ne plus revenir,
Mais l'Amour nous console
Par l'aspect du plaisir
Que l'Amour soit notre idole!

Или:

Sur le gazon, dans la prairie,
Lycas, au déclin d'un beau jour,
Demandait à sa douce amie
Le salaire de son amour.

Или:

symbole des amans fidèles,
Tendres oiseaux, chers à Cypris,
Vous, que j'ai pris pour mes modeles,
Je vous envoie à ma Nériss!

Какое милое простодушіе! Совершенно въ родѣ:

Взвейся, выше понесися,
Сизокрылый голубокъ!

Вотъ главные заслуги Скриба, оказанныя водевилю. Кроме того, онъ придалъ сценическому языку всю прелесть и естественность разговорнаго слога; онъ показалъ всю гибкость и тонкость французскаго языка и то искусство, съ которымъ драматургъ въ немногихъ чертахъ можетъ рисовать характеры сильные, высоко-комическіе и глубоко драматическіе.

Я почти напередъ угадываю возраженія, которыя могутъ мнѣ сдѣлать противники водевиля вообще и Скриба въ особенности. Они вѣроятно скажутъ :

«Водевилъ, въ той формѣ, въ какую его облакаетъ Скрибъ, не есть водевилъ, а просто комедія или драма, искаженная куплетами.» Они скажутъ: «За чѣмъ выставлять вопросы современной гражданской, общественной и политической жизни на сценѣ, когда для такихъ вопросовъ существуютъ палаты перовъ и депутатовъ, когда есть политическіе журналы, гдѣ каждый вопросъ можетъ быть разобрать и каждая партія можетъ отстаивать свое мнѣніе преніями?» Они скажутъ, что «театръ принадлежитъ исключительно области фантазій и что всякое творчество должно покоиться на вымыслѣ. Искусство не должно срисовывать природу, какъ она есть, а создавать свой міръ, свою природу, которая, подъ его вліаніемъ, должна казаться естественною.» Все это довольно остроумно, но не совсѣмъ справедливо. Такая мысль основана на древнихъ правилахъ Аристотеля; но самъ Аристотель подраздѣлялъ драматическій вымыселъ. Онъ говорилъ: *Comedia enim deteriores, tragoedia meliores quam nunc sunt, imitari conantur.* Слѣдовательно, и по его опредѣленію, только идея вымысла трагическаго должна облагораживать чело-вѣка, должна придавать ему идеальныя красоты, которыя возвышаютъ его земную природу до божественности. Древніе свято слѣдовали этому правилу и герои ихъ почти всѣ были полубогами. Но комедія и по Аристотелю должна рисовать чело-вѣка, какъ онъ есть, въ желтой лихорадкѣ его мелкихъ страстишекъ, въ оспѣ его прививныхъ пороковъ и предразсудковъ. Величайшіе современные драматурги, въ воззрѣніи своемъ на этотъ предметъ, недалеко отошли отъ Аристотеля. Гёте говоритъ: *Die Bühne ist eine moralische Antalt; сцена есть нравственное учрежденіе.* Потребность такого учрежденія есть изображеніе современнаго чело-вѣка, въ томъ видѣ, какъ онъ есть въ семейномъ и гражданскомъ быту и указаніе на то, какимъ онъ можетъ и долженъ быть. По духу времени, по направленію вѣка, наша современная жизнь сама подавляетъ всякое усиліе фантазій своею грандіозною сущевностью; тамъ, гдѣ дѣйствуетъ умъ положительный, математическій, нѣтъ уже

мѣста вымыслу. А когда жизнь принимаетъ другое направленіе—искусство должно слѣдовать за жизнью. Прежде жизнь гражданская составляла отдѣльное глѣо отъ жизни политической, тогда и искусство имѣло разныя области; нынѣ политика и гражданственность народовъ слились въ одно цѣлое и театр долженъ быть представителемъ этой жизни. Вотъ почему вопросы, интересующіе въ палатахъ и журналахъ, получаютъ такую важность и на сценѣ. Нынѣ интересы и могущество государствъ покоятся не на одной вещественной силѣ, но на силѣ нравственной, на нравахъ, промышленности, разумѣніи и образованности народовъ. Тотъ народъ сильнѣе, чье нравственное вліяніе обширнѣе. Стало быть, и самая семейная жизнь должна играть значительную роль въ политическомъ быту народовъ. Исправленіе ея, осмѣнненіе пороковъ и злоупотребленій—нынѣ сдѣлалось важнѣе, чѣмъ когда либо. Скрибъ, какъ человекъ современный, поваялъ эту мысль и началъ въ своихъ созданіяхъ выставлять семейныя картины, философію въ дѣйствіи, насмѣшку въ эпиграммѣ. Онъ не морализируетъ въ фразахъ, не передаетъ глубокихъ идей въ изреченіяхъ; онъ только рисуетъ нравы съ природою и общечеловѣческой или частной народныя слабости выставлять напоказъ со всеми ихъ послѣдствіями, представляя мораль своихъ басенъ на разумѣніе всѣхъ и каждаго. И онъ правъ: въ этихъ картинахъ заключена вся современная жизнь, вся современная исторія и мыслительность. Пускай эти созданія кажутся эфемерными; онъ имѣютъ благодѣтельную цѣль въ настоящемъ, а въ будущемъ составятъ живую летопись современнаго.

Deridendum dicere verum, quid vetat?

Корнель, древній римлянинъ, между французами основалъ во Франціи школу величія и благородства; Мольеръ—школу гражданской жизни, а Скрибъ—школу нравовъ, и въ его школу ходятъ не одни французы, но цѣлая Европа!

У насъ болѣе всѣхъ нападали на бѣдный, певинный водевилъ гг. Полевой, Ушаковъ, Бугаринъ, М. Яковлевъ и наѣонецъ нѣкій г. А. А. По странной игрѣ случая, или по ходу вѣка,

враги водевиля, сами того не замѣчая, увлеклись духомъ современности, начали писать водевиля и увы! *строгие цѣнители и судьбы*—жестоко оплошали на этомъ поприщѣ. Всѣ ихъ произведенія въ этомъ родѣ пали со славою и безъ шума, или даже не достигли до представленія:—*man thut nicht immer was man will*. Стало быть, этотъ родъ сценическихъ произведеній, по видимому столь легкій, не совсемъ-то легокъ, и требуетъ отъ автора условій, которыхъ часто люди съ значительнымъ талантомъ выполнить не могутъ. У насъ водевилъ затрудняется нѣсколько нѣкоторыми общественными условіями. Быть провинціальныи и жизнь столичная—составляютъ у насъ совершенно два различные міра. Даже между нравами двухъ столицъ существуетъ нѣкоторая разница. Притомъ же нашъ общественный бытъ въ тѣсной связи съ административными нравами. Не до всѣхъ струнъ нашей жизни водевилнсть можетъ касаться; не всѣ лица можетъ онъ сводить въ своихъ пьесахъ сословія у насъ разграничиваются слишкомъ рѣзкими чертами. Не смотря на то, у насъ, однако, съ нѣкотораго времени, образовался народный, русскій водевилъ, въ которомъ многія черты нашей жизни подмѣчены вѣрно и выставлены съ правдоподобіемъ и искусствомъ. По крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ возможности у насъ водевиля—уже нельзя; а въ этомъ-то и заключается опроверженіе главнаго обвиненія противъ водевилля.

Но обратимся опять къ Скрибу.

Августъ, Евгеній Скрибъ родился въ Парижѣ, въ 1791 году. Почти нельзя отыскать въ исторіи театра автора, который былъ бы плодовитѣе Скриба. Лопе де Вега и Кальдеронъ нѣсколько приближаются къ нему въ этомъ отношеніи, но и ихъ трудолюбивый Скрибъ обогналъ числомъ своихъ произведеній. Самый плодовитѣйшій изъ нихъ всю жизнь написалъ триста пьесъ; а французы теперь уже считаютъ *триста шестьдесятъ* драмъ, комедій, оперъ и водевилей сочиненія Скриба. И всѣ эти пьесы имѣли огромный успѣхъ. Скрибъ сынъ честнаго купца. Онъ воспитывался въ Сент-Варбской школѣ и неоднократно получалъ премію

за разрѣшеніе задачъ, назначаемыхъ кон- курсомъ четырехъ главныхъ коллегій Франціи. На пятнадцатомъ году Скрибъ осиротѣлъ. Отецъ и мать оставили ему весьма бѣдное наслѣдіе, которое онъ въ 1810 году почти вседолженъ былъ употребить на выкупъ свой изъ рекрутства. Опекуномъ Скриба былъ одинъ изъ зна- мѣннѣйшихъ парижскихъ адвокатовъ, Бонне, защитникъ генерала Моро. Онъ хотѣлъ, чтобъ молодой Скрибъ шелъ по его стезѣ. Но Евгеній не чувствовалъ призванія къ юридическимъ дѣламъ. Онъ писалъ куплеты на лекціяхъ гражданска- го права и казнилъ пороки эпиграммою, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать ихъ за- кономъ. На двадцатомъ году, Скрибу удалось пустить въ ходъ первую свою піе- су, подъ названіемъ «*Дервиши*» на теат- рѣ *Водевилл*. Знаменитый въ послѣдств- вѣи драматургъ началъ свое поприще съ жестокаго паденія: піеса его была осви- стана. За «*Дервишами*» послѣдовало еще пять водевилей—въ ту-же театральную могилу. Скрибъ не упалъ духомъ. Онъ принялся изучать драматическое искус- ство, сталъ много читать и мало писать. Хорошіе образцы и попытъ образовали его. Въ 1814 году онъ опять явился на сценѣ съ «*Графомъ Ори*»—и блистательный ус- пѣхъ увѣнчалъ его труды. Вслѣдъ за этой піесой поставлены были его: «*Ночь на- ціональной гвардіи*» и «*Новый Пурсонъ- якъ*» и слава автора росла съ каждой піе- сою.

Въ 1820 году Евгеній Скрибъ сдѣлал- ся исключительно авторомъ театра «Гер- догива Беррійской» (*Théâtre de Mada- me*), вывъ «Драматической Гимназіи» (*Gymnase dramatique*.) Въ теченіе пят- надцати лѣтъ этотъ театръ былъ обя- занъ своимъ благоденствіемъ непрерыв- ному ряду веселыхъ вдохновеній Скриба. Подъ его вліяніемъ образовались отлич- нѣйшіе таланты французской сцены, Гюгъ, Фервиль, Клейвъ, Нюма, Ал- ланъ, Г-жи Дебрео (вывъ Алланъ) и Ле- овтина Фе (вывъ Вольви). Нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Леовтину, онъ велъ отъ дѣтскихъ ролей до высоко-драмати- ческихъ. До ста піесъ его сочиненія у- крашали сцену этого театра. Изъ нихъ величайшій успѣхъ имѣли «*Бракъ по раз-*

судку», «*Крестная мать*», «*Несчастія счастливаго любовника*», «*Дипломатъ*» «*Второй годъ*», «*Вина*», и многія другія, могушія почестся истинно образцовыми произведеніями въ этомъ родѣ.

Вольтеръ составилъ себѣ состояніе ост- реемъ пера; но Скрибъ далеко превзо- шелъ доходами фернейскаго философа. Въ 1812 году одна изъ первыхъ піесъ Скриба была куплена книгопродавцемъ Барбою за 100 франковъ, 1816—ему да- ли за «*Деревенскую Школу*»—150, а за «*Графа Ори*»—400 франковъ. 1818 онъ получилъ за «*Потѣзку въ Белламанъ*»—400 фр. Въ 1822—за «*Валерію*»—3000, а въ 1835 за комедію «*Бертранъ и Ра- товъ*»—4500 фр. Нынѣ авторскіе дохо- ды Скриба со всѣхъ театровъ прости- раются на 200,000 фр. ежегодно.

Скрибу драматурги Франціи обязаны прекраснымъ учрежденіемъ: *обществомъ драматическихъ писателей* или *драма- тической комиссіей* (*association des auteurs dramatiques*.) Цѣль этой комиссіи состоитъ въ томъ, чтобъ защищать ли- тературную собственность авторовъ про- тивъ притязаній и злоупотребленій дирек- торовъ театровъ, соблюдать авторскія права и выгоды, спасать ихъ сочиненія отъ самовластнаго искаженія актеровъ и собирать со всѣхъ театровъ слѣдующія имъ деньги съ каждаго представленія ихъ піесъ.

Кромѣ того Скрибъ основалъ вспомо- гательную кассу, въ которую каждый драматическій писатель обязанъ давать извѣстный процентъ отъ своихъ дохо- довъ. Касса эта содержитъ нѣсколько вдовъ и сиротъ бѣдныхъ писателей; престарѣлые или больные авторы нахо- дятъ въ этой кассѣ обезпеченіе, которое безъ стыда могутъ принять отъ своихъ собратій, еще свѣжихъ силами и бодрыхъ для труда. Кромѣ этихъ двухъ благород- ныхъ учрежденій, щедростію Скриба жи- вутъ нѣсколько семействъ бѣдныхъ ар- тистовъ.

Я желалъ бы исчислить всѣ піесы Скри- ба, но для этого вало бы составить ката- логъ пѣлой театальной библіотеки и испечатать по крайней мѣрѣ два листа кругомъ. Объемъ моей статьи и самаго изданія мнѣ этого не позволяютъ.

Постоянные успѣхи, богатство и слава Скриба должны были возстановить противъ него зависть, злобу, клевету. Всѣ эти благородныя страсти замаскировались въ законную форму критики, чтобъ наносить прославленному автору какъ можно болѣе огорченій и досады. Но Скрибъ не трусливаго десятка: онъ смѣется надъ немощными усиліями злобы и зависти и продолжаетъ идти по своему торжественному пути. Чтобъ ему иногда на дорогѣ можно было отдохнуть, французская академія поспѣшила подставить ему одно изъ своихъ сорока завѣтныхъ кресель. Полныя сочиненія Скриба составляютъ теперь около тридцати томовъ. Во Франціи драматическіе писатели имѣютъ обычай трудиться вдвоемъ и втроемъ. Одному приходитъ мысль пьесы, другой ее сценируетъ, третій придумываетъ куплеты и всѣ дружно, въ три пера, пересматривая одинъ послѣ другаго пьесу, дѣлаютъ въ ней измѣненія, прибавленія, и выработываютъ характеры. Они въ этомъ случаѣ слѣдуютъ пословицѣ: *умъ—хорошо, два—лучше*. Между разными другими обвиненіями, многіе упрекали также Скриба, что онъ въ подобныхъ товариществахъ мало приноситъ пользы, и выставляя только свое имя на пьесѣ, чужими руками заребаетъ жаръ, или лучше сказать деньги. Такое обвиненіе вислоко не согласуется съ прямымъ, благороднымъ и чистымъ характеромъ Скриба. Еще недавно эта клевета была самымъ торжественнымъ образомъ опровергнута однимъ изъ его собратій, который съ нимъ не сохвѣтъ въ хорошихъ ладахъ. За объемомъ у одного молодого литератора, гдѣ собралось много пишущей и уписывающей братіи, рѣчь наконецъ склонилась и къ заслугамъ Скриба. Многіе, везавшіе его хорошо, стали утверждать, что въ пьесахъ, гдѣ имя его выставлено на ряду съ другими именами, весьма мало или совсемъ нѣтъ его собственнаго труда. «Позвольте, господа!» сказалъ, вставая, одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Скриба, извѣстный водевиллистъ Кармушъ: «я написалъ одиннадцать моихъ пьесъ вмѣстѣ съ г. Скрибомъ и могу васъ увѣрить честью, что въ нихъ не было ни одного моего слова!» — Такое благородное свидѣ-

тельство непріятеля Скриба заставило замолчать клевету. Кармушъ былъ осыпанъ единодушными рукоплесканіями.

Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ враговъ Скриба — Жюль-Жавенъ. Онъ въ фельетонахъ «Журнала Преній» преслѣдуетъ знаменитаго драматурга всею силою своего остроумія. Часто его обвиненія неосновательны и даже носятъ на себѣ отпечатокъ желчи.

Прошедшей зимою Жавенъ давалъ великолѣпный балъ и ужинъ. Всѣ знаменитости, литературныя и артистическія, Парижа были собраны въ его роскошныхъ залахъ. Одного Скриба не доставало на этомъ художественскомъ праздникѣ. Многіе это замѣтили и даже говорили о томъ Жавену. «Вы вооружили противъ себя этого писателя неуваженіемъ къ нему и слишкомъ рѣзкимъ сарказмомъ вашихъ критикъ.» — Извините, отвѣчалъ Жавенъ: мы въ январѣ, морозъ довольно силенъ, но смѣю васъ увѣрить, еслибъ г. Скрибъ сдѣлалъ мнѣ честь и пожаловалъ на мой вечеръ, я вышелъ бы на встрѣчу къ такому гостю къ воротамъ, съ открытой головою и въ башмакахъ.

Вотъ двѣ черты, которыя ясно показываютъ, какъ высоко цѣнить во Франціи Скриба за его талантъ и благородный характеръ.

Пьесы Скриба переводятся на всѣ европейскіе языки и на всѣхъ театрахъ имѣютъ одинаковый успѣхъ. Онъ завладалъ всемірною сценою. Лучшаго разбора его трудамъ и степени таланта сдѣлать нельзя.

И нашей публикѣ Скрибъ принесъ столько пріятныхъ минутъ, что его почти можно назвать русскимъ писателемъ. Всѣ лучшіе наши драматурги трудились валь переводомъ и передѣлкою въ русскіе нравы — его пьесъ. Кв. Шаховской, Хмѣльницкій, Писаревъ, Араповъ, Оелоровъ, Ленскій — каждый принесъ лавъ таланту Скриба и воспользовался частицею его славы. И полъ моимъ грѣшнымъ перомъ прошло до десятка скрибовыхъ пьесъ. Русская публика цѣнила эти произведенія не хуже французской: большая часть изъ нихъ до сихъ поръ еще на репертуарахъ русскихъ театровъ, не смот-

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

НОЧЬ (*).

Померкли небеса. Смолая и смолкая,
Затихъ докучный говоръ дня.
Прохладно и темно. Туманомъ повята
Усталая земля уснула, какъ дятя.
Но страсть кипучая сна мирнаго не знаетъ!
Вотъ бѣдный труженникъ у милой подъ окномъ
Задумчивъ и увиль блуждаетъ,
Какъ призракъ въ сумракѣ ночномъ.
Къ окну завѣтному прикованъ взоръ печаль-
ный:

Тамъ брещетъ слабый лучъ сквозь тонкихъ
занавѣсъ;

Но вотъ и этотъ лучъ опальный
Въ окнѣ таинственною пчезетъ.

А гдѣ-жъ красавица?— О другъ одинокомъ
Мечтаетъ ли теперь у темнаго окна?—

О, нѣтъ, уже давно въ забвеніи глубокомъ
На ложѣ сна покоится она.

Просиясь жестокая! твой милый безнадежно,
Тоскливо ждетъ передъ окномъ нѣмымъ;

Склонясь къ нему, и скорбь его души мя-
тежной

Смирн у участіемъ живымъ.

Стихотворцы наши до того запуганы нападеніями журналистовъ на современную поэзію, что они только и жуютъ ночью. А потому извините, что мы вамъ даемъ такъ много ночей въ вытѣпкахъ стихотворныхъ статей Пантеева.

Ред.

Привѣта твоего давно онъ ждетъ съ тоскою,
Явись же, ласково скажи ему: «прости!»
И друга бѣднаго лилейною рукою
Изъ своего окна на совѣ.....

Н. Вуичъ.

НОЧЬ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

(Посв. Александру Ѳомичу Вельтману.)

Какъ глѣнительна, волшебна,
Какъ тиха, полупрозрачна
Ночь на небѣ голубомъ!..
Звѣзды блещутъ, словно очи,
Дикой пламенною страстью,
Боядерки молодой.
Вѣтерокъ душистый вѣетъ,
Будто дѣва робко дышетъ,
Въ часъ признанія въ любви.
Воины зыбкія каваловъ
Воздымаются принольно,
Будто дѣвственная грудь.
Одинокою лебедкой,
Свѣтлоокою наядой,
Въ морѣ зыблется луна,—
И по зеркалу морскому
Разстилаетъ сл кудри
Прихотливая волна,
Огневою полоскою.

За луной плывуть дружиной
Звѣздъ потѣшныя огни;
И порою пронесется,
Мотылькомъ неуволнимымъ,
По лазурн метсоръ.
Звукъ нѣжной баркаролы
И торкватовой октавы
Вьютъ стройно съ вѣтеркомъ.
Звонъ гитары раздастся,
Гондольера пѣснь несется
Надъ поверхностью зыбей.....

О, сойди ко мнѣ въ гондолау,
На раздолье, изъ палача,
Черноокая краса!—
Я не буду любоваться
Этой двѣственною ночью...
О, сойди-жь ко мнѣ, сойди!!..

Николай Щерба — "

ТАГАНРОГЪ.

НАШИ НОЧИ, НАШИ ДНИ.

Невинный жизни беззаконникъ,
Люблю тебя, товарищ мой,
Герой, гуляка, бравый конникъ,
Поэтъ и тѣломъ и душой!
Сказать-ли правду: грустно стало
Тебя мнѣ долго не видать.
Привыкъ съ тобою я, бывало,
Со дпями почи коротать.
Бывало, помнишь: тьма ночнал
Потопить овляскій небосклонъ,
Бредуть два друга, распѣвая,
И каждый слово — *фонъ-барокъ*.
Вдвоємъ мы счастливы бывали;
Не разъ, не два, пь ночью тиши,
Поэтовъ въ запуски читали,
Въ восторгъ пламенномъ души!
Мы ликовали; время мчалось;
Звучала разсвѣта ранній часъ;
Душа рвалась, душа металась,
И грусть бѣжала прочь отъ насъ!
Да, много жизни мы убили;
Но жизнь души, залогъ святой,
Мы берегли и освѣжили
И нашей дружбой освѣтили
Сей мѣръ и мрачный и пустой!

Л. Якубовичъ.

ГОСТЬ.

Здравствуй, странъ лазурныхъ житель,
Горныхъ братъ! въ чужой предѣлъ,

Благодатный посѣтитель,
Ты на долго ль прилетѣль?

Прилетѣль ты — гость чудесный!
Намъ про небо разсказалъ,
Гдѣ такъ часто ты, небесный,
О землѣ одинъ вздыхалъ.

Мы грустили — ты объятья
Простиралъ, незримый, къ намъ.
Встѣникъ Божій! Всѣ мы братья,
Всѣ родные небесамъ!

Дольше, долъше, неба житель,
На землѣ у насъ побудь,
Свѣтозарную обитель
Ненарокомъ позабудь.

Дольше, долъше, Божій встѣникъ!
Что тебѣ твой горный кругъ?
Здѣсь ты Вышняго вѣстникъ,
Здѣсь ты лучший, вѣрный другъ!—

С. Стемниловъ.

Москва.

Къ Н. Н.

Мой бѣдненькій цвѣтокъ въ красъ благоухан-
ной,
На радостной зарѣ твоихъ вѣспниихъ дней,
Тебѣ, красавица, пришелъ не желанный
Сорвалъ по прихоти своей.
Разсчиталъ суеты покорно уступая,
Ты грустно отрѣклась мечтаний молодыхъ—
И вотъ тебя скусть развалила живая
Въ своихъ объятьяхъ ледяныхъ.
Но вѣдь придетъ пора сердечнаго томленья,
Желанья закипять въ взволнованной крови,
И жаждо грудь твоя запроситъ наслажденья,
Въ горячкѣ огненной любви.
Мечта коварная твоя жаркій бредъ обманеть
И къ ложу твоему полночною порою
Прекрасный юноша непидино предстанеть,
Въ разгарѣ силы молодой.
И вся отдашь ты могучему влеченью,
И обовьешь рукой созданье грезъ живыхъ,
Но прѣзракъ сладостный исчезнетъ пь то
мгновенье....
И кто-жь въ объятіяхъ твоихъ?—

Старикъ... холодный трупъ!... Тебѣ упрекомъ
 гравуютъ:
 «Зачѣмъ смущаешь безчувственный покой?»
 И какъ мучительно, убійственно обмануть
 Восторгъ души твоей большой.

N. N.

Заворадо.

ГОНДОЛЬЕРЪ *

В. П. Боткину.

Voilà bien le Venise du poète!
Bogdan Gat.

I.

Гондольеръ молодой! Взоръ мой полонъ огня,
 Я стройна, молода, не свезешь ли меня:
 Я къ Ріальто сплыву—до заката!
 Вдвѣшь поясъ ты мой, съ жемчугомъ, съ бирюзой,
 А въ среднѣ его изумрудъ дорогой....
 Вотъ тебѣ за провозъ моя плата.

II.

Нѣтъ! не нуженъ оныя мятъ, твой жемчужный уборъ;
 Ярче камней и звѣздъ твой блистательный взоръ:
 Но къ Ріальто съ тобою не плыву я.
 Гондольеръ молодой отъ сивьоры молодыхъ
 Не беретъ за провозъ пояснъ дорогихъ, —
 Жаждетъ оныя одного поцѣлуя!

* Романсъ, къ которому музыка, соч. К. К. Ардольда, прилагается къ этому Н. Павлова, оныя не могъ быть весь помѣщенъ подъ ногами и потому припечатывается оныя.

III.

Ахъ, пора! на волнахъ лучъ послѣдній угасъ,
 А мнѣ сроку даю на одинъ только часъ:
 Гондольеръ подавай мнѣ гондолу!
 Помолюсь за тебя я ночнымъ небесамъ,
 Цѣловать я тебѣ руку бѣлую дамъ....
 А въ добавокъ спою баркаролу!

IV.

Знаю я: голосъ твой звучной флейты звучный;
 Знаю я, что рука морской пѣны бѣжитъ,
 Но къ Ріальто съ тобою не плыву я!
 Самъ могу я запѣть: мнѣ не нужно октавъ,
 Мнѣ не нужно руки, хладныхъ сердцу отравъ!
 Оныя жажду я поцѣлуя!

V.

Вотъ мой яшмовой крестъ: въ Палестинѣ найденъ,
 И святѣйшимъ отцемъ въ Римѣ оныя освещенъ,
 А при немъ и янтарныя четки!
 Крестикъ ты побереги! я и самъ въ Римѣ былъ,
 Къ папѣ я подходилъ, и крестомъ освещалъ
 Оныя мнѣ, мой псалмъ и лодки!

VI.

И я вдвѣлъ потомъ, какъ любилъ луной,
 Шлылъ съ сивьорой вавосемъ гондольеръ молодой,
 А надъ нимъ вѣтрило играло.
 Оныя былъ веселъ и пѣлъ, и ей въ очи смотрѣлъ,
 И на щечкѣ у ней поцѣлуя ламснѣлъ,
 И Ріальто вдали чуть мелькало.

Федоръ Ковн.

ПАНОРАМА

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. *Повѣщенный, комическая опера въ одномъ дѣйстви.* Слова гг. Кармуша и Курси; музыка Клапписсона.

Удивительная пѣса—«Повѣщенный!» Въ прекрасную лѣтнюю ночь, блестящую милліонами свѣтилъ небесныхъ, молодой человѣкъ (будущій повѣщенный) шель по улицѣ. Лицо его было грустно и задумчиво хотя не безъ признаковъ горячительныхъ напитковъ. У него много причинъ печалиться, жизнь его полна горестями всякаго рода. Въ самой ранней юности онъ имѣлъ несчастіе быть выгнаннымъ изъ школы; что дѣлать, куда прекопить голову? Онъ поступилъ въ солдаты; дрался съ врагами, но счастья ему не было, его опять выгнали. «Слѣдаемый горестью», онъ снова вступилъ въ службу, къ врагамъ тѣхъ, за которыхъ прежде дрался и которыми былъ выгнанъ. Тамъ тоже не повезло. Онъ рвѣнся оставить военное поприще и сталъ жить афферами. Долго онъ пробовалъ самъ себя, и наконецъ попалъ въ свою колею—онъ записался въ цѣхъ кнѣгодѣльщиковъ. Тутъ ему повезло; въ короткое время онъ составилъ себѣ капиталъ и жилъ припѣваючи. Такова была жизнь нашего героя до той минуты, когда онъ въ прекрасный лѣтній вечеръ шель по улицѣ.

Отъ воспоминанія о прошлыхъ горестяхъ онъ перешель къ настоящему: лицо его просвѣтлѣло. Въ эту самую пору, не извѣстно почему, небо стало темнѣть, послышались дальніе раскаты грома, онъ удвоилъ шаги, чтобъ добраться поскорѣй до своего палаццо (вы вѣрно догадались, что такая страшная исторія происходитъ по-крайней мѣрѣ въ Испаніи.) Онъ идетъ, небо болѣе и болѣе темнѣетъ, гроза усиливается, молнія тагъ и блещетъ... Вдругъ съ отдаленнымъ гуломъ вѣтра до ушей его долетаютъ раздражающіе крики ужаса и отчаянія. Спасите! спасите! Нашъ герой бросается бѣжать совсѣхъ ногъ... но не на помощь... вѣтъ, онъ, какъ осторожный человѣкъ, бѣжитъ въ противоположную сторону, чтобъ не попасть въ какую нибудь страшную исторію, а болѣе потому, что не любитъ помогать человечеству въ дурную погоду. Такая у него натура! Онъ бѣжитъ, бѣжитъ... влугъ... о ужасъ! коварный вѣтеръ обманулъ его: онъ привелъ его прямо на мѣсто ужасной сцены... Нашъ герой остолбенѣлъ отъ ужаса: на колънахъ, съ разстрепавшими власами, съ обнаженной грудью, съ умоляющимъ и вмѣстѣ гордымъ взглядомъ, стоитъ молодая дѣвушка. Подлѣ нея (на ногахъ, а не на колънахъ) стоитъ человѣкъ, мрачный, съ лихимъ взоромъ, съ кровожадными бровями. Въ рукѣ у него кинжалъ: въ бѣшен-

ствѣ овъ поражаетъ молодую дѣвушку и «съ дикимъ хохотомъ» убѣгаетъ. Дѣвушка испускаетъ раздражительный крикъ и падаетъ мертвою. Нашъ герой опомнился, хотѣлъ бѣжать... по увѣ! уже поздно... Приходитъ городская стража; его принимаютъ за убійцу, и заключаютъ въ тюрьму. Страшно жалось сердце нашего героя: что скажетъ публика? что скажетъ портвой, которому овъ обѣщала написать завтра похвалу? горе, горе! Но овъ не совѣмъ еще понялъ свое несчастіе: оправданій его не принимаютъ. Улика на лицо; овъ осужденъ на виселицу. Перемена декораціи, мѣсто дѣйствія чрезвычайно эффектно: площадь, по срединѣ ея висѣлица, кругомъ вздорная толпа, съ дикимъ нетерпѣніемъ жаждущая страшнаго зрѣлища. Вотъ ведутъ нашего героя, слышны ругательства и проклятія; вотъ наконецъ приговоръ. Овъ поднимаетъ голову къ небу, потомъ опускаетъ взоръ долу и нюхаетъ табакъ. Много сценъ эффектныхъ, много поразительныхъ. Наконецъ его вѣшаютъ. Сцена глубоко-драматическая, вполне оправдывающая названіе пьесы: «Повѣшенный». До сихъ поръ нашъ герой дѣйствовалъ живой, теперь овъ начинаетъ дѣйствовать мертвымъ. Народъ расходится; только ваали остается одна невинная женщина съ рыжими локонами, которой жаль повѣшеннаго; она плачетъ; она простираетъ къ нему руки: овъ и не шелохнется. Вдругъ сцена наполняется народомъ; тутъ вчерашній «ужасный незнакомецъ», тутъ и дѣвушка, вчера не совѣмъ убитая, тутъ и родственники повѣшеннаго; они толкуютъ, толкаютъ его—овъ не шелохнется... Они начинаютъ съ сожалѣніемъ воспоминать, что нашъ герой пострадалъ невинно: тутъ овъ вдругъ пошевелился и началъ прислушиваться. Толпа повторяетъ, что овъ повѣшенъ невинно; ему все еще кажется это не вѣроятнымъ; овъ не рѣшается подать голоса. Наконецъ родственники подходятъ ближе и начинаютъ съ чувствомъ прощаться съ невиннымъ. Овъ вскрикиваетъ... Общій ужасъ. Всѣ бѣгутъ отъ него; только женщина съ рыжими волосами, плакавшая надъ его трупомъ, рѣшается помочь ему. И вотъ овъ снятъ съ шеи петлю: общая радость, общее

примиреніе. Мораль: добродѣтельный человекъ и на виселицѣ не пошлѣетъ. Вы желаете знать отъ чего нашъ герой такъ долго пробылъ невѣримо на виселицѣ? Палачъ, говорятъ, былъ ему другомъ; рыжая женщина, рыдавшая такъ горько—была переодѣтый товарищъ палача, который выжидалъ, когда народъ разойдется и настанетъ вечеръ, чтобъ спасти герцога.. Всѣ въ восторгъ вѣшаютъ на шею другъ другу. Вотъ вамъ и «Повѣшенный».

Мысль очень хорошая для водевильнаго фарса, но авторы плохо ей воспользовались. Какъ въ музыкѣ, такъ и въ словахъ есть—пошлѣе и скучное, неестественное и занимательное. Скучное отъ пошлаго; занимательное—отъ неестественнаго. Истинныхъ началъ художественнаго созданія въ этой оперѣ не обрѣтается.

Les penitens blancs, водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ; соч. *Varne*.

Этотъ водевилъ есть исторія одного любезнаго молодого человека, лѣтъ 16-ти, воспитаннаго въ строгости правилъ христіанскихъ; потомъ влѣвагося вдругъ въ тяжкія распутства, по глупости своей гувернантки, г-жи Башлардъ. Она-то, вмѣсто того, чтобы помѣстить его въ семинарію, ввѣряетъ его какому-то дуэлисту, который учитъ бѣднаго мальчика выпивать по бутылкѣ шампанскаго и поставляетъ его въ соприкосновеніе съ обольстительными прелестницами: пошлѣе, до какихъ результатовъ доводитъ такое пріятное соприкосновеніе. Юноша по своему простодушію идетъ на балъ оперный, кланяется всѣмъ женщинамъ, которыхъ считаетъ за бѣлыхъ исповѣдницъ; даетъ пощечины и дерется на дуэли; наконецъ дѣлается совѣмъ достойнымъ новаго міра, который открывается его глазамъ. Къ счастью страсть менѣе безумная завладѣваетъ его сердцемъ: овъ до нельзя влюбляется въ молодую красивую дѣвицу, и какъ благоразуміе совѣтуетъ благопріятствовать всему позволенному, то забывъ спѣшить тотчасъ закрыть и его новые соблазны, и предуготовленія къ новому браку, не отвратимая нужда котораго становится очевидно.

Въ пьесѣ множество балаганныхъ

фарсовъ и пошлыхъ двусмысленностей; если бѣ ее играть въ масляницу, она имѣла бы большой успѣхъ и нашла бы достойныхъ цѣнителей.

Парикмахеръ Императора, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ; соч. Гг. Дюпети и Мейланъ.

Имя Наполеона сдѣлалось неистощимымъ источникомъ интереса драматическаго, и судя по неимовѣрному успѣху «*Последняго объѣта императора*,» оно еще долго будетъ служить залогомъ успѣха для авторовъ, осмѣливающихся вызывать тѣнь великаго челоука.

Гг. Дюпети и Мейланъ представляютъ намъ Наполеона въ началѣ его блестящаго поприща. Сперва онъ является простымъ артиллерійскимъ офицеромъ, принужденнымъ отдать свою шпагу въ залогъ платы за обѣдъ, — тогда, какъ онъ въ мысляхъ играетъ уже прелюдіюкъ безчисленнымъ побѣдамъ, которыя тотчасъ должны заслужить ему корону. Вдругъ слышится крикъ: «къ оружію!» каждый летитъ на границу, Бонапартъ впереди.

Во второмъ актѣ—мы въ Италіи, въ среднѣмъ лагеря. По правую руку палатка гренадера Гебера, цирюльника 32-й полубригады; по лѣвую палатка волжжера Муленя, мужа пивякарки Катерины, которая, съ помощію Геберта, спасла какого-то младенца. Она вынесла его въ мѣшкѣ изъ замка Альшера и скрыла отъ всѣхъ. Къ Геберу является перемѣтчикъ, и подъ предлогомъ предложенія своихъ услугъ французской арміи, старается собрать свѣдѣнія объ участи несчастнаго младенца, скрытаго Катериною. Геберъ не довѣряя ему, увѣряетъ его въ смерти младенца, и Пиетро клянется отмстить генералу, какъ виновнику истребленія своей фамиліи. Этотъ перемѣтчикъ Пиетро, былъ графъ де Монталбанъ, эмигрантъ французскій, а младенецъ найденный въ замкѣ Альшера — его дочь.

Третій актъ переноситъ насъ опять въ Парижъ въ рабочую гражданина Муленя, который перемѣнилъ свою походную сумку на бритву. Гренадеръ Геберъ, прежній брадобрей 32-й полубригады, сдѣлался парикмахеромъ *перваго консула*, и

въ этомъ чинѣ можетъ имѣть къ нему доступъ во всякое время. Пиетро въ костюмѣ водовоса входитъ въ рабочую его, чтобы обрѣчься, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы дать сигналъ своимъ соумышленникамъ къ убійству. Это было 24 декабря. Губеръ проникаетъ заговоръ и бѣжитъ предупредить объ немъ консула, но напрасно: Бонапартъ не хочетъ выслушать его. Между тѣмъ время приближается. Геберъ опрометью возвращается къ своему собрату Муленю, беретъ у него бритву, начинаетъ брить Пиетро; въ то время коляска перваго консула проѣзжаетъ по улицѣ. Пиетро не могъ подать сигнала: адская машина дѣйствуетъ слишкомъ поздно, и Бонапартъ спасенъ чудеснымъ присутвіемъ духа своего парикмахера.

Въ антрактѣ мы перескакиваемъ черезъ имперію и останавливаемся только въ Рамбулье при Ватерлоо. Геберъ тутъ, въ качествѣ стража одного изъ послѣднихъ войсковыхъ магазиновъ Наполеона. Графъ Монталбанъ, никогда неупускавшій изъ виду своего мщенія, рѣшился выполнить его въ минуту отправленія императора. Но вѣрный Геберъ опять тутъ, онъ спасаетъ своего начальника, и въ тоже время увѣдомляетъ Монталбана, что его дочь жива.

До начала послѣдняго акта проходитъ еще нѣсколько лѣтъ. Геберъ, Мулень и Катерина живутъ въ скромной хижинѣ на берегу моря. Каждый день старый слуга Наполеона вскарабкивается на высоту скалы, надѣясь увидѣть издали корабль, который долженъ ему возвратитъ императора. Разсудокъ въ немъ разстроился; онъ приходитъ въ себя только въ ту минуту, когда графъ Монталбанъ приноситъ ему копію съ завѣщанія его начальника, незабывшаго объ немъ въ своей ссылкѣ. Въ замѣнъ этой дорогой новости, Геберъ возвращаетъ Монталбану его дочь; потомъ опять впадаетъ въ свое сумасшествіе и опять идетъ на высокую скалу, чтобы сторожить тамъ возвращеніе императора.

Драма имѣетъ нѣсколько прекрасныхъ сценъ, хотя основаніе ея, какъ вы видите, сшито слишкомъ по французски; особенно хорошо и эффектно дѣйствіе

адской машины: и способъ, какимъ спасается Наполеонъ отъ опасности, непроторѣча исторіи, производитъ поразительный эффектъ, по изобрѣтенію и по новостн. Вообще «Парихмахеръ императора», имѣлъ успѣхъ, который повидимому будетъ продолжителенъ.

ТИРИДАТЕ (Тридагъ), комедія въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами, соч. Фурвьё.—Эта небольшая пѣса принадлежитъ къ числу тѣхъ драматическихъ анекдотовъ, часто появляющихся на сценѣ, въ которыхъ, для привлеченія публики, выставляють какое нибудь знаменитое лицо. На этотъ разъ явится дѣвица Дюмениль, знаменитая актриса Французской Комедіи. Г-жа Дюмениль готова создать новую роль въ трагедіи, «Тиридагъ», какъ вдругъ является къ ней изъ провинціи полицейскій чиновникъ и проситъ возвратить ему сына, обольщеннаго и околдованнаго ея прелестями и драматическою славою. Актриса, тронутая просьбами отца, обѣщаетъ Дюбюссону вылечить его сына, и для этого ей достаточно вѣрить ему съ тысячею недостатками, которыхъ она совсѣмъ не имѣетъ. Новиля, какъ она поразила бѣдняка и узнавъ, что онъ авторъ трагедіи «Тиридагъ», къ которой она теперь готовится, у нея не достаетъ силъ на дальнѣйшее притворство; самолюбіе, а можетъ быть и любовь, беретъ верхъ. Она пользуется трагедіею «Тиридагъ», въ которой есть много положеній, сходныхъ съ ея отношеніями къ молодому Дюбюссону, чтобы смягчить отца, удалить соперницу и окончательно завлечь въ свои сѣти молодого сочинителя, который очень радъ этому.

Водевилъ этотъ имѣлъ успѣхъ, который особенно обязанъ хорошей игрѣ артистовъ.

АНИТА LA ВОНЕМИЕННЕ (Цыганка Анита) мелодрама въ трехъ актахъ, соч. Фердинанда Лалу и Кармуша.

Анита, дочь одного французскаго солдата, убитаго испанскими инсургентами, попала въ шайку цыганъ, бродящихъ по горамъ и занимающихся грабежами и убійствами. Припужденная пристать къ нимъ, она противъ воли присутствуетъ при всѣхъ ужасахъ ликихъ цыганъ, и спасаетъ жизнь одному молодому фран-

цузскому офицеру. Спасенный влюбляется въ свою прекрасную спасительницу, которую хотять выдать за одного изъ разбойниковъ. Тутъ весьма кстати окружаетъ шайку отрядъ французскихъ войскъ, освобождаетъ Аниту и она выходитъ за мужъ за своего возлюбленнаго.

Не смотря на необыкновенное богатство и роскошь декораций, эта пѣса привлекаетъ въ *Олимпійскій Циркъ* весьма мало зрителей.

LE CONSEILLER PARROTEUR, (Совѣтникъ—Докладчикъ), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, неизвѣстнаго автора, съ прологомъ въ стихахъ Казимира Делавиня.

Комедія эта представлена въ Парижѣ 16 апрѣля, на другой день послѣдняго появленія на сценѣ французскаго театра г-жи Марсъ. Въ прологъ, написанномъ чрезвычайно умно и прекрасными стихами, Казимиръ Делавинъ предупреждаетъ публику, что авторъ пѣсы неизвѣстенъ, и что ей не менѣе 150 лѣтъ. Легковѣрные повѣрили Делавиню, но другіе, думаютъ, что со временемъ Делавинъ признаетъ ее своимъ чадомъ. Вотъ содержаніе пѣсы:

Одинъ молодой парижскій врачъ обольстилъ жену г. Корнике, продавца суконъ, который и проситъ о наказаніи виновнаго. Дѣло завязывается въ Виръ, по ходатайству совѣтника-докладчика Лапомонерѣ, котораго строгость къ подобнымъ проступкамъ вошла въ пословицу. Пока производится слѣдствіе, какая-то таинственная женщина останавливается въ гостиницѣ *Большаго Оленя*. Неизлишне объяснить здѣсь, что эта дама, которая не другая кто, какъ сама г-жа Корнике, давно уже слѣдалась предметомъ обожанія совѣтника-докладчика, и что Дорантъ, адвокатъ доктора Валера, старается воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Столь же свѣдущій въ любовныхъ, какъ въ судебныхъ дѣлахъ, молодой страпчій уговариваетъ г-жу Корнике быть поласковѣе къ совѣтнику и припять его. Совѣтникъ слѣпо кидается въ разставленную ему сѣть. Его обвиняють съ прибавленіемъ поединка и убійства. Извольте, послѣ этого, гре-

мать въ судѣ противъ виновной женщины. Совѣтникъ весьма благоразумно отказывается отъ этой опасной роли и докладъ его, столь ужасный сначала, оканчивается тѣмъ, что онъ совѣтуетъ оправдать обвиняемую.

Піеса эта, не много растянутая, успѣла, впрочемъ, удачными каламбурами и колкими эпиграмами; она можетъ назваться попыткой къ возвращенію къ старинной комедіи. Успѣхъ ея былъ весьма хорошъ.

ГЕРМАНИЯ.

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ. «Die Wette um ein Herz, oder Künstlersinn und Frauenliebe» (*Споръ осердиль, или Чувство художника и Любви женщины*). Оригинальная картина въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. Карла Эльмара, Музыка капельмейстера Суппѣ. — Молодая любезная вдовушка Ливдеблумъ, предметъ мечтаній живописца Ромфельда, соглашается на пари съ бавкиромъ Мислихъ, что Ромфельдъ не откажетъ ей ни въ какой жертвѣ, и даже, если она того пожелаетъ, уничтожитъ свою лучшую картину. Цѣною пари определяють самую картину — портретъ вдовушки. Художникъ, разумеется, не соглашается на это требованіе и, догадавшись, что въ пари дѣло идетъ объ испытаніи его любви, охлаждаетъ къ своей красавицѣ. Благородный домашній другъ, капитанъ Руйтернъ, старается примирить ихъ, что ему и удается. Авторъ піесы этимъ первымъ произведеніемъ своимъ уже попалъ въ рядъ дароватыхъ писателей, которымъ смѣло можно предсказывать прекрасную будущность и успѣхи. Въ піесѣ много существенныхъ недостатковъ: въ ней нѣтъ драматическаго единства и правильнаго хода дѣйствій; но за то дарованіе автора ярко выставляется въ удачной обрисовкѣ характеровъ, въ поэтическомъ блескѣ, который освѣщаетъ всю картину, въ особенной силѣ разговора и остроуми куплетовъ; въ нихъ видна свѣжесть, сердечная веселость и душевное увлеченіе, что мы не часто встрѣчаемъ въ

новѣйшихъ произведеніяхъ драматической литературы Германіи. — Піеса имѣла огромный успѣхъ.

— KAUFMANN UND MALLER, oder Commis und Farbenreiber (*Купецъ и живописецъ, или приказникъ и краскотеръ*). Картина въ двухъ отдѣленіяхъ; соч. Фридриха Кайзера; музыка Эдуарда Авгела.

Богатый купецъ Грундманъ и слышать не хочетъ о страсти своего племянника Карла, который влюбленъ въ живопись, и потому отправляетъ его путешествовать. Юноша дружится съ знаменитымъ живописцемъ Фрейемъ, который беретъ его съ собой въ деревню, гдѣ Карлъ проводитъ годъ, назначенный для его странствованія. Тутъ овъ влюбляется въ дѣвушку, которая иногда принуждена служить натурщиной художникамъ, чтобы платою, получаемою за то, кормить стараго, больнаго отца. Юноша наконецъ женится на красавицѣ, и мирится съ дѣдею. Пусто, вяло и скучно, а между тѣмъ—піеса имѣла успѣхъ.

DEZ TOB UND DEZ WUNDERDOSTOR (*Смерть и докторъ чудодѣйный*), народная сказка въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Фрейдеберга, музыка Гебештрейта.

Піеса эта имѣла звачительный успѣхъ. Прекрасное содержаніе ея заимствовано изъ извѣстнаго мифа Талмуда, въ слѣдствіе котораго больной выздоравливаетъ или умираетъ, смотря по тому, въ ногахъ или въ головахъ показывается смерть. Смерть занимаетъ у дѣтяти бѣднаго козлаго пастуха должность крестнаго отца и дѣлаетъ — его чудо-докторомъ, сообщая ему тайну своего полвленія у постели больнаго, такъ что врачеванія предсказанія бывшаго пастуха всегда сбываются. Когда, впоследствии, новый докторъ заводитъ лечебницу, въ которой пользуется всѣхъ больныхъ холодною водою и тѣмъ грозитъ опустошеніемъ царству мертвыхъ, — грозная смерть сердится и простираетъ костлявую лапу за самимъ докторомъ. Но докторъ, посредствомъ кровати въ дружинахъ, при появленіи ужаснаго посѣтителя въ головахъ, вдругъ переворачиваетъ постель, смерть сидитъ уже у него въ ногахъ, онъ спасенъ, а смерть

одурачена. Расположеніе сценъ, языкъ, куплеты, все въ этой пьесѣ свидѣтельствуеетъ о значительномъ дарованіи автора. Жаль только, что онъ выбралъ такой устарѣлый предметъ. Вотъ другая пьеса въ мистическомъ родѣ:

DAS MARMORNERZ (*Мраморное сердце*), романтическая народная сказка съ пѣніемъ, въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Гаффнера*, музыка *Адольфа Мюллера*.

Это краткая исторія жизни молодого лѣсничаго Виллибада, который съ любовнаго горя уступаетъ сердце свое волшебницѣ Акаровѣ, чтобы вымѣнить на него сердце изъ мрамора и богатства несмѣтныя. Но ему вѣроятно, наскучила старая вѣдьма, — и кому онъ наконецъ не наскучать! — и онъ, подъ предлогомъ, что она не исполнила условій, уничтожаетъ договоръ, размѣниваетъ сердца по принадлежности и уничтожаетъ колдунью. И по дѣламъ ей — не торгуй сердцами!

Не смотря на отвлеченность идеи, за эту пьесу, объясняемую впрочемъ весьма натурально вѣмцами, автора вызвали три раза.

DAS LOSE MAUL, *Одер NISSIG UND POSIGUT*, (Злой языкъ, или кусается, а все таки добръ): Шутка въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Фр. Кайзера*, музыка *Шторка*.

Фрицъ Штекафель — острякъ по ремеслу. Онъ своими насмѣшками навжилъ тьму враговъ, и наконецъ разгнѣвалъ дядю — благодѣтеля и даже свою возлюбленную; а потомъ и друга. Зато они не хотятъ звать его и прогоняютъ отъ себя. Въ лѣсу онъ встрѣчаетъ школьнаго товарища, помѣщика, подъ начальствомъ котораго служитъ дядя его. Товарищъ принимаетъ его къ себѣ въ качествѣ *factotum*. Францъ на досугъ узнаетъ о плавѣ, въ слѣдствіе котораго хотятъ уволить его дядю и увезти возлюбленную. Онъ разстроиваетъ этотъ плавъ, остывивъ молодого волокиту и принуждаетъ его утвердить дядю въ занимаемой должности на всю жизнь. Тутъ-то убеждаются въ его добромъ сердцѣ и мирятся съ нимъ. — Основная идея пьесы была бы хороша, но только авторъ принялся за нее не

съ надлежащей стороны. Трудно обратить остроты и насмѣшки въ ремесло, то есть, играть огнемъ: — какъ разъ обожжешься! Самъ герой пьесы представленъ въ двусмысленномъ видѣ: благодѣтельствуя дядю, онъ измѣняетъ своему благодѣтелю. Впрочемъ, Кайзеръ извѣстенъ въ Германіи какъ талантливый драматическій писатель, и нѣсколько промаховъ не могутъ ни повредить его славу, ни увязить его таланта. Кто безъ грѣха!

GUIDO UND GINEVRA. (Гвидо и Джиневра), опера въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Отта*, музыка *Галеви*.

Пьеса эта заимствована у Скриба. Незнаемъ, много ли лиризма въ чумѣ, но знаемъ, что здѣсь она послужила къ составленію глупаго, почти отвратительнаго либретто, въ которомъ недостаетъ живости и интереса, также недостаетъ поэзіи и внутренней истинны. По нашему мнѣнію, флорентійскій Подеста, человекъ безсовѣстный, потому что онъ съ необыкновенною пышностію хоронитъ дочь свою, которую почитаютъ умершею отъ чумы, тогда какъ всѣ прочія жертвы не могутъ даже найти пріюта въ землѣ. Но эта нелѣпость здѣсь необходима: она нужна для дальнѣйшаго хода пьесы. Ланфредо, женихъ Джиневры, также престранный человекъ, стрѣляетъ изъ ружій и пистолетовъ въ привидѣнія, за то его схватываетъ чума и онъ *на сценѣ*, не въ слѣшкомъ пріятныхъ положеніяхъ, испытываетъ ее почти до конца. Переводъ при этомъ не хорошъ, по крайней мѣрѣ не вездѣ. Музыка въ Германіи поправилась столько же, какъ и во Франціи; особенно восхищались превосходными хорами, и вся композиція признава за одно изъ лучшихъ произведеній новѣйшей лирической сцены Франціи.

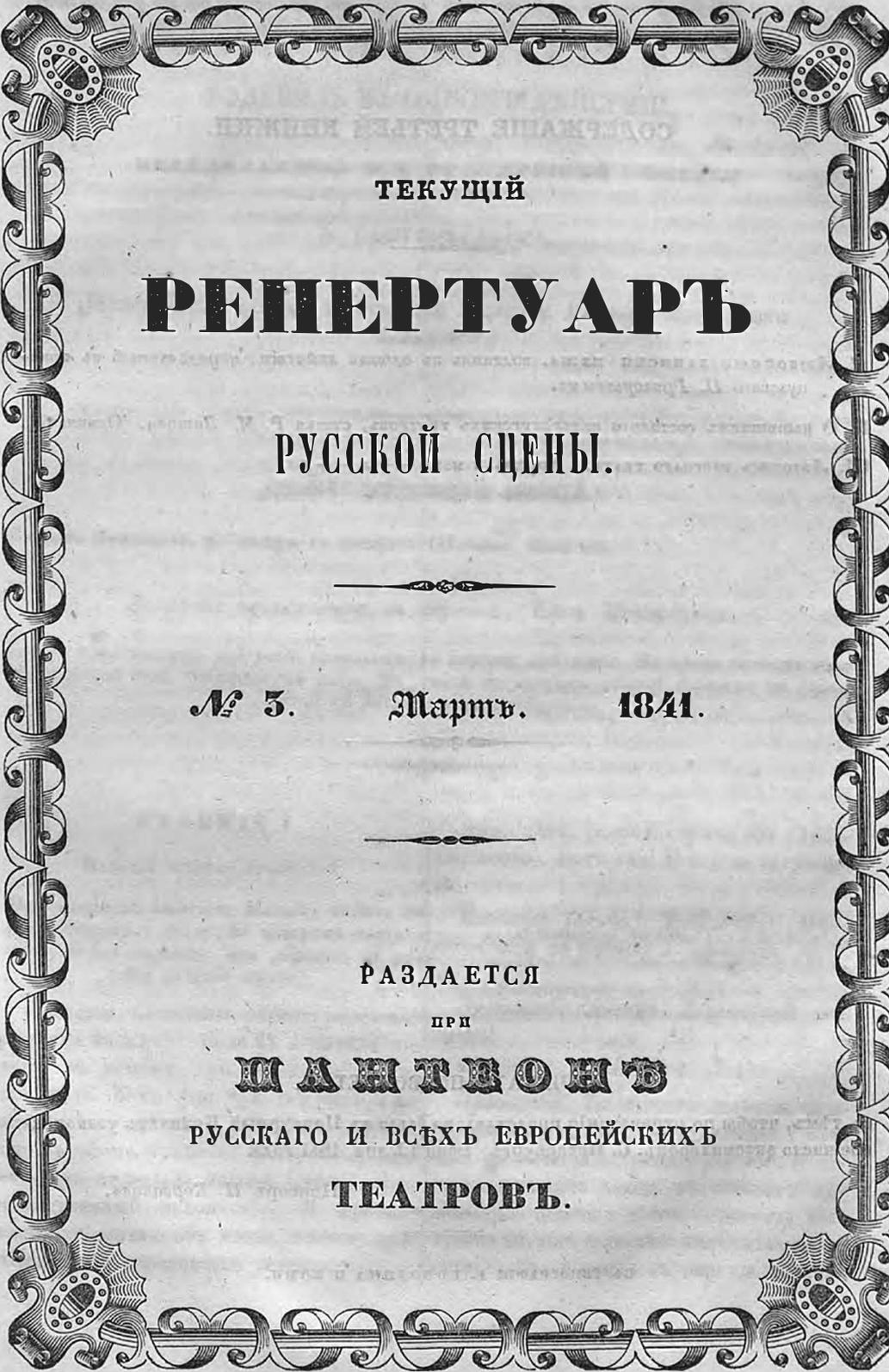
LIST UND ZUFALL, *ОДЕР DER WALCHREDNER AUS DEM STEGREIFE*. (Хитрость и случай, или импровизированный чревоушатель), шутка въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Иос. Ланднера*, музыка *Гебенштрейта*.

Пипта Розенъ ревнуетъ стараго господина, который живетъ у его любезной Адели. Онъ хочетъ посвататься на другихъ,

по Адель тутъ какъ тутъ и везлѣмъшаетъ. можно отыскать развѣ въ репертуа-
 Наконецъ, является старый господинъ рѣ упавшихъ пиесъ, особенно между зна-
 и объявляетъ себя отцомъ Адели. Писа менитыми водевилями. гг. Л. Л. и Ко-
 эта написана на мѣстномъ нарѣчїи и ровкина.
 такъ нелѣпа, что подобную ей у насъ

ОТЪ РЕДАКЦИИ ПАНТЕОНА.

«Пантеонъ» виновать передъ своими подписчиками, какъ хозяинъ, который отдавъ квартиру съ отопленіемъ, а жильцы его забвуть. Оправдываться въ медленности выхода «Пантеона» было бы и не прилично и смѣшно. При большомъ изданіи обыкновенно бываетъ много дѣятелей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои обязанности. Обязанность редактора состоитъ въ прискиваніи, выборѣ, исправленіи и размѣщеніи статей; обязанность издателя состоитъ въ изысканіи матеріальныхъ средствъ къ изданію и въ распоряженіяхъ по хозяйственной части, т. е. въ приобретеніи во-время бумаги, нужной для печатанія, уплатѣ за типографскія работы, безъ чего дѣятельность печатанія можетъ остановиться, вылача жалованья корректору, граверамъ, литографамъ, въ вознагражденіи за труды сотрудниковъ и другихъ литераторовъ, безъ чего весь процессъ изданія можетъ стать въ тупикъ. Редакторъ Пантеона въ прошломъ годѣ по мѣрѣ силъ и возможности старался показать все свое усердіе, къ возвышенію и улучшенію изданія «Пантеона». Запасъ статей въ редакціи и нынѣ еще такъ великъ, что его достало бы на полтора года для наполненія книжекъ Пантеона. Вывитъ въ замедленіи книжекъ Пантеона редакція ни кого не можетъ и не хочетъ, предоставляя каждому отыскивать къ тому причины по его благоусмотрѣнію. Нынѣ же редакція, по новому устройству дѣлъ, за долгъ считаетъ объявить, что вслѣдъ за этимъ номеромъ будутъ выданы со всевозможной поспѣшностью всѣ запоздалыя книжки, такъ, что къ августу мѣсяцу, порядокъ въ выходѣ Пантеона возстановится. Нужно ли прибавлять, что редакторъ и издатель выборомъ статей и приложений, постарается сколько возможно вознаграждать долготерпѣніе и свисходительность почтенныхъ своихъ читателей. Редакторъ по прежнему остается тотъ-же. Впрочемъ, что значить небольшое замедленіе! Замедленіе часто ведетъ еще къ большому успѣху: это доказалъ Риму знаменитый полководецъ Фабій, прозванный *cunctator* (медлителемъ), который своимъ правиломъ—*не скоро да скоро*—оставилъ Риму блистательнѣйшія победы надъ врагами. Да и одинъ ли «Пантеонъ» запаздывалъ въ нашей литературѣ! Тѣ люди, которые съ такою радостью воспользовались его замедленіями, чтобъ повредить этому изданію, сами неоправдали многихъ обѣщаній перелъ публикою, примѣры тому у насъ подъ рукою. Такъ напр. *Полныя сочиненія г-на Бумарина*, обѣщанныя съ портретомъ и подписью автора въ 1838 году, досель не вышли и обѣщаніе не выполнено. «*Дятскій Собесѣдникъ*» издаваемый г. *Гречемъ* долженъ былъ вытти въ прошломъ годѣ, въ числѣ 12 книжекъ, а вышла только одна. «*Художественная газета*» издававшаяся г. Кукольниковомъ въ 1839 году до сихъ поръ недодапа. Наконецъ всѣмъ извѣстно мпожество разнаго рода обѣщаній, невыполненныхъ г. Полевымъ. Пантеонъ, не смотря на обстоятельства, нѣсколько нарушившія порядокъ изданія, поставилъ себѣ въ непремѣнную обязанность неходить въ категорію упомянутыхъ изданій, придерживаясь въ этомъ случаѣ французской пословицы: *mieux tard que jamais*.

ТЕКУЩІЙ

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

Мартъ.

1841.

РАЗДАЕТСЯ

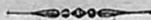
ПРИ

ШАНТОНЪ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

- I. Любимый записки мужа, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго *П. Григорьевымъ*.
- II. О нынѣшнемъ состояніи петербургскихъ театровъ, статья *Р. М. Зотова*. (Окончаніе).
- III. Лѣтопись русскаго театра. Апрель и май. — л — ва.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюня 12 дня, 1841 года.

Ценсоръ *П. Горсаковъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.

ЛЮБОВНЫЯ ЗАПИСКИ МУЖА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДЕЛАННЫЙ ИЗЪ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМЕДИИ

П. ГРИГОРЬЕВЫМЪ.

(Посвящается памяти незабвенной артистки Барбары Николаевны Асенковой.)

ДѢЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Платонъ Эрминскій, ротмистръ въ отставкѣ. (Наташа, жена его.)

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, близъ Петербурга.

Театръ представляетъ красивый павильонъ; въ глубинѣ двѣ двери. На право окно; въ лѣво отъ зрителей окно, открытое, въ садъ. На лѣвой же сторонѣ рабочій столикъ; на право другой съ письменнымъ приборомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Наташа, потомъ Эрминскій.

(При открытіи занавѣса, Наташа сидитъ на лѣвой сторонѣ у стола, на которомъ поставлена рабочая коробка; она держитъ въ рукахъ начатое шитье.)

Наташа, (оставивъ работу разсматриваетъ письмо). Если бъ я читала это даже въ романѣ, то ни за что бы не повѣрила! Вотъ ужъ три дни какъ я розыскиваю... какимъ образомъ явилось оно въ моемъ туалетѣ! Катерина увѣряетъ, что не видала никого. Кто же этотъ таинственный меловѣкъ?... Я противъ воли вспоминаю объ немъ; а всему причиною ваше деревенское уединеніе.

Эрминскій, (входя справа изъ глубины; особо). Вотъ она! И всегда задумчива!

Наташа (особо). Мой мужъ! (Принимается за работу и прячетъ письмо).

Эрминскій (громко). Здравствуй, мой другъ!

Наташа. Здравствуй, Платоша.

Эрминскій. Ты сегодня довольно долго пробыла за своимъ туалетомъ; ахъ, какъ ты мила! (Цѣлуетъ руку ея). Я, соскучась сидеть одинъ въ кабинетѣ, ходилъ по деревнѣ и эта прогулка возбудила во мнѣ славный аппетитъ; представь себѣ: я прошелъ версты четыре!

Наташа (съ участіемъ). Не усталъ ли ты, душа моя?

Эрминскій. Э! кто бывалъ въ походахъ, тотъ не боится усталости; притомъ же, я нѣсколько сократилъ мою дорогу: я взялъ ключъ отъ этого павильона, и возвратился черезъ садъ нашего нѣмца-управителя. *(Показываетъ на льво.)*

Наташа. Отдалъ ли тебѣ Андрей газеты?

Эрминскій (вынимаетъ изъ кармана Пчелу и Литературную Газету). Вотъ онъ.

Наташа. Ахъ, дай мнѣ дочитать скорѣй конецъ этой чувствительной повѣсти, которая продолжается уже нѣсколько дней, и въ каждомъ листкѣ я вижу это досадное: продолженіе вперед!

Эрминскій (отдаетъ ей Литературную Газету, беретъ себѣ Пчелу и садится на право, къ другому столу). Они продолжаютъ слѣдующій разговоръ, читая). Проходя липовую аллею, которая отдѣляетъ этотъ садъ отъ нашего, тамъ у самага крыльца, я встрѣтилъ какую-то старуху, которая, кажется, служитъ у нашего управителя; она несла подъ рукой три толстыхъ тома.... отъ кого бы это?

Наташа. Онъ присылалъ просить натуральную исторію у насъ, — и мнѣ стоило довольно труда открыть нѣкоторые томы.

Эрминскій. А! это конечно для его ученаго племянника, который, какъ слышно, педаантъ въ высшей степени.

Наташа. Ну вотъ! Только четыре столбца и опять: продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ! Это несносно! Любопытствуешь узнать какой будетъ конецъ этого пламеннаго, увлекательнаго разсказа, и вѣчно недождешься. *(Бросаетъ газету).*

Эрминскій. Помилуй, душа моя! Это общее правило всѣхъ газетъ: необходимо сперва заинтересовать читателя, заставить его помучиться нетерпѣніемъ и напоследокъ, вдругъ обрадовать, выста-

вивъ въ скобкахъ отрадное слово: окончаніе.

Наташа. Но я угадываю сама, чѣмъ должна кончиться эта исторія: молодой человекъ вѣрно влюбленъ, и чтобъ войти къ ней въ домъ, онъ воспользуется минутою гнѣва или ревностию соперника, и тогда....

Эрминскій. Ну! ваше воображеніе, кажется, начинается разыгрываться!...

Наташа. Совсѣмъ нѣтъ, сударь! я разсуждаю о томъ, что и вы сами дѣлали когда-то, до нашей свадьбы! О, теперь я невольно вспоминаю объ этомъ.. потому что все совершенно переменялось.

Эрминскій. Какъ! что ты говоришь? Неужли я все не тотъ же?

Наташа. О, и похожаго нѣтъ на прежнее. Помните ли?

Въ выраженьяхъ самыхъ страстныхъ
Объяснялись вы всегда....

Эрминскій, (качая головой.)

Точно: глупостей ужасныхъ
Много дѣлалъ я тогда.

Наташа.

Вы тогда меня, любили.

Эрминскій.

И теперь люблю душой!..

Наташа.

Нѣтъ, вы прежнее забыли....

Эрминскій.

Нѣтъ! все помню, ангель мой!..

Наташа.

Что же, что? Узнать нельзя ли-съ?

Эрминскій.

Все напомяну я сполна:
Мы влюбились, обвѣнчались...
Я сталъ мужъ, а ты жена.

Наташа. И только-то?.. Впрочемъ, если мужчины всѣ таковы, такъ я и васъ не обвиняю, мой другъ.

Эрминскій. Ну вотъ, опять! Я повторяю тебѣ, милая Наташа..

Наташа. Нѣтъ, ужъ миновались тѣ мелочныя заботы, то особенное вниманіе, которое вы оказывали всѣмъ женщинамъ, въ особенности этой г-жѣ Из-

борской, которая обѣщала вамъ свою руку...

Эрминскій. Но послушай, мой другъ!..

Наташа. О, какъ тогда вы были интересны, а теперь.. Ахъ! мнѣ, кажется, не надо было никогда выходить за мужъ!

Эрминскій. Особливо женщины съ такою пламенной головой, какъ у моей Наташи.. Чтобы понимать другъ друга, по вашему, недостаточно чистосердечной любви: необходимо быть постоянно страстными! Но, другъ мой, всякая страсть есть болѣзненное состояніе чловѣка, горячка...

Наташа. Да, да; я вижу, что вы теперь совершенно въ добромъ здоровьѣ.

Эрминскій. По крайней мѣрѣ, я желаю наслаждаться нашимъ счастьемъ въ тишинѣ и спокойствіи, неувлекаясь пылкимъ воображеніемъ, которое за частую дурачить насъ, заставляя строить въ головѣ какіе-то воздушные замки.

Наташа. Да развѣ я строила когда воздушные замки?

Эрминскій. (вставил и подходит къ ней). Тысячу разъ! Вы, начитавшись романовъ, только этимъ и живете. Напримѣръ, когда ты еще меня не знала, что тебя особенно прельстило? То, что твой Эрминскій будетъ скоро эскадроннымъ командиромъ. О, ты тогда бредила воинскою славой, вмѣстѣ съ своими подругами. Я помню еще, какъ твои кузины лучше меня самого описывали, что значить военная служба. И надо отдать честь, у насъ есть такія дѣвицы — патриотки, что изучаютъ военныхъ съ ногъ до головы.

Будь въ бесѣдѣ ихъ злодѣйской

Любопытный кавалеръ:

Вамъ откроютъ, кто гвардейскій,
Кто армейскій офицеръ.

Въ этомъ женскомъ легионѣ

Знаютъ, кто не такъ одѣтъ,

Кто въ которомъ эскадронѣ,

Кто поручикъ, кто корнетъ;

Изъ любви, или отъ привычки

Знаютъ наши всѣ права,

Даже пуговицъ, петлички—

Знаютъ такъ, какъ дважды два!

И чтобъ можно безъ обмана

Своего узнать скорѣй,

Такъ у каждой изъ султана

Есть по перышку, ей, ей!

Патриотка съ нимъ мечтаетъ

И доходить до того, —

Онерится, полетаетъ,

И поймаетъ своего!

Почти также было и съ тобой: ты безъ ума была отъ моего красиваго мундира, однакожъ, черезъ шесть мѣсяцевъ заставила меня невольно подать въ отставку. Въ Петербургѣ мы жили очень весело, но вдругъ тебѣ вздумалось пожить въ этой деревнѣ; и точно, прѣхавъ сюда, ты была въ восхищеніи отъ удивительнаго мѣстоположенія, отъ дряннаго готическаго дома; любовалась этимъ садомъ (*показывал на право*), который такъ живописно отдѣланъ нашимъ управителемъ; тебѣ восхищала основная роща, ведущая къ самой деревнѣ; однимъ словомъ, точно здѣсь все пріятно, и что же? Едва прошелъ одинъ мѣсяць, какъ ужъ домъ этотъ кажется тебѣ слишкомъ огромнымъ....

Наташа. Ахъ, это также отъ того, мой другъ....

Эрминскій. Это также отъ того, милая Наташа, что съ тысячью прелестныхъ качествъ, ты имѣешь одинъ общій недостатокъ вашего пола. Вы вообще охотницы до приключеній. Жизнь однообразная, спокойная, безъ бурь, однимъ словомъ, прямое счастье, тебѣ не нравится; ты начинаешь чувствовать душевную пустоту, желаешь чего то неизвѣстнаго; случаетъ безъ причины и это такая болѣзнь, которую и опредѣлю однимъ словомъ: ты романистка.

Наташа. (съ живостію вставал). Я этого ожидала отъ васъ! Кто ничего ужъ не чувствуетъ, тотъ всегда такъ говорить, какъ вы... по вашему мнѣнію, тѣ, которыя все увеличиваютъ, все слишкомъ близко принимаютъ къ сердцу — поступаютъ дурно. Но хорошій романъ,

по моему мнѣнію, есть сама натура; въ немъ есть жизнь, жизнь настоящая, пѣтушая! И если случится, что *влюбленный* опишетъ то, что чувствуетъ,— вы тоже скажете, что это романъ, а я скажу, что это исторія сердца.

Эрминскій. Что такое? Влюбленный!

Наташа. Да это... вообще такъ говорится. Стало быть, мой другъ, я также скажу, что при многихъ хорошихъ качествахъ, вы имѣете одинъ общій недостатокъ вашего пола: надобно вамъ признаться, что эта докторская самоувѣренность, всегда мнѣ очень не нравится! Неужли при вашемъ мнѣніи о людяхъ, при этой опытности, вы до сихъ поръ не испытали, что значить сомнѣваться?

Эрминскій. Какъ, Наташа! Такъ тебѣ пріятнѣе бы было видѣть меня ревнивымъ?

Наташа. Ахъ, я бы очень желала этого!

Эрминскій. И безъ всякой причины?

Наташа. Для истинной любви развѣ нужны причины?.. Впрочемъ, если онѣ вамъ необходимы...

Эрминскій. Что такое? Что ты хочешь сказать?

Наташа. Ничего... О, если бѣ васъ меньше любили, вы получили бы славный урокъ!

Эрминскій. А я только что хотѣлъ дать тебѣ одинъ.

Наташа. Въ самомъ дѣлѣ? Когда же вы думаете начать?

Эрминскій. Да я ужъ началъ.

Наташа. Ахъ, да! Этимъ холоднымъ правоучевіемъ... но ужъ вы кончили его, такъ до свиданія, мой другъ, я пойду заняться музыкой.

Эрминскій. Какъ! ты меня оставляешь, когда я пришелъ раздѣлится съ тобою свободное время? Что это значить?..

Наташа. А почему я знаю?... Это женскій капризъ, желаніе итти на переکورъ,

все, что тебѣ угодно. Сдѣлай милость, не дѣлай мнѣ ни какихъ вопросовъ, а лучше старайся угадать.

Подумавъ, ты вѣрно сей часъ разгадаешь:

О людяхъ ты судишь отлично умно!

Холоднымъ разсудкомъ весь свѣтъ изучаешь,

Такъ женщины, конечно, ужъ знаешь давно:

Мы меньше васъ, точно, и видимъ и знаемъ,

Однако, какъ всѣ, я желаю сказать:

Мы все вамъ охотно узнать позволяемъ,

Но насъ, извините, вамъ вѣкъ не узнать!

(Уходить на право).

ЯВЛЕНІЕ II.

Эрминскій (однѣ). Ахъ, бѣдная Наташа! И она воображаетъ, что умѣетъ искусно притворяться... Но тайна твоя противъ воли обнаруживается; если бѣ даже я и прежде не зналъ о ней!.. О, счастлива она, что небо послало ей въ путешественника челоуѣка глубокомысленнаго, который испыталъ все, и стало быть, не боится этихъ дѣтскихъ угрозъ... Да, теперь идетъ дѣло о нашемъ будущемъ счастьи; я до тѣхъ поръ не выезжалъ изъ Петербурга, пока не придумалъ планъ самый надежный; я зналъ, что въ деревнѣ, въ этомъ уединенномъ жилищѣ, мнѣ легче всего привести его въ дѣйствіе, и я рѣшился.... Ея романическій характеръ становился очень опаснымъ, нуженъ былъ рѣшительный ударъ,—хорошо! Теперь между нами открытая война. (Оборачиваясь къ двери, въ которую Наташа вышла.) А! такъ я не знаю женскаго сердца. Увидимъ! Я все понялъ, все разсчиталъ, депъ въ день, минуту въ минуту.... И вотъ какъ только первое письмо дошло по адресу, то всѣ мои расчеты и оправдались... Теперь уже она желаетъ быть наединѣ, дѣлается нетерпѣливою, скрываетъ какую то тайну... Это пресвосходно! Въ этомъ уединеніи, гдѣ только и людей, что старый нѣмецъ, управитель, играющій съ нами въ вистъ, вдругъ кто-то ей внушилъ сильную

страсть, и кто-же?... какое то таинственное лицо, котораго она и не видитъ! Который ставитъ ее въ тупикъ своей перепиской; она ищетъ его, хочетъ узнать и не можетъ! О, какое обширное поле для ея воображенія! Но... еще вѣсколько терпѣнія, усилій — и я вымечу ее навсегда; тогда только мы будемъ вполне счастливы, а между тѣмъ, чтобъ угодить ей, я тайно велѣлъ построить въ концѣ основной роши прелестный кіоскъ, который вѣрно удивитъ ее. Вотъ ужъ восемь дней, какъ я отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ хожу и тороплю работниковъ.. *(Идетъ слушать къ двери)*. Однако музыки не слышно... она просто заперлась, чтобъ перечитать мое письмо... хорошо! Теперь время сдѣлать вторую атаку, какъ назначено въ моемъ планѣ... я одинъ... О, теперь у меня въ головѣ самое краснорѣчивое посланіе... Скорѣй за работу!... *(Садится къ столу и пишетъ, продолжалъ говорить)*. На вести ее на путь истинный... образумить ее... чтобы доставить счастье въ супружеской жизни! О, какая нравственная, высокая цѣль!... Конечно, хоть у меня есть истинные друзья, которые бы охотно взялись мнѣ помогать,—но, подумавъ хорошенько, я рѣшилъ, что въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, друзья будутъ лишними.

Чтобъ не могло несчастіе случиться,
Я сталъ одну комедію играть,
Сталъ за женой секретно влочиться,
И письма ей любовныя писать...
Хоть здѣсь въ друзьяхъ мы чувствуемъ потерю,

Но я жену скорѣй предаю врагамъ,
Скорѣй въ лѣсу разбойнику поверю,
Чѣмъ всѣмъ мопъ любовнѣйшимъ друзьямъ.

Боюсь только, что она узнаетъ мою руку, впрочемъ, я мастерски умѣю измѣнять почеркъ, и ей вѣкъ не догадаться.... *(Остается)*. Постой!.. Не написать ли ей лучше чегонибудь худаго на мой счетъ? Славная мысль!.. Это лучшее средство избѣжать подо-

зрѣній; за то послѣ она ужъ ни отъ кого не приметъ дурныхъ рапортчиковъ, полавныхъ на своего мужа... это будетъ очень полезно при случаѣ. Она же такъ ревнива! Я это и теперь замѣтилъ, когда она говорила о г-жѣ Извѣрской. Наташа и не знаетъ, что я написалъ къ пей три письма, одно за другимъ, только разумѣется не въ такомъ духѣ! Дѣло идетъ о самой запутанной лѣтѣ. А вотъ и готово; этотъ второй номеръ сильнѣе перваго, да такъ и должно; надо всегда идти crescendo въ такихъ случаяхъ! *(Встаетъ)*. Теперь куда же я положу это?... А.. въ ея рабочую корзинку. *(Кладетъ письмо въ корзинку, которая накрыта шитиелъ)*. Вотъ! Пусть змѣя лежитъ между цвѣтами!... А вотъ и она!... Опоздали, сударыня! Какъ будто ничего не знаю. *(Торопится съѣсть на право къ столу и показываетъ видъ, будто читаетъ журналъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Эрминскій и Наташа.

Наташа (особо, входя). Да, рѣшительно надо этимъ кончить; давно ужъ тайна эта только мучитъ меня! *(Подходитъ тихо къ кресламъ мужа.)* Другъ мой!

Эрминскій, (неподнимая головы). Ахъ! это опять ты!

Наташа. Опять?

Эрминскій, (продолжалъ читать свой журналъ). Вообрази, пишутъ, что вчера курсъ повзвился.

Наташа. Неужели?

Эрминскій. Да; прочти вотъ.

Наташа. Зачѣмъ? я тебѣ вѣрю....

Эрминскій. Какъ, зачѣмъ? Ты забыла, что нашъ капиталъ въ оборотѣ, и что мы можемъ быть въ убыткѣ....

Наташа. Ахъ, сжался, другъ мой, оставь на минуточку свой журналъ... (*Тихо*) Дѣло идетъ о большой тайнѣ, объ удивительномъ открытіи...

Эрминскій, (вставая). Ба! что-жъ это такое?

Наташа. Ужасное приключеніе! Ахъ, Боже мой! вотъ я теперь и не знаю какъ тебѣ сказать про это... вѣдь ты не станешь меня очень бранить, не правда ли?

Эрминскій. Нѣтъ.

Наташа. Я виновата... очень виновата... Да, другъ мой, я боялась тебѣ довериться... а все потому, что ты такъ худо понимаешь меня....

Эрминскій. Что жъ дѣлать! Извини, мой другъ....

Наташа, (удивясь его отвѣту). Извинить?... Ну, такъ вѣрно я не понимаю тебя?

Эрминскій. Можетъ быть. Объяснись же, что такое?

Наташа, (съ замѣшательствомъ.) Вообрази, душа моя, назадъ тому три дня... часу во второмъ, когда ты ушелъ со двора... я подошла къ моему туалету, и, не постигаю какъ это случилось, но, только очень странно...

Эрминскій. Что жъ такое? окончи!...

Наташа, (боязливо поглядывая на него.) Я нашла...

Эрминскій. А! ты нашла?

Наташа. Письмо!

Эрминскій. Письмо?

Наташа. Да, маленькое письмо... на мое имя и безъ подписи.

Эрминскій, (съ приторными удивленіемъ). Что ты говоришь!

Наташа. Оно было запечатано... и я, не изъ любопытства вѣтъ, а такъ... конечно, я должна бы была остановиться на первыхъ строчкахъ, не правда ли? Но въ немъ было что-то такое трогательное....

Эрминскій. Которое, разумеется ты прочитала....

Наташа. До конца.

Эрминскій. И ты мнѣ не сказала этого раньше?

Наташа. Я не смѣла!... Ты такъ строго... такъ сердить... что я даже и теперь боюсь твоихъ упрековъ, или лучше сказать, насмѣшекъ.

Эрминскій. А, стало быть, письмо довольно смѣшное?

Наташа. О нѣтъ, нѣтъ! Напротивъ... по въ немъ такія вещи, которыхъ ты не понимаешь... никакъ не хочешь понимать... въ немъ чувства самыя восторженныя, меланхолическая самая трогательная, которая какъ то невольно проникаетъ въ душу!

Эрминскій. Что ты говоришь! (*Особо*) Какъ тугъ попалъ!

Наташа, (вынимая письмо изъ кармана.) Вотъ ты увидишь!... Но, прежде всего, другъ мой, общай мнѣ не узнавать сочинителя этого письма.

Эрминскій. Однакожъ...

Наташа. Я прошу тебя. Притомъ же это будетъ бесполезно!

Эрминскій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣрно это какой нибудь заблудившійся путешественникъ. Ну, хорошо... я общаю.

Наташа. Хочешь прочесть его?

Эрминскій. Фи! За кого ты меня принимаешь?

Наташа. Нѣтъ, нѣтъ послушай: (*Читаетъ*) «Бѣдному сиротѣ, незнакому... му со свѣтомъ, потерявшему въ толпѣ, — мнѣ ничего не оставалось, ни что уже не привязывало меня къ жизни, какъ вдругъ, сама красота въ образѣ женщины, что я говорю? въ образѣ ангела, слетѣла на землю, и я въ одну минуту помирился съ жизнью!» (*Остановясь.*) Сколько чувства, а?

Эрминскій (особо). Смотрите, растрогалась!

Наташа. Я также, мой другъ, была одва въ свѣтъ, когда судьба сблизила меня съ тобой.

Эрминскій. Помню, помню; продолжай....

Наташа (читаетъ), «Появленіе ваше было для меня чуднымъ видѣніемъ, «которымъ я и теперь еще ослѣпленъ! «Увы! васъ не стало тамъ болѣе, но я все «еще воображалъ васъ, я видѣлъ тотъ «голубой шарфъ, который былъ налѣтъ на «васъ, опять положеннымъ на балконѣ! «Цѣлый день я оставался не подвижнымъ, «смотря на него, какъ будто сквозъ эту «воздушную ткань, я могъ опять уви- «дѣть идеалъ, перемѣнившій мою пе- «чальную жизнь, въ прекраснѣйшій «сонъ!»

Эрминскій (особо. съ самодовольт- вѣемъ.) Оно вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, не- лурно.

Наташа. Простой шарфъ!... И про- изводитъ такое дѣйствіе!...

Эрминскій (особо). Какъ это мило!.. ха! ха! ха! Я самъ его положилъ туда.

Наташа. Какъ, другъ мой! вы смѣ- етесь?

Эрминскій. Я?... совсѣмъ нѣтъ; я очень спокойно слушаю....

Наташа. Спокойно!... Такъ все это для васъ ничего не значить?

Эрминскій. Гмъ!.. ничего.

Наташа. Стало быть, вы не появи- того, что я вамъ читала?

Эрминскій. Нѣтъ, поаялъ.

Наташа. Но подумайте, вѣдь это ка- сается ли вашей жены?

Эрминскій. Да, касается... но такъ какъ ты сама мнѣ все открыла...

Наташа. Да вѣдь и конецъ въ этомъ же родѣ....

Эрминскій. А!..

Наташа. И авторъ этого письма объ- щалъ мнѣ другія!

Эрминскій. Что ты говоришь! Другія?

Наташа. Да, и скоро найдетъ случай доставить мнѣ....

Эрминскій (особо). Да, ужъ второй номеръ въ дорогѣ.

Наташа, (съ нѣкоторымъ волнені- емъ.) И вы молчите! Вы спокойны!

Эрминскій. Я молчу! Нѣтъ, чортъ ме-

ня возьми, это ужасно! это нестерпимо! Я, пожалуй, готовъ взбѣситься....

Наташа. Пустое, пустое; это совсѣмъ не натурально! Вы теперь сердитесь ме- нѣе чѣмъ когда нибудь; можно подум- ать, что вы играете комедію.

Эрминскій. Да нѣтъ- же! Я говорю серьезно, что если встрѣчу дерзкаго.....

Наташа. Но вы общали мнѣ не- стараться узнавать его.

Эрминскій. Ну, хорошо. Такъ чего же ты отъ меня требуешь?

Наташа. Какъ чего? Въ такомъ слу- чаѣ люди съ душой, беспокоятся, сер- дятся, ревнуютъ; помилуйте: вѣдь вамъ ясно говорятъ, что это писалъ другой, такъ надо думать о себѣ.

Эрминскій. Конечно, и я тоже думаю, думаю что.... если все принять это къ сердцу: эти мысли, слогъ, все это.... то признаюсь....

(Особо)

Ахъ, Боже мой! какое положенье! Я сбилъ совсѣмъ и мысли и слова...

паташа.

Ну, что жъ, мой другъ? Откройте ваше мнѣнїе?

эрминскій (услышавъ звонокъ).

Нѣтъ, насъ зовутъ позавтракать сперва.

наташа.

Ахъ, Боже мой! что можетъ быть смѣшнѣе!

(Сердцась)

Да развѣ мы про завтракъ говоримъ?

эрминскій.

Но разсудъ, — тамъ лучше и скорѣе, Мы мѣненіе и голодъ утолимъ.

Ну, душечка, пойдемъ-ка, пойдимъ.

Наташа. Я не хочу! (Особо) Не стон- ло труда показывать ему это письмо.

Эрминскій (особо). Она взбѣшена! Значитъ мое хладнокровіе заставило ее забыть о соперникѣ... все это было пред- положено въ планѣ. (Громко и доктор- скимъ протяжнѣлымъ тономъ.) Вотъ, видишь-ли, бѣдная моя Наташа, какъ слѣ- по необузданное воображеніе, и какъ страсть, при самомъ нечувствительномъ притворствѣ, доходитъ.....

Наташа, (скоро и холодно.) Развѣ вы не хотите завтракать?

Эрминскій (опомлясь). Нѣтъ, ужасно хочу, хочу! (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Наташа (одна). Ахъ! какой человекъ! Я не успѣю ни когда разшевелить его! Онъ просто не любитъ меня и не стоитъ той довѣренности, которую я оказала ему! Я чуть, чуть не сказала о сочинителѣ этого письма... я, кажется, угадала его... да, точно... въ этой отдаленной сторонѣ, гдѣ у насъ почти ни съ кѣмъ нѣтъ сообщенія, только онъ одинъ можетъ это сдѣлать. Бѣдный молодой человекъ! (*Подходитъ къ окну.*) Всякой день я его замѣчаю въ этомъ саду... одинокаго, какъ онъ пишетъ въ письмѣ... всегда задумчиваго; вѣрно онъ для того поселился здѣсь, чтобы на свободѣ приготовиться къ экзамену... Неужели впечатлѣніе, произведенное мною, въ состояніи его отвлечь отъ занятій? (*Садясь къ рабочему столу.*) Я сама замѣчаю, что съ нѣкотораго времени онъ болѣе прогуливается... часто очень занимается стрельбою... Вотъ онъ! (*Отворачиваясь*) Не буду смотреть на него. (*Беретъ свою работу.*) Мнѣ говорили, что онъ дурень!... Что даже ходитъ всегда сгорбившись... это вѣрно отъ занятій... а этотъ пасмурный взглядъ? Ахъ, это отъ страданій... тѣхъ страданій, которые онъ описываетъ такимъ трогательнымъ перомъ. (*Беретъ свою корзинку, изъ нея выпадаетъ бумажка*) Что это за бумага?... (*поднимаетъ*) Еще письмо? Видно онъ правду говорилъ, что я ихъ вездѣ буду находить! Кто-же положилъ ее туда?... (*Вставая*) Моя Катерина вѣрно съ нимъ за одно, и какъ она ни запирайся, а я ее прогоню!.. (*Останавливаясь*) Но за что же? Она такъ ко мнѣ привязана.. да... а тамъ,

послѣ... Ахъ, какое неблагоразуміе!... Если бъ мужъ мой замѣтилъ... хорошо, что онъ не такъ много мной занимается... (*Ворочая въ рукахъ письмо.*) Что онъ можетъ еще писать мнѣ? Такъ, какъ мужъ мой все уже знаетъ, то я могу прочитать... вѣрно онъ подписалъ это письмо. (*Открываетъ письмо.*) Нѣтъ, имя его все еще остается неизвѣстнымъ... (*Читаетъ.*) «Я ужасно страдаю, сударыня! Хоть прежде я удерживался всѣми силами, чтобъ не дѣлать вамъ этого признанія; но тоска моя возрастаетъ безпрестанно; жестокая горячка пожираетъ меня, вдали отъ васъ, вездѣ и всегда! Такъ, я не обманываюсь.. это любовь... но любовь святая, чистая, возвышающая меня до моего идеала!» (*Останавливаясь.*) Вотъ это настоящій языкъ сердца! (*Читаетъ*) «Всякой день я имѣю счастье видѣть васъ, не бывъ вами замѣченъ.» (*Останавливаясь, читаетъ*) «Да, обожаемая Natalie. (*Останавливаясь.*) Ба! онъ знаетъ мое имя! А! такъ онъ все знаетъ! (*Читая*) «вѣрно ваше сердце проститъ мнѣ эту страсть, особливо если вы сравните ее съ равнодушіемъ того человека, который никогда не умѣлъ васъ познать...» (*Останавливаясь*), точно, въ этомъ то все мое несчастіе!... (*Читая*), и «который не оказываетъ этого равнодушія другимъ особамъ». — (*Останавливаясь*) Что, что это значитъ? (*Читая*), «который не оказываетъ этого равнодушія другимъ особамъ.» (*Останавливаясь*). Что значать эти неопредѣленные слова? Какъ я должна понять ихъ? Что онъ любитъ другую? Нѣтъ! это невозможно; нѣтъ, я ему не вѣрю, эта клевета, благородная хитрость, и я отомщу ему!.. (*Хочетъ разорвать письмо и останавливается*). А если жъ это правда? Какъ мнѣ понять эту холодность, эту убійственную безпечность? Неужели онъ можетъ скрывать какія нибудь намѣренія?... (*Опять взявъ письмо.*) Можетъ, далѣе объяснится все. (*Читая*) «Я ничего не требую болѣе,»

«какъ одного великодушія, дайте мнѣ замѣтить, что есть душа меня пови-
«мающая... Ахъ! одно слово, одно ваше слово будетъ для меня блаженствомъ!..
«Оно вамъ ничего не стоитъ!... Подъ
«вашимъ окномъ стоитъ ваза съ цвѣ-
«тами, и вы безопасно можете положить
«въ нее отвѣтъ.» Болѣе ничего... о мо-
«емъ мужѣ... Что же и должна думать?
какъ узнать истину? О, несчастное по-
«дозрѣніе! Оно тутъ, я это чувствую: хо-
«чу уничтожить его и не въ силахъ!...
«Что же мнѣ дѣлать? искать Платона? до-
«просить его? къ чему? Эти господа мужа
имѣютъ столько присутствія духа, столь-
«ко смѣлости; онъ отогрется отъ всего и
«возьметъ свои мѣры, чтобъ помѣшать
«мнѣ узнать истину... Ахъ! вѣрно этотъ
«молодой человекъ, знаетъ что нибудь
«объ этомъ!.. Онъ напрасно не захотѣлъ
«бы вооружить меня... у него такая чест-
«ная, добрая наружность... точно, онъ
«желаетъ мнѣ доказать свою преданность;
«о, какъ это благородно!.. Пусть мужъ
«мой узнаетъ послѣ, что я не такая жен-
«щина, которую легко оставить въ недо-
«умѣніи... Да, и хочу все знать, и узнаю
«непретѣвно!... (Идетъ въ глубину) Нико-
«го! (Отворяетъ дверь.) Онъ все еще зав-
«тракаетъ. (Подходитъ къ столу, беретъ
«перо, въ перышительности.) Такъ пусть
«будетъ виноватъ тотъ, кто заставилъ ме-
«ня! (Пишетъ быстро и съ безпокойст-
«вомъ.) «Особа, который вы оказываете
«столько вниманія, свидѣтельствуетъ
«вамъ свою признательность, и, кромѣ
«уваженія, ничего не можетъ питать къ
«вамъ... она найдетъ на откровенность
«честнаго человека. Вы должны мнѣ от-
«крыть все, что знаете объ Эрмин-
«скомъ, описать всѣ его поступки; ваши
«совѣты и сожалѣніе ей не нужны, она
«хочетъ знать одну только правду.» Ахъ,
«что я дѣлаю? кому я рѣшилась пи-
«сать? Что онъ подумаетъ? (быстро
«идетъ къ окну.) Вотъ онъ... смотреть
«сюда... поклонился мнѣ... (Она ему
«кланяется и бросаетъ письмо.) Такъ и

быть! Вотъ онъ увидалъ мое письмо,
идетъ искать его въ цвѣтахъ. (Отхо-
«дитъ отъ окна.) Но что онъ будетъ
«отвѣчать!.. Какъ это беспокоитъ ме-
«ня!... Мой мужъ... надо оправиться...
(Садится и принимается за работу.)

ЯВЛЕНІЕ V.

НАТАША И ЭРМИНСКІЙ.

Эрминскій, (входя, особо.) Преапе-
титно позавтракалъ, а вмѣсто десерта
буду продолжать свои замѣчанія. Она
занята, не шевелится; любопытно узнать,
какова-то была участь моего втораго пись-
ма. (Подходитъ къ кресламъ Наташи,
громко). Наташа!

Наташа, (не поднимая головы). Ахъ,
это опять ты!

Эрминскій. Опять?

Наташа. Хорошо ли ты позавтра-
калъ?

Эрминскій. Не очень, потому что тебя
не было со мною...

Наташа, (какъ будто недовольная).
Ахъ!

Эрминскій; (наклоняясь надъ работой
Наташи.) Вотъ это вышито прелестно;
я вѣдь большой знатокъ...

Наташа. Охъ, всегда одно и тоже!...

Эрминскій. Очень хорошо, отмѣнно..
однако... знаешь что? (взявъ рабочую
корзинку) Тамъ есть тѣви, гораздо вѣж-
ливѣ этихъ...

Наташа, (вырываетъ корзинку изъ рукъ.)
Оставьте: я не люблю, чтобъ трогали
мою рабочую корзинку.

Эрминскій (особо). А! такъ ужъ пись-
мо у нея?... (Минута молчанія, въ ко-
торую Наташа продолжаетъ работ-
тать. Эрминскій смотритъ на нее вни-
мательнѣе, потомъ говоритъ громко.)
Что это, милая Наташа, ты, мнѣ ка-
жется, чѣмъ-то озабочена, а?

Наташа. Быть можетъ... (Смотритъ
на своего мужа.) Я разсуждала о нашемъ

утреннемъ разговорѣ, объ этой привязности, которую будто бы вы постоянно ко мнѣ питаете.

Эрминскій. Развѣ ты сомнѣваешься?

Наташа. О, Боже меня сохрани! При томъ же сердцемъ не повелѣваютъ, однако скажи мнѣ, можетъ-ли жена привыкнуть къ равнодушію мужа, когда знаетъ, что онъ неумѣетъ быть (*ударяя на слова и глядя проникательно на мужа*) равнодушнымъ къ другимъ особамъ?...

Эрминскій (особо). Она читала мое письмо!

Наташа. О, если бѣ и знала...

Эрминскій. Наташа! я клянусь тебѣ...

Наташа. Хорошо, хорошо; современемъ все открывается.

Эрминскій (особо). Прекрасно! она хочетъ узнать, правда ли то, что я нагаляю на себя; того-то мнѣ и хотѣлось.

Наташа. Ну, а съ вами что? Вы также, мнѣ кажется, чѣмъ-то озабочены!...

Эрминскій. Да... и также немножко призадумался объ этомъ незнакомцѣ.

Наташа, (будто припоминая). О какомъ это незнакомцѣ?...

Эрминскій. Ну, вотъ, о безъименномъ-то сочинителѣ.

Наташа, (будто вспоминая). А, да; я, право, имъ вичуть не занимаюсь.

Эрминскій. А я, такъ напротивъ! вѣдь онъ сказалъ, что за первымъ письмомъ послѣдуютъ и другія; хорошо, если бѣ онъ прислалъ тебѣ другое... еслибѣ только осмѣлился...

Наташа. Такъ что жѣ?

Эрминскій. Какъ что жѣ?

Наташа, (смотря на работу). Я вамъ покажу его.

Эрминскій. О, разумѣется... (*особо*) А сама не показываетъ! (*громко*) Какъ только я вспомню объ этомъ, то невольно досадно! Это ужасно! Такъ дерзко, такъ обдуманно соблазнять женщину!

Наташа. Тутъ вѣтъ ни какой обдуманности!

Эрминскій. Вотъ славно, такъ по вашему нельзя на него и сердиться!

Наташа. Безъ сомнѣнія; молодымъ людямъ простиительно...

Эрминскій, (перебивая скоро). Позвольте, а кто вамъ сказалъ, что онъ молодой человекъ?

Наташа. Это было сказано въ письмѣ.

Эрминскій, (съ веселостью). Со всѣмъ вѣтъ, объ молодости не было ни одного слова.

Наташа. Было.

Эрминскій, (разгорячась). Да вѣтъ же! Я очень хорошо знаю, потому что...

Наташа, (перебивая скоро). А вы почему знаете, вѣдь вы не читали письма?

Эрминскій, (опомнись). Ахъ, правда, правда; извини... (*про себя*) О, да она ужъ и джетъ. (*ей*) Впрочемъ, все равно, молодой или старой, какъ вамъ угодно, только отъ чего-же онъ до сихъ поръ остается невидимкой! Это подозрительно... вѣрно ему стыдно показаться.

Наташа. А вамъ не стыдно унижать несчастнаго?

Эрминскій (особо). О, да она ужъ готова защищать невидимку: у нея такое воображеніе, которое воспламеняется все болѣе и болѣе! Какъ необходимо нужно было исправить ее!

Наташа, (бросивъ взглядъ на окно; особо). Мнѣ кажется, онъ и не думаетъ уйти отсюда!..

Эрминскій. Ну, душа моя, видишь-ли ты, вотъ тебѣ новый примѣръ, какъ легко обмануть свое воображеніе предметомъ вовсе не бываломъ! Не лучше ли послѣ этого...

Наташа. Развѣ ты не пойдешь со двора?

Эрминскій. Не много погоди.. и такъ не умнѣе ли придерживатся существенности.

Наташа. Давеча приходилъ къ тебѣ староста, и вѣрно ждетъ тебя въ кабинетѣ.

Эрминскій (особо). Она и выживаетъ

меня, чтобъ приготовить отвѣтъ... пойду, осмотрю вазу съ цвѣтами; теперь все въ моихъ рукахъ; и я могу, когда угодно, ковчить это испытаніе. (*Идетъ, въ эту минуту маленькая записочка, брошенная въ окно, падаетъ къ ногамъ Наташи*).

Наташа, (вскрикнувъ) Ахъ!.. (*особо*) Отвѣтъ!

Эрмисскій, (оборачиваясь). Что ты говоришь?

Наташа, (поставивъ ногу на письмо). Ничего.. я хотѣла напомнить, чтобъ ты не забылъ узпать, зачѣмъ приходилъ староста.

Эрмисскій. Какъ же забыть, когда и за этимъ иду?... (*особо*) Ахъ! какой урокъ я ей готовлю! (*ей*) а ты развѣ не пойдешь въ свои комнаты?...

Наташа, (не тролаясь съ мльста, все еще закрываетъ записку полой). Сей часъ.

Эрмисскій (особо). Теперь время пустить въ ходъ третій номеръ. (*Уходитъ на право*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Наташа (одна). Наконецъ-то! (*только дверь запирается, она поднимаетъ записку*). Да, это долженъ быть отвѣтъ.. Ахъ, какъ бьется у меня сердце. Что-то и узнаю (*открываетъ письмо*). Теперь онъ написалъ карандашомъ, и рука такая страшная, что я не знаю что и подумать? (*Читаетъ*) «Милостивая госуларыня! благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ сдѣлали. (*повторяя*) честь, которую вы мнѣ сдѣлали. (*Остановилась*) Что это?... (*Смотритъ на подпись*) «Августъ!» Его зовутъ Августомъ!.. А, понимаю.. теперь, подписавъ свое имя, онъ пишетъ гораздо почтительнѣе! Это хорошо. (*Читая*) «Благодарю васъ за честь которую вы мнѣ сдѣлали, требуя отъ меня поясненій;

«это мнѣ не стоило большаго труда— «вотъ онъ!...» (*Остановилась*) Ахъ, Боже мой! (*Читая*) «Я ни на кого не люблю доносить, но дѣлаю это единственно изъ желанія угодить той, которая сама такъ «скоро угадала мои чувства.» (*Остановилась*) Что? я угадала?!... (*Читаетъ*) «Эти чувства давно уже были посвящены ей одной и мое послушаніе будетъ «доказательствомъ ихъ чистосердечія. «Вотъ все, что я могу открыть вамъ.» (*Остановилась*) Ахъ, что я узнаю?... (*Читая*) «Я и дяди мой, даю уроки «здѣшнему чиновнику. который живетъ «по близости и завѣдываетъ почтой...» (*Выходя изъ терпильи читаетъ*). «Въ «прошедшемъ мѣсяцѣ, этотъ человекъ, «про котораго вы мнѣ пишете, приходилъ три раза къ этому чиновнику, «чтобы отослать письма, на имя Г-жи «Изборской, къ Петербургу...» (*Остановилась*) А, онъ ей писалъ... и скрывалъ это... все объясняется... Посмотримъ «далее... (*Читаетъ*). «Съ тѣхъ поръ «семь болѣе не посылали; но всякій «день, въ два часа, онъ ѣздитъ потомъ, «также секретно въ основную рошу, а «за чѣмъ? ужъ я, извините, не понимаю!» (*Остановилась*) А, и угадываю! Эта женщина вѣрно здѣсь!.. она скрывается въ окрестностяхъ... Какая низость! (*Читая*) «Я постараюсь собрать другія «подробности. Если бѣ только вы, сударыня, удостоили меня принять, я бы «нашелъ предлогъ, подъ которымъ мож- «но къ вамъ явиться, и привезъ бы къ «вамъ вашу натуральную исторію...» (*Остановилась*) Опять исторія!.. (*читая*): «и вы бы увидѣли, что я стою вашей «довѣренности.» Я ничего не узнаю! какое вѣроломство! Такъ вотъ, что значить эта холодность!... А я еще думала, что меня любятъ.... да, не смотря на все мой упрекъ, я увѣрена была, что онъ въ душѣ любитъ меня!... О, мужья! Теперь я васъ узнала!...

Онъ умны дѣйствительно,
Любезны, хороши,

Но нѣтъ у нихъ рѣшительно
Ни сердца, ни души!..
(*Сквозь слезы*)
Мы ими все наказаны.
Не любить насъ никто!
За что жъ мы къ нимъ привязаны?
Скажите мнѣ, за что?
(*Съ негодованіемъ*)
Теперь свое рѣшеніе
Хочу я измѣнить:
Не умирать въ отмищеніе, —
Но жить и не любить!!

(*садится въ углу.*)

==

ЯВЛЕНІЕ VII.

Эрминскій и Наташа.

Эрминскій (*особо, входя*). Я ничего не нашелъ въ цвѣтахъ... все равно, я рѣшился скорѣе все это кончить, и вотъ въ заключеніе... (*показывая новое письмо, которое держитъ въ рукахъ*) самое трогательное... куда я положу его?... (*Замѣтивъ Наташу*). Ахъ, чортъ возьми! (*прячетъ письмо, громко*) Какъ Наташа, ты не ушла еще въ свои комнаты?... Э! да что съ тобой? какое волненіе, перемѣна!..

Наташа. Это ничего. (*Онъ хочетъ взять ея руку, она останавливаетъ.*) Оставьте меня!

Эрминскій. Отъ чего это твое лице такъ измѣнилось?

Наташа. Видѣли вы своего старосту?

Эрминскій. Да.

Наташа. Стало быть, васъ ничто долге не удерживаетъ! И вы пойдете со двора?

Эрминскій. А который часъ?

Наташа. Два часа; давно ужъ пора.

Эрминскій. Что?

Наташа. Разумѣется, это часъ вашей обыкновенной прогулки!

Эрминскій. Да, точно; меня ждутъ работники.

Наташа. Вы отправитесь одни?

Эрминскій. Одинъ. Я велѣлъ ужъ Андришкѣ осѣдлать лошадь.

Наташа. Не смотря и на худую погоду?

Эрминскій. Худую погоду... а развѣ худа погода? (*особо*) Вотъ счастливый случай, положу письмо на окно.... (*Подходитъ къ окну и кладетъ на него письмо, громко.*) Нѣтъ, погода прекрасная!

Наташа. Ну, тѣмъ лучше... И вы, разумѣется, какъ прежде, поѣдете къ осиновою рошѣ?

Эрминскій. Ну, не знаю, тамъ увижу... (*особо*) Не узнала ли она о работахъ....

Наташа (*особо*). О, я знаю кого онъ тамъ увидитъ!... (*громко*) Не угодно ли, чтобъ и я съ вами отправилась?

Эрминскій. О, нѣтъ... ты, кажется, не такъ здорова.... лучше слѣдуй, если останешься.

Наташа (*особо*). О, какой двудичный!..

Эрминскій. Я иду переодѣться, прощай, мой другъ. (*Хочетъ поцѣловать ее.*)

Наташа, (*отдалля его.*) Я васъ увижу прежде отъѣзда.

Эрминскій. Ну, хорошо, пожалуй. (*Уходитъ, напивая.*)

==

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Наташа (*одна*). И онъ еще поетъ! Какое ужасное притворство! О, если бъ я могла слѣдовать за нимъ, чтобъ удостовѣриться, чтобъ захватить его при этомъ коварномъ свиданіи... И нѣтъ друга, которому бы я могла довѣриться! О, нѣтъ! какъ я несправедлива! Есть на свѣтѣ одно только существо, которое привержено, всегда готово мнѣ повиноваться... да... это его собственныя выраженія. И безъ всякой надежды получить награду.... (*Идетъ къ окну*). Онъ все еще тамъ.. Ахъ, Боже мой! что онъ дѣ-

лаеть? Онъ опять съ ружьемъ; вѣрно опять хочетъ заняться стрельбою... (Взглянувъ за окно, она находитъ письмо, положенное Эрминскимъ). А, еще письмо! Видно онъ все время проводить въ этомъ занятіи... по какъ же онъ успѣлъ положить его сюда... впрочемъ для любви все возможно! (Смотря на письмо). Не пишетъ ли онъ еще чего объ мужѣ? это не подписано. «Ангелъ мой! я вами только и дышу!» (остановльсь). Опять воспламенился, а сейчасъ прехладнокровно писалъ мнѣ о предметахъ постороннихъ... съ нимъ вѣрно случаются припадки. (Читалъ). «Мученія любви превышаютъ силы мои; я вѣду, но не прежде, какъ сказавъ вамъ вѣчное прощаніе. Если вы мнѣ откажете въ счастіи видѣть васъ одну минуту; то я не знаю какой крайности можете довести меня мое отчаяніе!» (Остановльсь) Ахъ, Боже мой! Неужели онъ хочетъ застрѣлиться? (Читалъ) «Скорѣ постучать къ вамъ въ дверь, знайте, что это буду я... ожидающій жизни или смерти...» О, небо! онъ сошелъ съ ума! (Бросаясь къ окну въ сильномъ испугѣ). Онъ приготовляетъ оружіе?... Остановитесь... остановитесь! ужъ не припятъ ли мнѣ его; неужели мужъ мой увхаль? Не надо, чтобъ онъ убѣжалъ... нѣтъ, не надо!

ЯВЛЕНІЕ IX.

НАТАША И ЭРМИНСКІЙ.

Эрминскій, (переодѣтый въ охотничій сюртукъ). Ну вотъ и я готовъ.

Наташа (въявльсь). Куда вы собрались?

Эрминскій. Какой вопросъ! Гулять!

Наташа. Нѣтъ, вы не пойдете.

Эрминскій (особо). Какъ! теперь она меня удерживаетъ.

Наташа. Я не хочу, чтобъ вы ѣхали со двора...

Эрминскій. Наташа! что значитъ этотъ тонъ?

Наташа. Я имѣю право говорить съ вами такимъ тономъ!

Эрминскій. А, когда ужъ дѣло дошло до правъ, я воспользуюсь моими и объявлю тебѣ, мой добрый другъ, что мнѣ ничто не помнщает исполнять моихъ вѣрбврей.

Наташа. А развѣ не бонтесь, что я начну исполнять свои?

Эрминскій. О, какая горячность!

Наташа. Я знаю, что удаляясь отъ сюда, вы рѣшаетесь на страшный соблазвъ.

Эрминскій. Соблазвъ? (особо) Это изъ моего перваго нумера.

Наташа. Для этого вы забываете все, и даже ту, которой обязаны покровительствовать, не оставляя безъ защиты...

Эрминскій (особо). А это изъ втораго нумера.

Наташа. Неужели вы думаете, сударь, что оказывалъ свое равнодушіе, никто другой не вздумаетъ воспользоваться этимъ случаемъ.

Эрминскій (особо). А это изъ третьяго нумера.

Наташа. Знайте же, сударь мой, въ ту минуту, какъ вы меня оставляете, мнѣ нужно необходимо ваше присутствіе, потому что меня окружаютъ опасности, опасности сѣрьезныя! Давно ли я вамъ сказала? Неужели вы и теперь хотите оставить меня одну?

Эрминскій. Ха! ха! хе! хе!

Наташа. Вы смѣтаетъ!

Эрминскій. Я не боюсь этихъ опасностей и объясню тебѣ все по возвращеніи...

Наташа (съ усиленіемъ). Нѣтъ! теперь или никогда! Другъ мой! я не могу долго сносить презрѣнія; терпѣніе мое можетъ истощиться.

Эрминскій. О, какая голова!

Наташа. Вы хотите огласки, разрыва, говорите!

Эрминский. Разрыва? (спокойно) Садитесь!

Наташа. Какъ? пеужели?

Эрминский. Садитесь, я прошу васъ, вы теперь въ такомъ положеніи, до котораго мнѣ хотѣлось довести васъ.

Наташа. Какъ!...

Эрминский, (садится возле нея и принимаетъ серьезный видъ). Съ тѣхъ поръ, милый другъ, какъ я началъ изучать жещинъ, я узналъ, что бываетъ источникомъ ихъ заблужденій.

Да, я знатокъ по этой части
И докажу, чтобъ знали вы:
Что ваши пагубныя страсти
Родятся все изъ головы!
Мои слова хоть и жестоки,
За то полезны, мой дружокъ...

Наташа (тихо).

Платонъ читаетъ мнѣ уроки,
(Поглядывая въ сторону)

А тотъ Платону дастъ урокъ.

Эрминский (тихо же тономъ). И такъ, мой другъ, я давно хотѣлъ открыть тебѣ твое опасное положеніе, какимъ нибудь искуснымъ образомъ, т. е., дать самый полезный урокъ, ха! ха! Такъ узнай же, что я придумалъ: тотъ таинственный герой романа, котораго ты въѣкъ бы не увидала безъ меня, это безымянное лицо, столь интересное по своимъ письмамъ...

Наташа. Кто?

Эрминский. Это я!

Наташа. Вы?

Эрминский. Да это я, твой мужъ,— авторъ этой страстной романической переписки. Что, сударыня, наконецъ вы теперь разочарованы! Хотя вы и думали, что я не способенъ къ такому краснорѣчію, но мнѣ также легко перемѣнить слогъ, какъ и мой почеркъ. Да, мой другъ, все письма, полученныя тобою въ теченіе этого времени, писалъ я.

Наташа, (изумленная). Все письма?

Эрминский, (смилая). Ну да, все, все... ха! ха! ха!...

Наташа, (выждавъ). И написанное карандашемъ?

Эрминский, (изумаясь). Что? карандашемъ?

Наташа. Да, то письмо, которое васъ обвиняетъ.

Эрминский, (заикаясь). То... которое... да... я... (Особо). Чтожъ это такое?

Наташа, (вынувъ записку изъ кармана). Увѣрьте меня, что эти подробности писаны вами. (Читаетъ.) «Въ прошедшемъ мѣсяцѣ этотъ человекъ» (говоря) Это вы.. (читаетъ) «приходили три раза къ почтамтскому чиновнику и отсылалъ письма на имя г-жи Изборской въ Петербургъ.»

Эрминский, (вставая). Да, да (Особо) Какая змѣя написала это! (громко) Покажите-ка мнѣ...

Наташа, (также вставая). Зачѣмъ? Вѣдь вы говорите, что это вы писали...

Эрминский. Ну, да... чортъ возьми! я... (Силаясь смѣяться) Чтобъ васъ же расшевелить, возбудить ревность, чтобъ узнать, наконецъ, любите ли вы меня...

Наташа, (съ радостію). Въ самомъ дѣлѣ? но я не смѣю вѣрить.

Эрминский. Почему же? впрочемъ, я не помню всего, что въ немъ написано? Вѣрно тоже было что нибудь о любви какъ и въ другихъ!

Наташа. Разумѣется.

Эрминский (особо). Чортъ побери!

Наташа, (догадываясь). Ахъ, да! какимъ же образомъ вы это писали? Вѣдь эта записка была брошена въ окно...

Эрминский. Такъ что жъ! Да, въ окно, потому, что въ это время я былъ...

Наташа. Вы были здѣсь.

Эрминский. Ахъ, я былъ!.. Да я очень хорошо знаю, я былъ здѣсь. (Особо) Хорошо же я былъ въ это время!

Наташа. Такъ какъ же послѣ этого вы мнѣ объясните?

Эрминский (съ замѣшательствомъ). Какъ нельзя проше... и приказалъ... да, это Авдюшка бросилъ...

Наташа. А, это вашъ Андрюшка?..

Эрминскій. Да, это мой Андрюшка...

Наташа (особо). Я такъ и думала. (зрѣя). А мой отвѣтъ вы получили?

Эрминскій, (снова удивлясь). Что? вашъ отвѣтъ?

Наташа. Да отвѣтъ... опъ былъ въ вазѣ съ цвѣтами.

Эрминскій, (съ сердцемъ). Да, чортъ возьми, я, все я!.. Въ вазѣ съ цвѣтами! (особо). Дѣло, чертовски запуталось! (зрѣя). Какъ, сударыня, и вы отвѣчали любовнику? хоть положимъ, что это вы мнѣ... однако, вѣдь вамъ неизвѣстно было, что это я... следовательно, ваша правдивость... вы понимаете?... это нестерпимо, ужасно!

Наташа. Напротивъ, мой другъ! это сдѣлаво было съ намѣреніемъ, чтобы васъ разшевелить, узнать, любите ли вы меня... а иначе, я не стала бы и отвѣчать, этому господину Августу.

Эрминскій, (снова удивясь). Августу! вы отвѣчали г-ну Августу?

Наташа. Вѣдь онъ—вы же; Чему жъ тутъ удивляться!

Эрминскій. Да, конечно я...

Наташа. Вѣдь, по вашему, это лицо не существуетъ.

Эрминскій. Да... нѣтъ... разумѣется, не существуетъ и вѣкогда не существовало. (За кулисами слышны три легкіе удара).

Эрминскій и Наташа (останавливаются отъ изумленія и поглядываютъ другъ на друга). Ахъ!

Эрминскій (особо). Ба! мой сигналъ.

Наташа (тихо). Скажите, пожалуйста—ста...

Эрминскій. Что?

Наташа. Это вы же тамъ стучите?

Эрминскій. Это? пѣтъ... это опять Андрюшка. (особо) О! это ужъ слышномъ! (идетъ въ глубину къ лѣвой двери).

Наташа. Куда вы идете?

Эрминскій (съ горячностью). Оставьте меня, сударыня, оставьте! (Уходитъ).

Наташа (одна). Боже мой! я боюсь, что и должна подумать? Если въ самомъ дѣлѣ пришелъ этотъ молодой человекъ... я слышу шумъ голосовъ, пѣтъ это не Андрюшка... это вѣрно Августъ... Боже мой! ес. ли мужъ вылететь изъ себя... я должна теперь ожидать всего... Побѣгу. (Дверь отворяется). Вотъ опъ!

Эрминскій (входитъ, держа три огромные тома подъ рукой; особо) Счастливо же отъ него отдѣлялся! Этотъ глупый педантъ воспользовался моею перепискою... (Наташа, чтобы скрыть свое смущеніе и удержаться отъ смѣха, опускаетъ глаза). Да моя милая, тамъ точно былъ Андрюшка...

Наташа. А!

Эрминскій (особо). Я его разомъ обезоружилъ. (Показывая письмо) Это вотъ видишь, душа моя... натуральная исторія... (кладетъ томы на столъ). Вотъ, опа... видишь, Андрюшка говоритъ, что въ ней нѣтъ... больше надобности. Тотъ, кто ему отдалъ ее, приказалъ клапаться. (Идетъ запереть окно).

Наташа (особо). И хорошо, что эта исторія такъ кончилась.

Эрминскій. Вотъ твое письмо. (Она беретъ его и раздираетъ). Вѣдь другихъ нѣтъ... Не правда ли?..

Наташа. Нѣтъ.

Эрминскій. А отдашь-ли ты мнѣ мой?

Наташа, (вынимая изъ кармана три письма, одно за другимъ). Вотъ они.

Эрминскій, (считая). Первой нумеръ, второй, третій (смотритъ ей въ глаза).

Наташа, (вынувъ изъ корсета записку, писанину карандашомъ). И четвертый.

Эрминскій, (взявъ). Не дать ли росписку въ полученіи?

Наташа. Не пужпо! Такъ это было испытаніе?

Эрминскій. Ахъ, ради Бога, не вспоминай объ этомъ!

Наташа. А письма къ г-жѣ Изборской? а прогулка въ осиновую рощу?

Эрминскій. Письма были о тяжбѣ, а во

время прогулокъ я готовилъ тебѣ сюрпризъ, но это уединеніе и мнѣ что-то ужъ не нравится; лучше уѣдемъ-ка опять въ Петербургъ: здѣсь скучно, не права ли?

Наташа; (взявъ руку мужа). Да, я часто бываю одна... но ты мнѣ тамъ не будешь больше давать уроковъ?

Эрминский. Не буду, не буду. *(Особо).* А то, пожалуй, мнѣ самому зададутъ такой урокъ, что и ве выучишь. Но что мнѣ дѣлать съ моими любовными записками?

Когда не трудно для Наташи,
Такъ я советую спросить:
Прикажутъ сжечь записки наши,
Или на память сохранить?

Наташа (къ публикѣ).

Ахъ, да, мы-бъ оба знать желали,
Какой дадите вы отвѣтъ:
Неужли всѣ труды пропали
И насъ не приметъ строгій свѣтъ?

(Остается).

Когда-жъ упрека мы не слышимъ,
То и записокъ не сожжемъ,
Мы вамъ ихъ снова перепишемъ,
И съ удовольствіемъ прочтемъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Статья Р. М. Зотова.

(Продолженіе.)

БАЛЕТНАЯ ТРУППА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Еще не рѣшенъ вопросъ: идеи ли въка и вкусъ современниковъ даютъ направленіе гевіальнымъ людямъ въ твореніяхъ литературы, наукъ и художествъ? Или сами геніи, руководствуясь одними инстинктивными порывами своего воображенія и ощущеній, доють своими твореніями направленіе идеямъ и вкусу современниковъ? Мнѣ кажется, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Общая масса народовъ никогда не можетъ имѣть ни одной воли, ни желанія, ни склонности, ни вкуса. Сильные умы всегда управляли толпою и внушали ей свои страсти и идеи. Твердая воля всегда владычествуеть. А потому мнѣ кажется, что мы не вѣрно судимъ объ ошибкахъ Расина и Шекспира, упрекая ихъ, что они хотѣли угодить толпѣ своихъ зрителей и вкусу своего вѣка; первый тѣмъ, что наполнялъ все свои сочиненія приторною любовію французскихъ маркизовъ ХУІІ-го вѣка, а второй, что вводилъ площадные эпизоды, и даже влагалъ въ уста своихъ героев тривіальности. Если бѣ они сами не чувствовали того, что писали, то никогда бы этого и не написали. Корнель писалъ въ такое же время волокитство, однако его творенія дышатъ твердостью и силою, и любовь у него почти вездѣ на второмъ планѣ. Вольтеръ писалъ еще въ развратнѣйшее время, по его «Меропѣ» и «Семирамидѣ» не на любви основаны. Все эти люди писали потому, что такъ думали, такъ чувствовали, и толпа зри-

телей равно аплодировала и Полиевкту, и Фелрѣ, всегда готовая увлечься истинными красотами, въ какомъ бы онѣ родѣ ни были. Съчастливо гораздо вѣрнѣе предположить, что люди съ сильными умами и твердою волею даютъ направленіе своему вѣку и современной толпѣ. Однакоже здѣсь рѣчь идетъ о балетѣ, и вотъ къ чему это предисловіе. У насъ былъ человекъ съ огромнымъ дарованіемъ, геній-хореграфъ, однимъ словомъ *Дидло*; его балеты составляютъ эпоху въ исторіи искусства. Что былъ балетъ до него? И что такое вообще балетъ? Представленіе, въ которомъ безсловесные люди стараются посредствомъ знаковъ и тѣлодвиженій выразить свои чувства. Какія же это знаки и тѣлодвиженія?— Пантомима и танцы. Посредствомъ пантомимы выражаются фразы, посредствомъ же танцевъ веселое расположеніе духа. Какимъ образомъ изобрѣтательность людей умѣла изъ всего этого составить что-то драматическое, оперное, поэтическое? Только это изобрѣтеніе, приносящее честь ихъ уму и доставляющее столько удовольствія глазамъ и чувственности, очень худо рекомендуетъ ихъ нравственную и эстетическую стороны.— Къ чему служить балетъ и что онѣ доказываетъ? Пусть драма и комедія приносятъ намъ, при хорошемъ направленіи, пользу изображеніемъ славныхъ дѣлъ нашихъ предковъ, или смѣшной стороны нашихъ современниковъ; пусть опера, прекраснымъ со-

гласіемъ звуковъ, возвышаетъ нашу душу, что же дѣлаетъ балетъ? Какое чувство производитъ, какое впечатлѣніе оставляетъ вся эта толпа полудѣтыхъ существъ, которыя прыгаютъ, кружатся, перегибаются и бросаются изъ стороны въ сторону? Сколько привычки надобно къ условіямъ нашей общественной жизни, чтобъ повѣять невинность подобныхъ занятій, и при всемъ томъ мы не можемъ однако похвалить цѣломудренностію своихъ идей, при видѣ этихъ позъ, вычубовъ тѣла, пируэтовъ и прочаго. Слѣдственно глаза и воображеніе составляютъ главную цѣль балетныхъ представленій; если при этомъ хорошая музыка, декораціи и костюмы, то зритель вполнѣ удовлетворенъ. Для умственнаго, нравственнаго наслажденія тутъ нѣтъ ни одного источника. Каковы же должны быть таланты сочинителя и исполнителей балетовъ, чтобъ постоянно привлекать зрителей въ эти спектакли? До времени Дидло балеты были составляемы самымъ удобнымъ образомъ. Большею частію балетмейстеры-хореграфы брали извѣстный сюжетъ драмы, или оперы, заставляли танцоровъ рассказывать руками содержаніе, вставляли танцы, кордебалеты — вотъ и все. Не многимъ приходили на мысль мифологическіе сюжеты; но и тутъ смѣшные костюмы того времени не могли очаровывать зрителей; вѣнеры XVIII-го столѣтія были въ напудренныхъ парикахъ и съ обширными фижмами, римскіе и греческіе герои одѣвались, какъ модные маркизы. Явился Дидло и преобразовалъ всю эту часть; сперва костюмы, а потомъ уже и самую методу сочиненія. Долго привычка и вкусъ не хотѣли принимать на сцену настоящей одежды древнихъ; но мало по малу реформа совершилась. Люди съ гениемъ всегда успѣваютъ внушить своему вѣку собственныя свои идеи. Въ самомъ же созданіи балетовъ Дидло захотѣлъ быть и поэтомъ и драматическимъ писателемъ; его Амуръ и Психея, Зефиръ и Флора, Ацисъ и Галатея принадлежать къ области прекраснѣйшей поэзіи. Его Раульде Креки, Карлъ и Лисбета, Венгерская хижина, суть творенія чисто драматическія. Сверхъ того онъ былъ превосходнѣйшій учитель танцевъ и пантомимы, ему обязаны мы величайшими талантами нашей сцены. Но время поглощаетъ все. Не стало Дидло, и таланты, имъ сформированные, подверглись общей человеческой участи: они состарѣлись; а для балета это не прощительный, нестерпимый недостатокъ. Онъ существуетъ для глазъ и воображенія, которыя могутъ быть только удовлетворены, если видятъ на сценѣ хорошенькое личико. Послѣдователи Дидло по хореграфической части, не будучи ни поэтами, ни драматическими писателями, начали составлять балетъ рѣшительно для однихъ глазъ, и все юное современное поколѣніе говоритъ, что это прекрасно, что это даже лучше прежняго. Голосъ вѣка всегда правъ. Кто же въ состояніи спорить со вѣмъ? Что онъ имъ докажетъ? Ровно ничего! Теперь балетъ слѣдился самымъ роскошнымъ зрѣлищемъ. Все въ немъ доведено до изящества: декораціи, костюмы, танцы; сверхъ всего этого наша сцена обладаетъ уже четыре года превосходнѣйшимъ въ свѣтѣ талантомъ; у насъ теперь есть Тальони, и можно ли при ней быть равнодушнымъ къ балету? Какого сочиненія не украситъ она, какой сцены не одушевитъ, какого зрителя не восхититъ? Нужно ли, даже можно ли думать о содержаніи балета, о драматическихъ достоинствахъ его, о сообразностяхъ происшествій? Явится Тальони и все забыто. Слѣдственно, результатъ все-таки тотъ же, именно, что у насъ превосходнѣйшая балетная труппа, и во всей Европѣ развѣ одна парижская можетъ съ ней соперничать, и то не во всѣхъ отношеніяхъ.

Изъ персонажей, составляющихъ нашъ балетъ, мы уже сказали, что первое мѣсто занимаетъ несравненная Тальони. Грустно смотрѣть съ нѣкотораго времени, что театръ уже не наполняется, когда она танцуетъ и что появленіе ея не производитъ уже тѣхъ изступленныхъ восторговъ, которые прежде потрясали залу. Чему приписать эту перемѣну? Неужели наша публика такъ непостоянна и неблагодарна? Совсѣмъ нѣтъ! Дѣло только въ томъ, что народоселеніе Петербурга вовсе еще не такъ при-

страстно къ театру, чтобъ видѣть ежедневно одно и то же. У насъ зрители не смѣняются ежедневно, какъ въ Парижѣ. У насъ изъ 450,000 жителей едва ли есть 20,000, которые посѣщаютъ его раза по три въ недѣлю, а ежедневныхъ не найдете и тысячи. Бывъ въ продолженіе 25-ти лѣтъ ежедневнымъ зрителемъ (*obligato*) всѣхъ спектаклей, я имѣлъ удовольствіе видѣть все одни и тѣже лица, съ весьма малыми измѣненіями. Только на святкахъ и на масляницѣ рискуютъ являться въ театры непривычные посѣтители, и то больше для дѣтей. Тогда только залы наполняются совершенно, какіе бы спектакли ни давали. Въ прочее время года надобно очень сильной молвъ, о какойнибудь пьесѣ, или талантѣ, зазвать въ театрѣ рѣзкихъ посѣтителей, и то на одинъ разъ не больше. Остальное народооселепіе занято своими ремеслами, дѣлами, торговлею, службою, картами; оно вовсе не занимается театромъ. Вотъ отъ чего всегда случается, что если въ одномъ театрѣ публику нашу привлекаетъ чтонибудь особенное, то сборы другихъ театровъ непременно упадаютъ. Люди тѣ же, деньги тѣ же и результатъ тотъ же. Пріѣхала Тальони, всѣ прочіе театры опустѣли; теперь зрители возвратились къ прежнимъ своимъ любимымъ спектаклямъ, и Тальони часто видитъ половину театра пустымъ. Далъ новый балетъ, «*Озеро Волшебницъ*,» и все опять устремилось въ Большой театръ; дадутъ разъ десять—и ряды начнутъ опять рѣдѣть. Тутъ вѣтъ ни охлажденія со стороны публики, ни упадка со стороны балетовъ. Родъ жизни, обычаи, привычки петербургскихъ жителей еще не таковы, чтобъ считать театръ въ числѣ своихъ всеневныхъ увеселеній.

Послѣ Тальони, лучшая наша танцовщица *г-жа Смирнова*. Она изъ воспитанницъ театральной школы, и это званіе можетъ гордиться образованіемъ подобныхъ талантовъ. По чистотѣ и отаѣлкѣ па въ техническомъ отношеніи, за исключеніемъ апломба, она не уступаетъ Тальони, но роскошь аттитюдовъ, мягкость всѣхъ движеній, и художественная смѣлость Тальони—неподражаемы. До нихъ еще не достигла Смирнова. Но это

не мѣшаетъ ей однако же быть первоклассною танцовщицею на всякомъ театрѣ. Пріятно видѣть, что наша публика, не смотря на весь свой восторгъ къ высокому дарованію Тальони, чувствуетъ все достоинство Смирновой.

Послѣ Смирновой слѣдуетъ *г-жа Андриянова*. Если зрители помянутъ пашу танцовку *г-жу Пейсаръ*, то Андриянова наиболѣе съ нею имѣетъ сходства въ танцахъ. Недостаетъ только мягкости и чистоты въ выдѣлкѣ па. Но сила, смѣлость, и роскошь тѣлодвиженій, даютъ ей неоспоримое право на званіе хорошей танцовщицы. Она также изъ воспитанницъ школы.

За ними слѣдуетъ, будущая надежда нашего балета, *г-жа Шлефохтъ*. Она обѣщаетъ осуществить самыя блистательныя надежды. Мы ве хотимъ ее осипать слишкомъ ранними похвалами; но совершенно увѣрены, что она превзойдетъ всѣ ожиданія. Изъ танцовровъ у насъ одинъ *Гредлю*. Публика имъ очень довольна, и онъ дѣйствительно лучшій танцовръ, какого мы имѣли со временъ Автопена.

Гольцъ—первый нашъ мимикъ.

Никитинъ—въ той же самой категоріи, какъ и *г-жа Шлефохтъ*. Надежды, которыя подаетъ этотъ воспитанникъ, очень велики.

Лашукъ—представительная фигура, очень хорошо исполняющая свои роли.

Флери, Дидье. Оба хороши въ комическихъ танцахъ, полишинеляхъ, старухахъ и дурачкахъ.

О корифеяхъ и кордебалетѣ нечего распространяться. Мы уже сказали, что балетъ нашъ прекрасенъ, слѣдственно и количество второклассныхъ танцовщицъ и танцовровъ сообразно съ состояніемъ этой части. Благодаря театральному училищу, мы всегда будемъ богаты подобными сюжетами такъ, что иноземные выписки намъ вовсе не нужны.

Вотъ весь составъ трехъ русскихъ труппъ. Драматическая играетъ на Александрійскомъ, и изрѣдка на Михайловскомъ театрахъ. Опера и балетъ даются рѣшительно на одномъ Большомъ театрѣ. Раздѣлъ сей сдѣлавъ лѣтъ 5-ть

тому назадъ, и вѣроятно взять съ парижскаго. — Не знаю внутреннихъ выгодъ, на которыхъ основанъ этотъ раздѣлъ, но, кажется, въ немъ существуютъ многія неудобства. Въ Парижѣ, раздѣленіе труппъ необходимо; тамъ дирекція каждаго театра совершенно отдѣльна и независима. Здѣсь же все подъ одною властію, и это гораздо лучше. Съ какимъ бы удовольствіемъ воспользовались и тамъ, если бы могли, разнообразіемъ спектаклей, могущимъ быть отъ смѣшенія драмъ, комедій, комической оперы, большой оперы, водевилей, большихъ балетовъ и комическихъ балетовъ! Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такихъ богатыхъ средствъ къ разнообразію спектаклей, какъ у насъ. Раздѣленіе же связало намъ самими руки. Прежде того, небольшую драму поддерживала комическая опера, трагедію или комедію, комическій балетъ; разный сбродъ пьесъ кончали дивертисманомъ съ русскими и цыганскими плясками и пѣснями. Теперь все это погибло. Комическія оперы уже не существуютъ, маленькихъ балетовъ невидать, дивертисманы уничтожены, національныя пляски и пѣніе почитаются не приличными. Почему все это? Комическая опера гораздо нужнѣе для нашей публики, потому что понятнѣе для нея. Содержаніе комическихъ оперъ всегда занимательнѣе, музыка не такъ утомительна. Если уже вкусъ прошелъ на Босльдѣ и Обера, то парижская комическая опера и теперь блистаетъ прекрасными произведеніями въ этомъ родѣ. Большая опера требуетъ огромныхъ талантовъ, а у насъ ихъ нѣтъ, и вѣроятно не скоро будутъ. Комическая же можетъ держаться игрою и посредственными пѣвцами. Это гораздо ближе къ нашимъ средствамъ. Теперь даютъ передъ балетами Тальони несчастный первый актъ *Фрейшюца*, жалкій первый актъ *Жени* и изрѣдка первый актъ *Севильскаго Цирюльника*. Это еще остатки комической оперы, но посетители Большаго Театра разумѣется никогда не слушаютъ этихъ развалинъ, кое-какъ обставленныхъ, и самымъ варварскимъ манеромъ выполненныхъ. Они даются для съѣзда публики и всякой радъ, если пріѣхалъ попозже и не засталъ

ихъ. Даже однажды случилось, что хотѣли вовсе выбросить финалъ перваго акта *Севильскаго Цирюльника*, чтобъ поскорѣе начать балетъ. Аріи же Бартола и Базилія давно уже исключены. За что такое униженіе прекраснымъ произведеніямъ Россіи и Вебера? Не лучше ли бы было цѣликомъ, какъ они написаны, поставить эти оперы на Александринскомъ театрѣ, и вообще оставить тамъ комическія оперы (если уже представленіе ихъ не совмѣстно съ достоинствомъ Большаго Театра и большой оперы), обогатить репертуаръ ихъ всеми новыми произведеніями Адама и другихъ новѣйшихъ авторовъ, изрѣдка возобновлять, изъ благодарности, старыя русскія оперы Кавоса, обставить все это съ такимъ же тщаніемъ и вкусомъ, какимъ блистаютъ спектакли Большаго Театра, и потомъ, соединивъ ихъ съ хорошинькими комедіями, водевилями, дивертисманами, предоставить классу не дилетантовъ новое наслажденіе и разнообразіе ихъ удовольствіямъ. Классъ средней публики вездѣ самый многочисленный, а часто и довольно просвѣщенный, для того чтобъ судить здраво о пріятностяхъ театральныхъ зрѣлищъ. Если онъ не любить вѣчнаго пѣнья и речитативовъ, если онъ хочетъ занимательнаго содержанія въ операхъ, если онъ хочетъ послушать легкое, незатѣйливое пѣніе, которое ему кажется приличнѣе для нашихъ оперныхъ талантовъ, то почему же не снизить къ вкусу и желаніямъ массы людей, приносящихъ больше доходы театру? Почему отняли у нихъ всю эту фалангу комическихъ балетовъ, которые созданы для увеселенія большихъ и малыхъ дѣтей? Очень пріятно восхищаться огромнымъ дарованіемъ Тальони и милымъ талантомъ Смирновой, но почему жъ ивогда не посмѣяться надъ козлиными прыжками Флери, или шутками Дидье? Почему праздничной публикѣ не доставить этого удовольствія на Александринскомъ театрѣ? А наконецъ эти бѣдные дивертисманы, которые такъ часто радовали массу зрителей, не общимъ своимъ составомъ, а русскими пѣснями, цыганскими плясками, мазурками, краковяками, — куда все это дѣвалось и за что похищено у народа? Это была его соб-

ственность, его радость. Какъ бывало, восхищался онъ, когда въ дивертисманахъ Самойловъ запоетъ: *За Цари и Русь святую!* Какъ бывало хлопалъ родимой пляскѣ, костюмамъ, Колосовой, Огиусту, Сосницкой, г-жѣ Дюръ!—Какъ, очень жаль, что большая опера и Тальони поглотили все эти отрасли народныхъ удовольствій! Пусть Александрийскій театръ уже отдѣленъ непреодолимой преградой отъ Большаго, но все таки онъ теперь, по назначенію своему, рѣшительно національный, а Большой—только дѣло роскоши. Слѣдственно все таки на сценѣ Александрийскаго должны быть всѣ старанія въ разнообразіяхъ репертуара, въ удовольствіяхъ зрителей, въ обстановкѣ пьесъ. Мы уже выше говорили, что множество бенефисовъ служатъ непреодолимымъ зломъ,—и самое это зло не извиняетъ ошибокъ режиссера, часто обставляющаго пьесы одними второстепенными артистами. Этого ни въ какомъ случаѣ не должно быть. Всякая пьеса должна идти въ наилучшемъ видѣ,—или со всѣмъ пе идти. Обставьте Шиллера и Шекспира статистами, и безсмертныя творенія произведутъ смѣхъ; поддержите слабую пьесу первоклассными сюжетами, и она принесетъ удовольствіе зрителямъ. Еще недавно видѣли мы дебютъ г-жи Дюръ въ трагедіи *Коварство и Любовь*. Грустно вспомнить, какъ твореніе Шиллера было обставлено. Въмѣсто Каратыгиной (леди Мильфортъ) играла Копылова, вмѣсто Брянскаго (Миллеръ) Третьяковъ, вмѣсто Борцаго (Бурмъ) Вороновъ, вмѣсто Толченова — Ахалинъ. Одинъ Каратыгинъ остался на мѣстѣ, и онъ могъ по справедливости повторить отвѣтъ венеціанскаго лоджа, прѣхавшаго въ Парижъ, на вопросъ: что ему всего удивительнѣе показалось?— *То, что я вижу себя между вами!* И подобныя обстановки случаются не рѣдко.

ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ.

Для всѣхъ частей, которыя мы выше описали, неизчерпаемымъ разсадникомъ служить—Театральное Училище. Отъ ве-

ликой нашей трагической актрисы К. С. Семеповой до нынѣшнихъ нѣжныхъ цвѣт-ковъ, подающихъ надежды въ будущемъ,—отъ Колосовой до Дюръ, отъ Давиловой до Смирновой, сколько поколѣній прекраснѣйшихъ талантовъ вышло изъ этого заведенія! Если ихъ исчислить всѣхъ, то надобно занять цѣлый печатный листъ. Желательно бы было для исторіи нашего театра, чтобъ кто нибудь, посвященный въ элевзинскія таинства театраль-ныхъ архивовъ, составилъ намъ подробное описаніе всѣхъ выпусковъ изъ училища и біографическій обзоръ артистовъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ частномъ отношеніяхъ. Это была бы пре-любобытная и полезная книга. Даже въ самомъ заведеніи должныствовали бы быть портреты всѣхъ отличныхъ арти-стовъ, воспитывавшихся въ немъ. Это по-служило бы поощреніемъ юнымъ питом-цамъ. Если мы хвалимся первоклассными талантами нашей драматической труппы, если говоримъ, что билетъ нашъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ во всей Европѣ, то о театральномъ училищѣ смѣло можемъ утверждать, что это заведеніе един-ственно въ своемъ родѣ. Ни гдѣ въ Евро-пѣ не существуетъ подобнаго, и на та-кихъ благотворныхъ правилахъ. Знаменитая парижская консерваторія произво-дитъ конечно большое число артистовъ во всѣмъ частямъ, но мы можемъ похва-литься гораздо лучшимъ и полезнѣйшимъ внутреннимъ устройствомъ. Тамъ зала заведенія гораздо обширнѣе, профессора знаменитѣе, метода ученья, вероятно, го-раздо лучше; за то у насъ какъ роско-шно помѣщены воспитывающіеся, какъ прекрасно содержатся, какими преим-ществами пользуются, какъ благотель-но судьба ихъ обезпечивается на всю жизнь. Тамъ вся консерваторія состо-итъ изъ вольноприходящихъ. Какая бы нога ни была, несчастная вдовица музъ должна пыжкомъ пробираться по грязнымъ улицамъ Парижа, и измучась, послѣ нѣсколькихъ часовъ танцевъ или пѣнія, возвращаться тѣмъ же путемъ домой. У насъ слишкомъ сто человекъ помѣщены на казенное иждивеніе и въ-роятно ни гдѣ такъ великолѣпно и из-обильно не содержатся дѣти даже бла-

городнаго сословія. Сверхъ того до 200| приходящихъ, которые находится какъ бы на испытаніи своихъ способностей. Участь ихъ конечно такова же, какъ и въ Парижѣ, а по нашему климату, часто и хуже, но за то они ежедневно имѣютъ въ виду, что какъ скоро по усердію и успѣхамъ откроется въ нихъ какое нибудь дарованіе, то тотчасъ же поступаютъ въ число казенныхъ воспитанниковъ. Въ Парижѣ обучаютъ однимъ театральнымъ предметамъ; консерваторіи вовсе нѣтъ дѣла, если будущіе артисты ея не знаютъ ни своего языка, ни вспомогательныхъ наукъ, необходимыхъ каждому образованному челоѣку. Поступающіе въ консерваторію, должны уже имѣть предварительное общее образованіе. Ихъ учатъ пѣвію, танцамъ, декламациі. У насъ же преподаютъ въ театральномъ училищѣ всѣ предметы прочихъ государственныхъ заведеній для воспитанія. Дѣти имѣютъ собственную свою церковь, своего законоучителя; они окружены на каждомъ шагѣ множествомъ надзирателей и надзирательницъ, строго исполняющихъ свои обязанности. Конечно, театральное заведеніе вовсе не можетъ имѣть столь строгихъ правилъ, какъ другія училища. Театральное воспитаніе имѣетъ совершенно другую дѣль. Самые предметы ученія слишкомъ рано развиваютъ у дѣтей идеи позванія добра и зла. Тѣлодвиженія театральныя танцевъ и основа всѣхъ театральныя піесъ, страсть любви, приучаютъ дѣтей по необходимости къ помышленіямъ, о которыхъ другія и понятіи не имѣютъ; но и это самое раннее развитіе чувствительности имѣетъ свою хорошую сторону. Только тотъ мореходецъ можетъ назваться искуснымъ, который хорошо знаетъ всѣ подводные камни и отмѣли. Въ юности часто люди падаютъ не отъ безразличности, а отъ неопытности.

Доказательствомъ хорошаго состоянія нашего театральнаго училища служитъ уже и то, что въ немъ много своекоштныхъ пансіонеровъ; то есть, такихъ, за которыхъ родители платятъ по 500 руб. въ годъ. Сии послѣдніе пользуются, по

ею, что обязаны оставаться на службѣ только пять лѣтъ; тогда какъ эта обязанность простирается на 10-ть лѣтъ для казенныхъ питомцевъ.

Главные предметы технического воспитанія суть, какъ и вездѣ: 1-е. *Драматическая часть*. (?) 2-е. Пѣвие. 3-е. Танцы; 4-е. Инструментальная музыка; 5-е. Декоративная живопись и театральная механика.

По драматической части преподается питомцамъ сперва *всл* россійская словесность, (?) потомъ декламациа, (?) потомъ составляются практическіе спектакли. Конечно, для декламациа нѣтъ у нихъ теперь настоящаго учителя, да и это самый мудреный предметъ театральнаго образованія. Декламацию нельзя изучать механически какъ танцы. Можно только давать направленіе молодому артисту и пояснять ему всѣ подробности выучиваемой роли. На этомъ же самомъ основаны и практическіе спектакли. Для нихъ назначено время великаго поста, когда все заведеніе свободно отъ ежедневныхъ занятій по публичнымъ спектаклямъ. Очень жаль, что срокъ слишкомъ коротокъ. Въ пять недѣль въ году (ибо первую и послѣднюю нельзя заниматься спектаклями) невозможно ничего сформировать. Имъ должно давать спектакли еженедѣльно, и какъ бы они первоначально не шли, а все таки упражненіе въ теченіе дѣлаго года принесло бы больше пользы. Сверхъ того ежедневнымъ репетиторомъ ихъ, истолкователемъ и наставникомъ по этой части долженъ быть одинъ или два первоклассные артиста, коихъ способность въ сформированіи учениковъ испытана. Въ прежнія времена, я помню, воспитанники сами все дѣдали: и выбирали піесы, и респісывали роли, и писали декорациі, и строили машины, и давали спектакли. Собственная охота доводитъ до всего. Потомъ уже принялся за эту часть кнзизъ Шаховской и театръ обязавъ ему множествомъ талантовъ. Тогда средства училища были весьма ограничены. Однако же тогда безпрестанно выходили значительные таланты. Теперь, при огромнѣйшемъ размахѣ, при сильнѣйшихъ средствахъ, при непосредственномъ и неуспыномъ стара-

ній начальства, выходить гораздо меньше. Со временъ Максимова и Мартынова, сцена не видала ни одного таланта. Теперь только появляются Гринева и Федорова; въ нихъ видно много природныхъ способностей, много собственной охоты, но художественной отдалки въ нихъ вовсе нѣтъ: слѣдственно наставники драматическаго искусства не въ состоянн были дать оной. А драматическая часть должна, по существу своему и цѣли, составлять главный предметъ воспитанія училища. Для танцевъ, для живописи, для инструментальной музыки — можно всегда выписать сюжеты изъ чужихъ краевъ, даже для пѣнія, это нынѣ дѣлается, но для драматической части мы должны довольствоваться собственными своими талантами. Иногда, глядя на превосходную игру Каратыгина, приходитъ въ голову грустная мысль: что, если какимъ нибудь случаемъ этотъ артистъ оставить нашу сцену, кто займетъ его мѣсто? Есть ли хоть тѣнь дарованія, могущаго замѣнить его?...

Пѣнне. Въ отдаленн оперы видѣли мы, что изъ школы существуетъ только двѣ пѣвицы на сценѣ—г-жи Петрова и Степанова, и тѣ уже образовались послѣ выпуска собственнымъ своимъ стараніемъ, подъ руководствомъ нашего незабвеннаго Кавоса. Съ тѣхъ поръ неслыхать ни пѣвцовъ ни пѣвицъ, и кажется, не скоро наступитъ время появленія ихъ. Что за удивительная вещь! Изъ трехъ сотъ питомцевъ нѣтъ ни одного поощаго существа. Извѣстно, что учитель ихъ г. Солива, отличнѣйшій человекъ по музыкальной части; онъ въ состоянн сформировать цѣлый легіонъ капельмейстеровъ, композиторовъ и контрапунктистовъ; но образовать театральнаго пѣвца или пѣвицу 7-мъ лѣтъ, какъ онъ бьется — и все не удается. Разумѣется, всему виною климатъ. Подъ 60-мъ градусомъ сѣверной широты, нѣтъ возможности производить пѣвцовъ. Сандунова, Иванова, Семенова, Шелихова и наконецъ наша нынѣшняя любимица Петрова — составляютъ исключенія. Что же тутъ дѣлать? Единственнымъ къ тому средствомъ было бы учрежденіе консерваторіи въ Малороссіи (въ Харьковѣ), и тамъ

набирать голоса, учить дѣтей, заставлять даже играть тамъ на школьномъ театрѣ, и уже для полнаго усовершенствованія и дебютовъ присылать сюда. Конечно, при всемъ этомъ, нужно еще непременно имѣть какого нибудь извѣстнаго учителя пѣнія изъ Италіи или Парижа. И тогда мы утѣшимся, услыша собственныхъ своихъ примадоннъ и пѣвцовъ, неприбѣгая къ набору гг. Конти, Този и комп. До тѣхъ поръ все усилія, все издержки останутся тщетными.

Танцы. Вотъ единственная часть, которая у насъ въ самомъ блистательномъ положенн. Объ ней излишне бы было и распространяться. Не давно на нашей сценѣ дана была *Гитана*, вся составленная изъ воспитанниковъ и воспитанницъ. Это было восхитительное зрѣлище! Столько талантовъ предвидится тутъ, что даже жаль, что эта часть ужъ слишкомъ богата. Она могла бы удѣлить, хоть что нибудь, драматической части и пѣвию. За все это надобно благодарить г. Титюса. Если онъ теперь по обстоятельствамъ не сочиняетъ балетовъ, то мы еще болѣе выиграемъ, получая отъ трудовъ его такіе таланты, какъ Смирнова, Андреянова, и какъ получимъ въ будущемъ,—Шлефохтъ и Никитина.

По инструментальной музыкѣ выходитъ много питомцевъ въ оркестръ. Къ сожалѣнію, со временъ Рамазанова, мы не слышали еще ни одного солиста публично. Неужели ихъ собственное усердіе не простирается далѣе оркестра? Кажется, учителями у нихъ самые отличные музыканты. Очень жаль!

По декорационной части можно похвалиться двумя отличными артистами, вышедшими изъ театральнаго училища: это гг. Федоровъ и Стрковъ. Слава Богу! не все же иностранцы! Что если бы и въ другихъ частяхъ образовались подобныя дарованія? Машинисты также выходили изъ школы, но они остаются подъ скромнымъ названіемъ помощниковъ. Кажется это потому, что питомцы посвящаютъ себя механической части не иначе, какъ встрѣтивъ неудачу въ прочихъ частяхъ, представляющихъ болѣе славы и выгоды.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРУППА.

Столица наша во всё времена была особенно счастлива въ наборъ французскихъ труппъ. До 1812 года имѣли мы такую превосходную труппу, что самъ Парижъ завидовалъ. Конечно, уступка намъ первоклассныхъ талантовъ происходила тогда по политическимъ причинамъ, но намъ, простымъ зрителямъ, это было не извѣстно. Мы восхищались только превосходными талантами, которые собрались въ Петербургъ, какъ будто на прощальный праздникъ. Вскорѣ гроза наполеоновской войны разогнала ихъ, и съ тѣхъ поръ мы, мало помалу, набираемъ опять эту труппу. Старанія дирекціи достигли полнаго успѣха. Иностранцы очень любятъ Россію, и рѣдкой артистъ задумается, если ему сдѣлаютъ предложеніе ѣхать въ Петербургъ. У насъ теперь опять прекрасная французская труппа. Правда, что въ последнее время она повесила важныя потери, которыя мудро вознаграждать, г-жа Бра умерла, г. Жевъсъ и г-жа Бурбье оставили нашу сцену. Очень жаль! Это были превосходные артисты. Они еще не замѣнены, и вѣрно не скоро замѣнятся. За то мы приобрѣли прекрасное дарованіе г-жи Луизы Александръ-Мейеръ и утѣшились хоть этимъ.

Пальма первенства въ составѣ французской труппы конечно принадлежитъ г-жѣ Алланъ. Это превосходная актриса. Отъ самой наивной роли, до самой глубоко-драматической, она всё исполняетъ съ неподражаемымъ искусствомъ и истинною. Она принимаетъ на себя всѣ отъѣнки играемыхъ характеровъ, и во всемъ прекрасна.

Г-жа Александръ-Мейеръ, недавно приобрѣтенная актриса на первыя молодыя роли. Очень хороша въ мужскихъ роляхъ (Ришельё), весьма мила въ наивныхъ; но несколько холодна въ выраженіяхъ страсти.

Дезире Мейеръ, сестра ея, полагаетъ много надеждъ въ будущемъ. Теперь играетъ изрѣдка роли молодыхъ любовницъ.

Г-жа Фальконъ занимала, до пріѣзда Луизы Мейеръ, ея амплуа. Теперь дол-

жна уступить счастливѣйшей соперницѣ. Впрочемъ и она весьма пріятная актриса.

Г-жа Корезъ—благородная мать.

Г-жа Оливье—тоже.

Г-жа Луиза—на роли комическихъ старухъ, очень хорошая актриса, хотя и далеко ей до г-жи Бра.

Мужскія амплуа занимаютъ слѣдующимъ образомъ:

Г. Эрикъ Бернаръ, превосходный благородный отецъ, исполненный чувствъ и достоинства.

Г. Дюфуръ самый умный артистъ. Никто глубже его не обдумываетъ своихъ ролей до малѣйшей подробности. Съ въ-котораго времени онъ началъ слишкомъ предаваться фарсамъ въ шаржированныхъ роляхъ, но когда играетъ тонкихъ комиковъ, то превосходенъ и одушевляетъ собою всю сцену.

Г. Алланъ, очень хорошій первый любовникъ, хотя несколько и холоденъ въ сценическихъ страстяхъ. Нельзя безъ восторга смотрѣть на пьесы, которыя онъ, вмѣстѣ съ женою своею, играетъ. Все это обдуманно, прилажено, рачительно и превосходно исполнено.

Г. Брессанъ, занимаетъ амплуа первыхъ любовниковъ. Очень хорошій актеръ, котораго можно тоже упрекнуть въ недостатокъ чувствъ. Въ сценахъ любви и отчаянія онъ часто бываетъ холоденъ. Впрочемъ очень уменъ, хорошо знаетъ сцену, и вообще талантомъ своимъ украшаетъ многія пьесы.

Гг. Александръ и Курси, молодые любовники.

Г. Верне, прекрасный талантъ, который, подобно Дюфуру, имѣетъ весьма много разнообразія, и кто хочетъ удивиться его дарованію не долженъ смотрѣть его въ инзкихъ комическихъ роляхъ, но въ тѣхъ, гдѣ есть много чувства и ума.

Г. Поль-Минь—превосходный комикъ, который полъ часъ уже слишкомъ шаржируетъ.

Г. Додель, играетъ и комиковъ и благородныхъ отцевъ, и индѣ не портитъ. Онъ принадлежитъ къ старой сценической школѣ.

Вотъ почти всѣ дѣйствующія лица

Французской труппы. Каждого таланта порознь нельзя описывать. Кромѣ г-жи Алланъ, Дюфура и Верне, ни одинъ изъ нихъ не можетъ назваться первокласснымъ талантомъ, а нѣкоторые даже состоятъ въ категоріи самой золотой посредственности. Но во французскихъ спектакляхъ всего превосходнѣе общая отдѣлка игры (*ensemble*). Эта часть доведена у нихъ до совершенства. Самыя невзначійя роли не теряютъ у нихъ въ общемъ ходѣ пьесы, а главные роли никогда не попускаютъ собою другихъ. Всѣ движенія у нихъ обдуманы, разочтены до малѣйшей подробности, и отъ этого самыя сухія, холодныя пьесы выдерживаютъ у нихъ множество представленій. Часто удивляешься самымъ незначительнымъ актерамъ, которыхъ роли и выходы исполняются прекрасно. Вотъ въ чѣмъ состоитъ главное достоинство французскихъ спектаклей, и вотъ чего именно недостаетъ у русскихъ. У насъ гораздо больше отъдѣльныхъ талантовъ, но когда они сойдутся съ второстепенными, то кажется, видишь ихъ усилія, чтобъ отдѣлиться отъ бѣдвыхъ своихъ товарищей, а это-то и вредитъ общему ходу пьесы. Конечно, французы, играя только три раза въ недѣлю, и ставя до 20 новыхъ спектаклей въ годъ, имѣютъ гораздо больше времени, вырепетовать пьесы и обдумать свои роли. Но у русскихъ недостатки видны и въ самыхъ твердыхъ пьесахъ.

Теперь французская труппа рѣшительно ограничилась одною комедіею и водевилемъ. Прежде, во времена Жевьеса и Бурбье играли драмы и даже трагедіи. Пьесы также шли очень хорошо, но все таки казалось, что актеры брались не за свое дѣло, точно такъ, какъ теперь для бенефисовъ они иногда пускаются въ тапцы.

НѢМЕЦКАЯ ТРУППА.

При полу-нѣмецкомъ народонаселеніи Петербурга казалось бы, что у насъ должна существовать превосходнѣйшая нѣмецкая труппа, тѣмъ болѣе, что близость съ Германіею, множество тамошнихъ

театровъ, удобство переездовъ, страсть переселенія нѣмцевъ и вообще любовь иноземцевъ къ Россіи, все бы, кажется, должно было споспѣшествовать къ сформированію хорошей труппы. Къ сожалѣнію, она у насъ теперь самая бѣдная, во всѣхъ отношеніяхъ. Драматическая труппа еще кое-какъ держится, и то дѣйствуя въ самой тѣсной рамѣ. Оперная же рѣшительно упала. Давно ли, кажется, блистала эта труппа превосходными талантами? И вдругъ все это исчезло подъ какимъ-то волшебнымъ вліяніемъ. Подобныя превращенія бывають иногда въ случаѣ внезапной смерти нѣсколькихъ любимыхъ сюжетовъ. Но у насъ не смертность была причиною, а отъездъ нѣкоторыхъ артистовъ, которыхъ еще не успѣли замѣнить.

Г-жа Лангшанцъ занимаетъ ампузу первыхъ любовницъ, первыя роли и даже роли передѣваний. Весьма хороша актриса, поддерживающая по возможности всѣ пьесы. Очень пріятная физика, хотя уже и не первой молодости.

Г-жа Миллеръ—иславее пріобрѣтеніе, которое новсе не обогатило насъ. После нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ въ оперѣ, перешла она въ драматическую труппу, гдѣ играетъ молодыхъ любовницъ. Желательно бы было, чтобъ талантъ ея былъ также пріятенъ, какъ наружность.

Г-жа Альбрехтъ—лучшая актриса нѣмецкой труппы. Играетъ все, преимущественно же благородныхъ матерей, а иногда и комическихъ старухъ. Хороша во всемъ.

Г. Голландъ—прежній пѣвецъ, прославившійся первоначально ролью Фюрелло въ *Фенеллѣ*. Когда голосъ сталъ измѣнять ему, онъ перешелъ въ драматическую труппу, и превосходно играетъ веселыхъ любовниковъ.

Г. Моръ—лучшій актеръ нѣмецкой труппы. Играетъ все, и комиковъ и благородныхъ отцовъ, и даже танцуетъ качучу. Человѣкъ исполненный таланта, украшающій собою каждую пьесу.

Г. Шварцъ, бывшій первый теноръ оперы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда также игравшій въ комедіяхъ и водевиляхъ ро-

ли любовниковъ и весельчаковъ. Всегда былъ хорошимъ актеромъ.

Г. Миллеръ — режиссеръ и первый любовникъ. Актеръ съ душою и съ большимъ стараніемъ. Играетъ въ драмахъ и комедіяхъ первыя роли, и вездѣ хорошо. Физика его прекрасна.

Вотъ и весь персонажъ, о которыхъ можно упомянуть. Списокъ былъ бы гораздо длиннѣе, если бы исчислить тѣ амплуа, которыхъ не достаетъ. За то и въ мецкіе спектакли становятся рѣже, къ тихому прискорбію жителей Васильевскаго острова, Литейной и другихъ полупривѣчныхъ частей города.

Въ оперѣ явная бѣдность во всемъ.

Г-жа Нейрейтеръ, первая пѣвица, дѣлаетъ все возможное, чтобъ утвердить за собою это амплуа, но силы и искусство часто измѣняютъ ей.

Г-жа Матисъ, лучшая пѣвица оперной труппы, особенно тѣмъ и хороша, что не пускается въ большія претензіи. Голосъ чистый, вѣрный и пріятный. Игра удовлетворительная.

Теноровъ не имѣется. Отъѣздъ Брейтинга убилъ амплуа теноровъ навсегда.

Г. Ферзинъ, бриліантъ, украшающій итальянскую оперу. Прекраснѣйшій голосъ съ превосходною методою. Онъ одинъ утѣшаетъ слушателей.

Вотъ, слѣдственно, три персонажа, составляющіе всю оперную труппу. Какъ жаль нашего милаго Брейтинга! Если онъ не удовлетворялъ требованіямъ дилетантовъ, если полъ часть былъ доволенъ по поворотливъ, то все таки поддерживалъ собою цѣлую оперу; и вѣмцы восхищались силою, одушевленіемъ и смѣлостію его пѣнія.

Недавно пріѣхалъ *Гюнеръ*, — онъ еще очень не опытенъ на сценѣ и въ музыкѣ, грудныя его вѣты недалеко простираются, а переходить въ головныя онъ не умѣетъ, непримѣтнымъ образомъ. Его переходъ всегда непріятенъ, а часто и невѣрленъ.

Театровъ у насъ три: Большой, Александрійскій и Михайловскій, и въ каждомъ царствуетъ совершенно разная

публика. Во французскомъ театрѣ — сливки общества (такъ въ Вѣнѣ называютъ высшее общество); тамъ никогда нѣтъ большихъ восторговъ и слишкомъ громкихъ вызововъ; развѣ только военная публика рѣшается на подобныя подвиги. Ложи довольствуются приговоромъ: *slap-tan!* — и развѣзжаются.

Большой Театръ составляетъ уже пѣкоторую смѣсь дилеттантовъ съ простыми любителями хорошихъ спектаклей. Когда танцуетъ Тальони, то стекаются зрители отовсюду; когда же ея нѣтъ, то публику большого театра можно пальцемъ перечестъ. Тутъ уже аплодисменты и вызовы производятся съ большимъ восторгомъ и криками; кажется, что мы обязаны публикѣ Большаго театра варварскимъ обыкновеніемъ вызывать во время дѣйствія. Этого прежде никогда не было; да и приличіе должно бы воспретить подобный вандализмъ. Удовольствіе зрителя никогда не должно увлекать его за границы специфическихъ и общественныхъ условий. Что это за страсть кричать съ изступленіемъ и требовать, чтобъ Тальони вышла и поклонилась. Она какъ тутъ! Этого мало: еще разъ! она и еще является; въ третій разъ — вышла; въ четвертый!.. Создатель, Господи! Неужели это награда таланту, чтобъ на голосъ вѣсколькихъ крикуновъ являться и кланяться имъ? Вѣдь если вызывальщики, люди съ грудью и крѣпкими ладонями, такъ они, имѣя право вызывать четыре, пять разъ, вызовутъ и сто пять! Нѣтъ никакой причины отказать имъ! Воля ваша, а это что-то варварское. Мы много перенимаемъ у западныхъ народовъ; на что же именно все дурное? Эти крики, это изступленіе вовсе не нашихъ правовъ. Мы всегда хорошо принимаемъ гостей, но право это дурное угощеніе.

Въ *Александрійскомъ*, публика уже совершенно отличная: тамъ въ креслахъ господствуетъ молодежь. Тутъ разумѣется все сужденія рѣшительнѣе, вызовы громче, чаще, аплодисменты, шиканье покрываютъ актеровъ. Здѣсь еще болѣе неприлично вызываніе во время дѣйствія. Опера и балетъ не принадлежатъ къ области литературы, и, нару-

шая иллюзію спектакля, нарушается только приличіе и выказывается полубарское самовольство. Тамъ же, гдѣ сцена принадлежитъ народной литературѣ, историческимъ воспоминаніямъ, современнымъ событіямъ, — однимъ словомъ такимъ пьесамъ, гдѣ зритель обязанъ забыть и видѣть на сценѣ не актера, а представляемое имъ лицо, — тамъ нарушеніе приличія непростительно. Конечно зритель платитъ деньги, во это не должно ему давать права кричать во все продолженіе спектакля, и во всякое время требовать *такого-то*, или *такую-то*! Онъ вовсе не дѣлаетъ имъ ни милости, ни чести. Онъ только заставляетъ всякаго благонамѣреннаго зрителя сожалѣть о заблужденіяхъ нынѣшнихъ молодыхъ людей. Чтò можетъ быть неестественнѣе этихъ безвременныхъ вызововъ! Велисарію только что выкололи глаза, вдругъ толпа крикуновъ, которымъ эта операція очень понравилась, требуетъ появленія Каратыгина. Какъ же ему выйти. Съ закрытыми глазами! Да вѣдь вызываютъ Каратыгина, а не Велисаріа, и всѣ знаютъ, что Каратыгинъ хорошо видѣть. Что же? съ открытыми? еще хуже! эти же господа закричатъ: э! да онъ видѣть! операція не удалась! Остается вздыхать и желать какіхъ нибудь совѣтовъ или мѣръ, чтобъ прекратить это молодечество, которое ничего не доказываетъ, никому не приноситъ пользы, а дѣлаетъ одни беспорядки. Если законные вызываютъ знакомыхъ, то могутъ это дѣлать и послѣ спектакля. Крики и шикавыя не образуютъ ни одного артиста.

Послѣ этого замѣчанія остается еще одна статья, до театровъ касающаяся и статья весьма важная. Это *театральная критика*. Извѣстно, что безъ критики не можетъ усовершенствоваться ни одна отрасль наукъ и художествъ, и для театра умная, благонамѣренная критика была бы самымъ полезнымъ отголоскомъ зрителей. Было время, что объ театрѣ не дозволено было писать; а театръ имѣлъ однако же тогда превосходныхъ артистовъ. Было другое время, что рецензенты разсматривали уже не игру артиста, а частную его жизнь, привычки и поступки. Это уже входило въ область

пасквилей. Теперь держатся середины и это всего лучше. Но есть ли какая польза отъ этой критики, и даже существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ эта критика?

Было некогда время, что Гречъ, Ушаковъ и Загоскинъ писали театральныя рецензій. Любо было почитать. Какъ все было мило, остро, умно и справедливо. Замѣчанія были не бѣды, не оскорбительны; похвалы не надуты, не преувеличены. Литературныя сужденія вѣрны, благонамѣренны. Личностей было мало, а угольничности еще менѣе. Актеры часто морщились, ругались, но все-таки чувствовали, что имъ много говорятъ правды, и старались извлекать пользу изъ совѣтовъ знающихъ людей. Потомъ занимался этою частію Булгаринъ, наконецъ Яковлевъ и Кови, и это уже были послѣдніе рецензенты, коихъ сужденіями дорожили артисты. Съ тѣхъ поръ эта часть досталась въ руки такимъ людямъ, которыхъ ни театръ, ни литература не усыновили, и наконецъ опа, ладаа болѣе и болѣе, попала даже въ руки какому-то г-ву Л. Л. Вотъ одно изъ величайшихъ несчастій для драматической литературы и сценическаго искусства! За что гг. Гречъ и Булгаринъ предоставили такой высокой предметъ на произволъ такихъ жалкихъ фельетовистовъ? Конечно, разборы театральныхъ пьесъ и игры актеровъ — самый не благодарный и не пріятный трудъ. Рецензентъ долженъ уклоняться знакомства со всѣми актерами, или обзавъ вѣчно хвалить своихъ знакомыхъ. Гг. Гречъ и Булгаринъ, если сами не думаютъ быть полезными по этой части, должны бы по-крайней мѣрѣ, передать эту часть въ руки знающихъ, просвѣщенныхъ людей, — а не такихъ, которые не смѣютъ подписывать и имени своего подъ статьями, — столь ово безвѣстно и не значительно въ области литературы. А то вѣдь теперь совѣстно читать театральныя рецензій. Похвала вовсе не льститъ самолюбію артистовъ, а ругательства только забавляютъ ихъ. Все сдѣлалось какою-то шут-

* Редакторъ Пантеола за честь почтаетъ высокое мнѣніе о его послѣднихъ трудахъ — почтеннаго автора статьи.

кою, или заказною статью. Кому это приносить пользу? Верно не литературѣ и не сценическому искусству; едва ли даже и самимъ рецензентамъ. Вотъ очень важная часть, на которую надобно бы было обратить особенное вниманіе. Хорошая критика принесла бы много пользы, — но главное дѣло въ томъ, чтобъ она была не подъ вліяніемъ артистовъ и ихъ покровителей; надобно, чтобъ рецензентъ могъ говорить свободно, сохраняя всю возможную скромность, благонамѣренность и свисхожденіе; чтобъ наглія ругательства не допускаемы были даже противъ самыхъ дурныхъ акте-

ровъ; чтобъ всякая хула и похвала были ясно доказаны, потому что нѣтъ ни чего смѣшнѣе, какъ нынѣшніе приговоры: *онъ дурно игралъ, она превосходно сыгнала.* — и проч. Мнѣніе безъ доказательства, самое дурное ручательство за познанія рецензента.

Вотъ желанія стараго театральнаго ветерана! Если онѣ исполнятся, то дѣлующее состояніе театровъ навсегда упрочится и разовьется еще съ большимъ блескомъ. Конечно, все теперь хорошо, но почему же и не желать лучшаго, когда ово возможно и у насъ польза?..

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ТЕАТРА.

Апрѣль, Май.

Клевета—комедія въ пяти дѣйствіяхъ Скриба, переводъ П. Федорова. Боярское слово—драма въ 5 дѣйст. П. Ободовскаго. Записки мужа, водевилъ П. Григорьева. Габріель или Адъютанты—водевилъ, пер. съ фран. П. Федоровымъ. П. С. Мочаловъ въ провинціи, вод. Д. Левскаго. Шла дѣ мѣшкѣ не утаишь, вод. Н. Перепельскаго. Лауретта, вод. съ фран. Квакеръ и танцовщица, вод. съ фран.—Шельменко-Денщикъ, комедія въ 5 дѣйст. Грицка-Основьяленка. Коматка со столомъ и прислугою, вод. П. Григорьева.—Феокласть Ояфоричъ Бобъ, вод. Н. Перепельскаго. — Роза и Карлушь, вод., пер. съ фран. П. Федоровымъ. Убийца своей жены, вод. пер. съ фран.

Пожалуйте меня, добрый читатель мой: со мной случилось несчастіе. Несчастіе, которое ужасно для человѣка вообще, но для театральнаго рецензента — всего ужаснѣе! Горе, мнѣ горе! Я лишился памяти! Да, я потерялъ ту добрую, честную помощницу, которая такъ долговѣроу и правдою служила мнѣ, которая выручала меня въ критическія минуты моего литературнаго поприща. Я потерялъ ее, потерялъ когда болѣе всего имѣлъ въ ней нужду; потерялъ, въ самую торжественную минуту ея необычайной глупости: — она ушла отъ меня въ первомъ часу по полуночи, при выходѣ изъ Александринскаго театра!

Добрая, добрая была память. Съ какимъ терпѣніемъ, съ какою точностію уловляла она на скрижали свои неумолимая содержанія разныхъ комедій, какъ усердно и добросовѣсно хранила ихъ въ вѣдрахъ своихъ до той роковой минуты.

когда я, бѣдный рецензентъ, въ страшныхъ корчахъ и судорогахъ брался за перо, чтобъ говорить съ читателями о театрѣ! Славно мы жили съ ней.

Возьмусь я за перо, стану читать на афишкѣ заглавія піесъ, о которыхъ долженъ отдавать отчетъ. Умъ мой, самое лѣнивое созданіе въ свѣтѣ, сейчасъ же начнетъ мнѣ доказывать, что говорить нечего, потому что піесы слабы, безъ содержанія. Я уже готовъ его послушаться, готовъ отдѣлаться общими мѣстами и, можетъ быть, навлечь тѣмъ на себя неудовольствіе нѣкоторыхъ читателей... «Остановисъ! раздается вдругъ голосъ во глубинѣ души моей: — умъ лжеть; въ такой-то или такой-то піесѣ нѣтъ идеи, но содержаніе есть! Слушай, я тебѣ расскажу его. — Память начинаетъ говорить, я пишу. И какъ скоро шло у насъ дѣло, какая мастерица была она приводить все къ ясности. Статья готова; вмнѣ голова

моя становится легче: въ памяти моей уже и слѣда нѣтъ того, что она разсказала. Умная была память! Сколько сухихъ, тощихъ (по содержанію), плотныхъ, увѣсистыхъ (по объему) драмъ, сколько водевилей, переведенныхъ, передѣланныхъ, сочиненныхъ, пересочиненныхъ, составленныхъ, заимствованныхъ, сколько комедій такихъ-сякихъ передали, перенесли, перевезли, перетащили мы съ ней нашимъ читателямъ! Вяжусь, не я грѣшный, не мы, а она, одна она! Удивительно трудолюбивая была память!

И чтожъ? Я потерялъ ее; я, безумецъ, не умѣю собрать ее! Увы, увy! что я теперь буду дѣлать? Воротись, воротись ты, честное существо третьяго склоненія, воротись хоть на сегодняшній вечеръ! Я имѣю въ тебѣ великую нужду. Гдѣ ты? откликнись на голосъ несчастнаго, подавленнаго роковой мыслью о необходимости разобрать нынѣ девятнадцать новыхъ пьесъ, дать объ нихъ отчетъ публикѣ, разсказать ихъ содержаніе! Слышишь ли ты голосъ мой, чувствуешь ли ты бѣшеніе моего сердца, видишь ли ты судорожное движеніе пера въ рукахъ моихъ?... Жестокая! ты ничего не видишь, не чувствуешь! Посмотри хоть на эту грудку афишъ, брось на нихъ твой *блѣдный* взглядъ съ прежнею любовію. Сколько ихъ тутъ? пль афишъ; на каждой по четыре пьесы. Прочти ихъ заглавія: они разбулятъ, разшевелятъ тебя! Нѣтъ, ты непреклонна; ты молчишь... Куда ты скрылась, отчего ты бѣжала отъ меня? Или тебѣ не понравилась пища, которою я тебя подчивалъ: ужели драматическій винегретъ прискущилъ тебѣ? Увы, ты молчишь! Видно, что такъ: помню я, какъ ты, коварная, жаловалась мнѣ на свои занятія!.. О, зачѣмъ я тогда же не принялъ мѣръ — укротить тебя.. Въ третій разъ зываю къ тебѣ: воротись, помоги мнѣ справиться съ девятнадцатью пьесами. Я все для тебя слѣлаю за такую услугу. Слушай: я буду возить тебѣ иногда въ французскій театръ, буду читать тебѣ Гомера и Шек-

спира, я повезу тебя на край свѣта, я всячески буду разнообразить твою пищу; въ русскій театръ будемъ ходить только изрѣдка, когда тебѣ захочется. Согласна? Увы, нѣтъ отвѣта!

Что жъ мнѣ дѣлать, читатель мой? Виновать ли я, что сомной случилась такая бѣда.. Право, я самъ страдаю, съ отчаяніемъ бью себя въ грудь, наморщиваю лобъ, по рѣшительно не нахожу возможности разсказать вамъ содержанія девятнадцати пьесъ, представленныхъ на нашей сценѣ въ продолженіе двухъ предъидущихъ мѣсяцевъ. Не осуждайте меня, читатель! Повѣрьте, что еслибѣ не пропала моя память, я бы ясно и отчетливо разсказалъ вамъ всѣ пьесы, даже тѣ, въ которыхъ нѣтъ ни ясности, ни отчетливости. Теперь, по необходимости я долженъ ограничиться тѣмъ, чего не унесла съ собою моя память. Слушайте!

Въ отношеніи къ театру мы, добрые русскіе люди, любимъ покуда только крайности. Чтобъ насмѣшить насъ — давайте намъ грубую шутку, неестественное положеніе и пр. и пр. Пусть одинъ лѣзетъ на стѣну, другой поетъ изъ подъ стола куплетъ, третій амурируется съ чужой женой — четвертый.. и т. д. Если насъ хотятъ тронуть — давайте больше неистоваго, больше ликаго, дикаго, въ цѣломъ смыслѣ этого прекраснаго слова. Пусть на сценѣ стрѣляютъ, проклинаютъ, бросаются въ объятія, падаютъ на полъ, падаютъ на колѣна, молятся.. Чудесно! Любо русскому сердцу. *Такого-то, такую-то!* оремъ мы въ восторгъ. А ужъ какъ мы славно хлопаемъ: рукоплесканія наши слышны за версту. Такъ и надобно! Мы русскіе люди: на руку охужки не положимъ. Но бѣда въ томъ, что иногда публика не любитъ средины, заключающейся между двумя крайностями, которыя мы сейчасъ обозначили. Вотъ причина, по которой превосходная комедія Скриба «Клевета,» не имѣла на нашей сценѣ большаго успѣха. Содержаніе ея, къ счастью моему, читатели знаютъ изъ 9

квизки «Паптеова» прошлаго года. Максимовъ въ роли министра Раделя былъ очень хорошъ.

Что вамъ сказать о «*Болпрскомъ словѣ*» П. Г. Ободовскаго? Еслибъ у меня и не бѣжала память, то едвали бы я могъ вамъ разсказать его содержаніе. Мы такъ уважаемъ П. Г. Ободовскаго, такъ любимъ его прекрасные переводы, что желали бы чтобъ онъ пастъ снова подарилъ чѣмъ-нибудь, выбраннымъ изъ иностраннаго репертуара. Не смотря на то, что второй актъ значительно слабѣе перваго, «Боярское Слово» имѣетъ достоинства, которыя обезпечиваютъ успѣхъ его на русской сценѣ.

Пшелменко-деньщикъ, прекрасная комедія почтепаго Грицка Основьянепка, представляется на собственный судъ публики въ выпѣшемъ, 3-мъ, нумерѣ Паптеова. Ея же благосклонному разсмотрѣнію, возбавленію рецензентаотъ хлопотъ, представляются «*Любовныя записки муща*.» А во избѣжаніе дальѣйшихъ хлопотъ будутъ также представлены въ непродолжительномъ времени слѣдующія піесы: *17 и 50 лѣтъ*, комедія-водевиль П. С. Федорова; *Габріель или Адъютанты*, комедія-водевиль П. С. Федорова; *Комнатка съ отопленіемъ и прислугою*, водевиль П. И. Григорьева.

Слава Богу! Семь піесъ съ плечъ долой! Семь! Боже мой! да тутъ едва третья часть! А теперь наступаетъ самая трудная страница лѣтописи. Дѣло идетъ о водевилѣ... Зачѣмъ Грибовдовъ былъ такого хорошаго мнѣнія о водевилѣ: рѣшительно нельзя пренебречь имъ. Какъ же мнѣ дать вамъ хоть малое попятіе объ остальныхъ водевиляхъ? Какъ, не имѣя памяти, припомнить тѣ удивительныя поговорки, которыя авторы ихъ вложили въ уста своихъ героевъ, и которыя мнѣ такъ бы хотѣлось передать вамъ? Я вѣ отчаяніи; голова моя тяжелеетъ, руки дрожатъ а въ глазахъ, рябитъ... Боже! что я вижу?.. Не представленіе ли свѣта, не потопъ ли, не де-

мовское ли навожденіе... Ай, ай, ай! Комната моя наполнилась какими-то человѣческими призраками, призраками-женщинами... Спасите! чего хотятъ отъ меня они? Въ глазахъ моихъ темнѣетъ; я чувствую, что лишаюсь самосознанія... Что я еще чувствую? Не понимаю, но я отъ чего-то такъ веселъ, такъ доволенъ! Призраки не исчезаютъ, напротивъ я все яснѣе и лучше вижу ихъ. Откуда взялись они? Сколько ихъ? Разъ, два, три,—двѣять,—двѣнадцать—ровно двѣнадцать! Что они за люди? Одни тапчуютъ, другіе клаяются, третьи становятся на колѣна, четвертые сроятся... Соломъ, рѣшительный содомъ! Ничего не понимаю! Физиопоміи ихъ мнѣ какъ будто знакомы, складъ рѣчи ихъ, тоже поражаетъ меня чѣмъ-то слышаннымъ. Я вслушиваюсь, стараюсь понять, что говорятъ они—напрасно! До меня безпрестанно долетаютъ только не понятныя слова: «своихъ не выручишь» «около того», «я добрый мальчикъ», «ни съ того ни съ другаго», «съ одной стороны». Я изумленъ до крайности!

— Послушай, любезный,—сказалъ я какому-то старичку, который красовался впереди всѣхъ призраковъ, безпрестанно повертываясь на одной ногѣ:—что вы за люди и зачѣмъ пришли сюда?

— Мы не люди, а только около того! отвѣчалъ старикъ съ полержавой физиономіей.

—Зачѣмъ вы пришли сюда?

—Насъ прислала сюда добрая г-жа, которую зовутъ памятью, отвѣчалъ старичекъ и привился снова вертѣться, прозвися безпрестанно: «около того!»

О, восторгъ, о, счастье! Все наконецъ для меня объясняется. О, какъ добра моя память! Она сжалилась надо мною, она прислала ко мнѣ помощь нечаянную, но благодѣтельную... Да, я узналъ ихъ: они—главныя дѣйствующія лица водевилей, это ихъ поговорки, ихъ манеры, ихъ остроты... Теперь сами они, добрые ге-

рон, расскажутъ вамъ свои дѣянiя, а я, какъ и вы, буду слушать и радоваться.

Ну, г. ювелиръ продолжайте.

Тутъ старикъ приблизился ко мнѣ, повернулся нѣсколько разъ, проворчалъ себѣ подъ носъ «около того», похлоivilся и началъ:

Я ювелиръ Рупертъ, пришелъ изъ водевила «*Шла въ мышь не утаишь.*» Меня въ рѣченномъ водевилѣ лурачатъ самымъ ужаснымъ образомъ. У меня была подъ опекой племянница Розина; все у нея было прекрасно, — и глазки, и губки, и вошки, и около того, а лучше всего было ея придавое; я, какъ умный и разсудительный человекъ, рѣшился жениться на ней. Но чортъ, около того, подуталъ меня. Племянница моя влюбилась въ какого-то студента Фортункина, который, сто смертей ему, чертову сыну! выманилъ у меня приданое Розины презамысловатой штукой. Разъ является ко мнѣ какой-то баронъ, не то, чтобы совѣтъ баронъ, а около того, какъ вы скоро увидите. Онъ сторговалъ у меня брильянтовъ на 50 тысячъ; я около того, чуть съ ума не спятилъ отъ радости; развѣсилъ уши да и слушаю его околесую. Онъ говорить: отправимся къ моему дядѣ, онъ вамъ заплатитъ деньги, только берегитесь его: на него находятъ иногда припадки сумасшествiя; онъ воображаетъ себя докторомъ! Я, около того, съ дуру всему повѣрилъ, и отправился къ барону—доктору. Тутъ племянникъ исчезъ, я остался съ глазу на глазъ съ лядюшкой, который вдругъ началъ меня лечить, принимая меня за сумасшедшаго. Какъ? Самъ онъ сумасшедшій, около того! Сумасшедшій началъ, около того, увѣрить меня, что я не ювелиръ, а графъ, и пошелъ, и пошелъ около того вертѣться, а брильянтовъ не отдаетъ. Тутъ меня бросило въ жаръ, въ холодъ, мнѣ стало, около того, страшно... Я началъ громко требовать мои драгоценные камни и наконецъ, о ужасъ! — увѣрился, что у меня ихъ украли! Ужасно!

Я мирно камни продавалъ
И капиталъ себѣ упрочилъ,
Варугъ чортъ меня околдовалъ,
И шутъ какой-то обморочилъ.
Нашъ миръ въ искусствѣ надувать
Достигъ такого совершенства,
Что и на камнѣхъ основать
Нельзя ужъ прочнаго блаженства.

Вотъ каковъ нынче миръ! Ужъ подлинно, что лучше бы въ немъ, около того, честному человеку не родиться... Положенiе мое было ужасно; я плакалъ, бѣсился, а люди, — вотъ каковы люди! — во весь разговоръ мой съ проклятымъ докторомъ хохотали во всю мочь! Нѣтъ жалости, нѣтъ состраданiя въ челоуѣческихъ сердцахъ нашего времени! Вдругъ является Фортункинъ съ моею племянницей, на которой онъ, злодѣй, успѣлъ ужъ жениться въ мое отсутствiе. Мало того: онъ же похитилъ и брильянты мои, назвавшись барономъ. Дѣло-то, видите, въ томъ, что онъ, около того, и меня, и доктора надулъ, выставивъ насъ одного передъ другимъ за сумасшедшихъ. Я несчастный, «осмѣянный громко и торжественно», принужденъ былъ выдать приданое Розины, чтобъ возвратитъ брильянты. Вотъ какъ ужасно меня, около того, одурачили! Стыдно въ Гороховую показаться! Тѣмъ болѣе ужасно для меня мое положенiе, что публика оно очень повравилось: она много аплодировала и вызвала автора. Воля ваша, а негодилось бы, около того, поощрять такого насмѣшника!

Такъ старичекъ, съ физиономiей напоминающей пустую бутылку, окончилъ рассказъ свой. Мы расклапались. Онъ повернулся, произнесъ еще нѣсколько разъ, «около того», и исчезъ. Передо мной явился другой.

— Я Фирсъ Мардарьевичъ Клопиковъ, изъ водевила: «*П. С. Мочаловъ въ провинции.*» Я «обширѣйшая скотина» я «величайшее животное» въ провинциальномъ городе! Увлеченный двухдневнымъ голодомъ и минутною жаждою славы, вы-

далъ я себя за Мочалова, и игралъ роль Фердинанда въ трагедіи «Коварство и Любовь, или ужаснѣйшій секретарь погубившій два чувствительныя сердца.» Меня, «бестію» утѣдная публика приняла съ восторгомъ, и, «каналья», получилъ 300 р. за первое представленіе. Все шло чудесно;—вдругъ является настоящій Мочаловъ; тутъ все пошло скверно. Къ концу пьесы меня «размочалили», и я сталъ по прежнему Фирсомъ Клошкочнымъ. Вотъ вся моя исторія. Въ продолженіе пьесы, я очень много пилъ, а потому съ языка моего сорвалось много грубостей, которыя петербургской публикѣ не понравились... Со вѣсѣмъ здѣсь вкусу нѣтъ. Го ли дѣло у насъ!

— За что же вы себя безпрерывно ругаете такими неприличными словами?

— «А за то, что дурно создалъ!» —

Опъ исчезъ. Прело мной явилась блѣлая, чувствительная женщина. Я «Лауретта», сказала она сентиментальнымъ голосомъ, дѣлалъ какую-то гримасу, въ родѣ улыбки. Исторія моя длинна и ужасна, но силы мои слабы, я чувствую разстройство въ нервахъ, я чуть жива, поэтому, простите меня: я не могу теперь рассказать вамъ моихъ походовъ. Еслибъ вамъ угодно было назначить время (она опять сдѣлала чувствительную гримасу). Небезпокойтесь, сударыня, быстро отвѣчалъ я:—вы можете идти, куда вамъ угодно; въ сердцѣ моемъ есть еще столько жалости, чтобъ имѣть состраданіе къ несчастію ближнихъ. Вы слабы, вамъ пу-жко успокоиться! Она присѣла, сдѣлала опять глазки, прижала руку къ сердцу, и съ чувствомъ поклонилась «Квакеру» который приближался ко мнѣ въ то время. Я началъ такъ:

— Вамъ, почтенный квакеръ, я скажу только одно: вы не знаете уставовъ вашей секты, даже столько, сколько я ихъ знаю. У васъ есть правило—не лишать жизни никакого живущаго существа, даже муху, безъ особенно уважительной причины? Квакеръ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

За чѣмъ же вы убиваете на сценѣ птичку, изъ одного желанія показать, что вы хорошо стрѣляете? Такъ порядочные квакеры не дѣлаютъ. Ступайте, если у васъ нечего сказать въ свое оправданіе, будьте впередъ осторожны! Онъ не отвѣчая ничего, мѣрными шагами вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Лауреттою.

Передо мной явился *Теоклистъ Онуфричъ Бобъ*. Мы бросились другъ къ другу въ объятія, и долго не могли говорить отъ избытка разнородныхъ ощущений, волновавшихъ наши сердца. — А, старый знакомый! какими судьбами? наконецъ сказалъ я.—Увы, отвѣчалъ онъ: судьбами самыми непостижимыми. Мирно жилъ я въ Псковѣ, изрѣдка посвящая музамъ часы досуга. Вдругъ меня взяли и вывели на потѣху публики. Повѣрите ли, вывернули на изнанку мои семейныя обстоятельства, окомпроментировали меня. и для чего? О, ужасно! Я, который такъ гордо и величественно шелъ по пути литературному, котораго не смѣли коснуться ни клевета, ни зависть,—я имѣлъ несчастіе усыпить зризелей! — Не плачь, утѣшься, любезный Бобъ! Слава твоя не навсегда погибла... началъ я, но Бобъ былъ неутѣшенъ.—Рѣшительно никакого эффекта не произвелъ я, говорилъ онъ рыдая:—исторія моя была представлена публикѣ слабо и неестественно! О, зачѣмъ не самъ я изложилъ ее, зачѣмъ не помѣстили въ ней плодовъ моего вдохновенія? Вотъ куплетъ, который одинъ только я могу признать достойнымъ моего имени.

Пріятныя мечтанія
Я въ сердцѣ заключалъ,
День бракосочетанія
Счастливейшимъ считалъ.
Вдругъ мнѣ судьба повѣсила
Бѣду на шею вновь:
Жена закуралесила —
И какъ въдѣ? стыпеть кровь!
Не зналъ я прежде ревности,
Сей губельной чумы,
Отъ коей гибли въ древности
Великіе умы:—

Теперь я, какъ помѣшанный, —
 Мнѣ нуженъ мѣднѣя лавръ:
 Повятежь мнѣ ты—бѣшеный
 Венеціанскій Мавръ!

— Меня сыграли только два раза, я осужденъ прозябать во мракѣ театральной библиотеки. — И онъ заплакалъ горько. Что дѣлать, мой другъ, сказалъ я: — публика неумолима: она готова осыпать похвалами за хорошее, но въ то же время не надо забывать, что она не любитъ созданій со-стряпанныхъ кое-какъ, на скорую руку, въ угоду кому бы то не было; не должно забывать, что она всегда имѣетъ право перемѣнить милость на гнѣвъ! Мы разстались, обливаясь слезами.

Передо мной явился франтъ, въ модномъ платьи, въ прическѣ, какъ говорятъ французы, «а la чортъ меня побери»!

Я «Убійца своей жены», Пупинель, сказалъ онъ. Исторія моя слишкомъ длинна... — Длинна, перебилъ я съ ужасомъ, чувствуя совершенное истощеніе и необыкновенную жажду сна... Довольно! ступайте господа, я поговорю съ вами въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара.»

Они вдругъ исчезли.

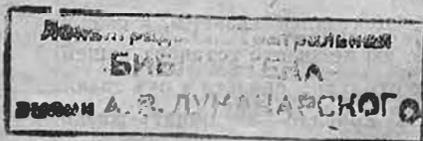
Но вы, можетъ быть, скажете, что все

это не правдоподобно, что все это я натянулъ, что ничего подобнаго не было? Пожалуй, думайте, что хотите, а я все буду стоять на своемъ. Отчего-жъ вы думаете, что ко мнѣ лѣйствительно не явились всѣ эти герои въ видѣ блѣдныхъ призраковъ? Вѣдь это ихъ настоящая форма. Возьмите еще въ соображеніе то, что память моя долго дремила; слѣдовательно не мудрено и то, что послѣ долгаго отдохновенія впечатлѣнія ея на меня сделались гораздо живѣе и то, что она прежде представляла мнѣ въ слабыхъ тѣняхъ, явилось теперь предо мною во всей полнотѣ, въ формахъ дѣйствительности. Не ужели и это не такъ? Впрочемъ, думайте, что хотите: натянулъ, такъ натянулъ! По крайней мѣрѣ я утѣшаюсь мыслию, что отдѣлался отъ груды скучныхъ піесъ, и въ слѣдующей книжкѣ мнѣ остается поговорить съ вами только о бенефисахъ г.г. Мартынова и Куликова, да о тѣхъ, которые имѣютъ быть по написаніи сей длинной статьи. Поздравляю васъ съ выходомъ третьей книжки «Пантеона» и съ скорымъ появленіемъ 4-й и 5-й.

— — й — — въ.

10397

18201, 9739
 9839

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. ПОЛЯКОВА,

На Невскомъ Проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ графини Стrogановой и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконой Линіи, № 17, поступили въ продажу:

ПОЛНОЕ СВѢДѢНІЕ О ПОЛЬЗОВАНІИ ХОЛОДНОЮ ВОДОЮ, или лсное изложене правилъ — какъ самыя втрныя образомъ, помощію холодной воды, скоро и верво излѣчивать многія опаснѣйшія человѣческія болѣзни, съ присовокупленіемъ избраннѣхъ исторій болѣзней. Издано для образованныхъ сословій докторомъ Фабриціумомъ. Съ нѣмецкаго втораго изданія перепеделен Старорускаго воевнаго госпиталія старшимъ докторомъ, дѣйствиельнымъ членомъ общества русскихъ врачей въ Санктпетербургѣ, Статскимъ совѣтникомъ Михайломъ Лояловскимъ. Второе исправленное изданіе, съ помѣщеніемъ въ немъ второй части о семь же предметѣ, сочня переполчиномъ, которой удостоился получить Высочайшую награду отъ Государя Императора. Въ двухъ частяхъ. С.—Пб. 1841 года; цѣна 2 руб. сер.

ПРАВИЛА о употребленіи холодныхъ и теплыхъ водъ и ваннъ на дому и въ заведеніи. С. П. б. 1840 г. цѣна 75 к. сереб.

СТО ЛИТЕРАТОРОВЪ, томъ 2-й, съ 10 портретами и 10 картинами. Спб. 1841 г. Цѣна 25 руб. ассигн.

СТО ЛИТЕРАТОРОВЪ, томъ 1-й, съ портретами и картинами. Цѣн. 25 руб. ас.

ЛАСТОВКА, сочиненія на: Майороссіи — скомъ языкѣ Гг. Норвиконскаго, Гребенки, Грицька—Основьяпенка, Забѣлы, Котляревскаго, Корещицкаго, Кулша, Мартавицкаго, Пасаревскаго, Чужбинскаго, Шевченка, Шеренери и другихъ. Повѣсти и разсказы, и некоторыя народныя малороссійскія пѣсни, поговорки, пословицы, стихотворенія и сказки. Собралъ Е. Гребенка. Спб. 1841 г. Цѣна 8 руб. ассигн.

ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА, заключающая въ себѣ правила и формулы относящіяся: къ движенію воды, истеченію газовъ, спавъ теченія воды, полезному дѣйствию и устройству гидравлическихъ колесъ и паровыхъ машинъ, ваховымъ колесамъ, передачѣ движенія, опредѣленію псвареній составныхъ частей машинъ, результатамъ опытовъ надъ полезнымъ дѣйствіемъ движителіей и ма-

шинъ, употребляемыхъ въ разныхъ производствѣхъ. Второе изданіе, увеличенное результатами новыхъ опытовъ надъ турбинами и правиллами, употребляемыми для ичисленія: изгѣба подпорныхъ брусьевъ, дачленія сподовъ и изгѣтренія ихъ пятъ, давленія земель, толщивны подпорныхъ стѣнъ (одежля), изгѣтренія деревянныхъ брусьевъ для потолковъ и крышъ и другимъ прибавленіями. Соч. А. Морена, аргиллерійскаго капитана, члена королевской академіи, профессора механики и проч. Перевелъ въ франц. корууса горныхъ инженеровъ поручикъ Ольшевъ 3-й. 2 части, Спб. 1839 г. Цѣна 2 руб. серебромъ.

ХОЗЯЙСТВЕННО — практическое наставленіе о еодержаніи всѣхъ огородныхъ овощей; хлѣбл. табаку, аниса, мака, рапса, и важнѣйшихъ красильныхъ и масличныхъ произрастеній; плодовыхъ деревь, ягодныхъ кустовъ, ананасовъ, раншхъ черниковъ, арикосовъ, пшеень, сливъ и винограда; разныхъ цвѣтшыхъ кустовъ и деревь, какъ садовыхъ такъ и тепличныхъ, комнатныхъ и оранжерейныхъ, съ присовокупленіемъ правилъ о помшкѣ горшечныхъ растеній и проч., в общаго садоваго календаря. Извлечено изъ сочиненій пзвѣстнаго русскаго садовода — Ивана Цигры; переводъ съ нѣмецкаго И. Р.—да. 3 части. Спб., 1840 года. С О Д Е Р Ж А Н І Е: Часть 1-я: Огородникъ. Часть 2-я: Садовникъ. Часть 3-я: Садовый календарь. Цѣна 3 руб. сереб.

ИСПОУДЪ или Собраніе разсужденій доктора Ястребцова. Спб., 1841 года. Цѣна 8 руб. ассигн.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ. Соч. автора «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ», «Писемъ о Богослуженіи» и проч. Второе изданіе. Спб., Цѣна 1 руб. 45 коп. серебр.

ПА СОПЪ ГРЯДУЩІЙ. Отрывки изъ вседневной жизни. Соч. графа Солмогуба. Спб., 1841 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. серебромъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ М. Лермонтова. Спб., 1840 г. Цѣна 1 руб. серебромъ.

Иногородныя особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книгами, журналами и газетами, издаваемыми на 1841 годѣ, и публикуемыми прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полякова.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

- I. ШЕЛЬМЕНКО-ДЕНЬЩИКЪ.** Комедія въ пяти дѣйстви-
лхъ. Соч. Грицка-Основамянка.
- II. МАРІА МАЛЫБА ІЪ.** Біографическая повѣсть. Соч.
графини де Мерленъ.
- III. СВѢТСКАЯ ЖЕНЩИНА.** Разказъ *Несторенко.*
- IV. БІОГРАФИЧЕСКІЕ СИЛЮЭТЫ АРТИСТОВЪ:**
 - I. ЕВГЕНІЙ СКРИВЪ.** Статья *О. Коки.*
- V. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:**
 - 1. НОЧЬ Н. Вуича.**
 - 2. НОЧЬ ВЪ ВЕНЕЦІИ. П. Щербин—“.**
 - 3. НАШИ НОЧИ, НАШИ ДНИ. Л. Лкубовича.**
 - 4. ГОСТЬ. С. Стромиллова.**
 - 5. КЪ Н. Н.—Н. Н.**
 - 6. ГОНДОЛЪЕРЪ, О. Коки.**
- VII. ПАНОРАМА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ:**
 - 1. Франція.**
 - 2. Германія.**
- VI. ПРИЛОЖЕНІЯ:**
 - I. ПОРТРЕТЪ СКРИВА.**
 - II. НОТЫ:** Баркарола, слова *О. Коки*, музыка *К. Арполяда.*
 - III. N 3-й ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ,**
котораго содержаніе слѣдующее:
 - 1. ЛЮБОВНЫЯ ЗАПИСКИ МУЖА.** Водениль въ одномъ
дѣйствиі, передѣланный съ французскаго *П. И. Григорье-
вичемъ.*
 - 2. О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ**
ТЕАТРОВЪ. Статья *Р. М. Зотова.* (Окончаніе).
 - 3. ЛѢТОПИСЬ РУССКАГО ТЕАТРА, С. Петербургъ.** Ап-
рѣль, май. — л — ва.